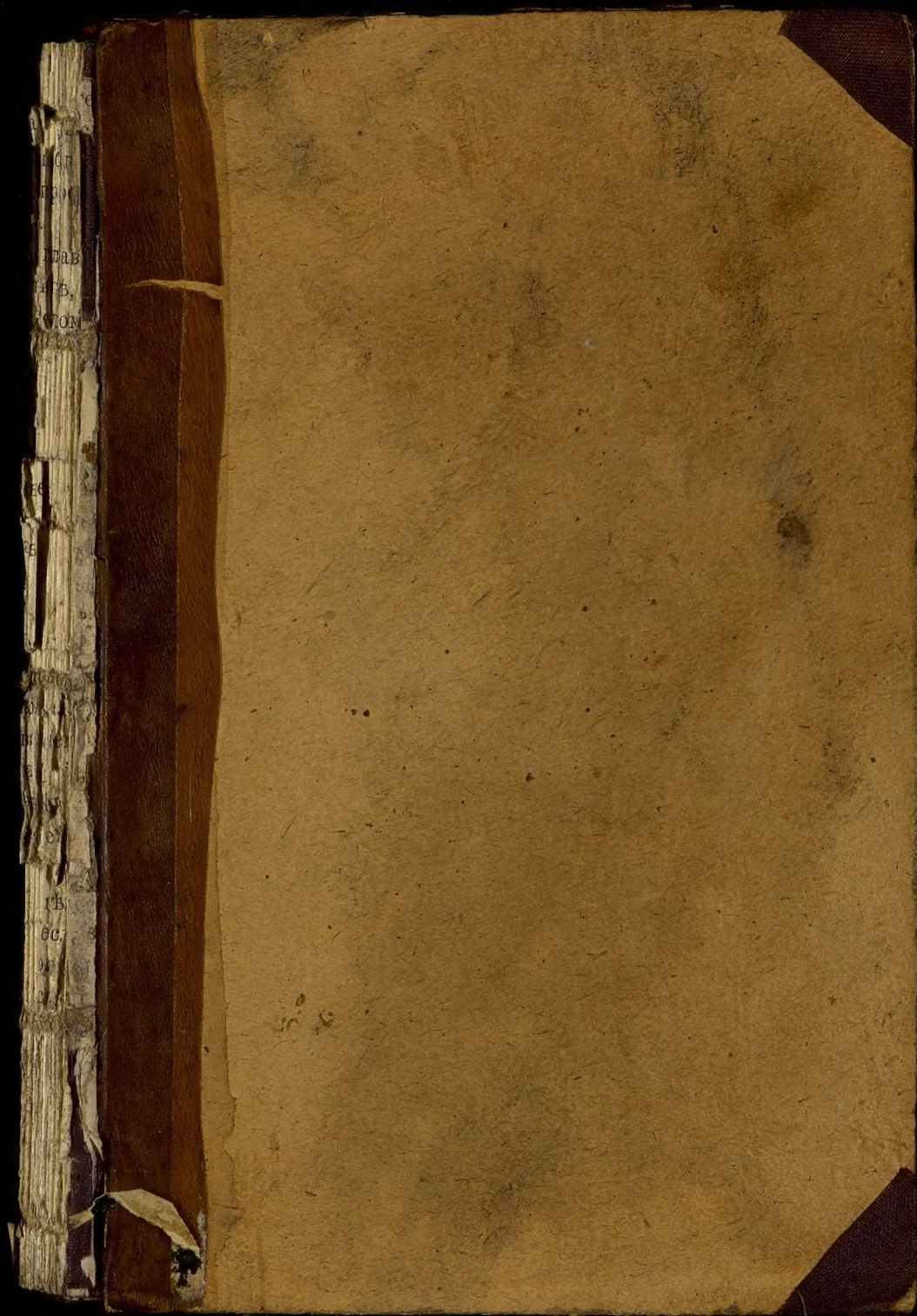

БИБЛИОТЕКА

ОБЩЕСТВА ДЛЯ ДОСТАВЛЕНІЯ СРЕДСТВЪ

ВЫСШИМЪ

ЖЕНСКИМЪ КУРСАМЪ.

Шкафъ XVII/a

Полка 3

№ 8

Библиотека Н. Н. МИХАЙЛОВСКАГО

шкафъ XVII полка 3 № 6

+

41-8

RECEIVED
JAN 10 1964
U.S. DEPARTMENT OF JUSTICE
FEDERAL BUREAU OF INVESTIGATION

+

8-11

18/11

Ш-88

А. А. ШТЕВЕНЪ.

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ СЕЛЬСКОЙ УЧИТЕЛЬНИЦЫ.

СОДЕРЖАНИЕ: Предисловіе. — I. Исторія одной школы. — II. По поводу школъ грамотности. — III. Изъ жизни деревни и молодого ея поколѣнія. Очерки: 1) Пѣшкомъ въ Муромъ. 2) Лѣтнія занятія при Яблонской школѣ въ 1894 году. — IV. Выписка изъ опредѣленія Нижегородскаго епархіальнаго училищнаго совѣта. — V. Письмо въ редакцію «Русскихъ Вѣдомостей».

БИБЛИОТЕКА

О-во для достав. средствъ

В. Ж. КУРСАМЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).

1895.

Х. 1. 81

88-11

22/10

RECEIVED
F. M. STUBBS
OCT 21 1948

RECEIVED
F. M. STUBBS
OCT 21 1948

RECEIVED
F. M. STUBBS
OCT 21 1948

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Издавая вновь появившуюся въ январѣ 1894 года брошюрку подъ заглавіемъ «Изъ записокъ сельской учительницы» и напечатанныя въ «Вѣстникѣ Европы» за 1895 годъ письмо «По поводу школь грамотности» и статью «Изъ жизни деревни и молодого ея поколѣнія», я пользуюсь случаемъ, чтобы высказать русскимъ людямъ свою радостную, горячую благодарность за живую ихъ отзывчивость и скорую, щедрую помощь. Прошло немного болѣе года съ той поры, когда я впервые рѣшилась къ нимъ обратиться,— и почти все тогда задуманное осуществляется или даже осуществилось. Благодаря денежной поддержкѣ со стороны Нижегородскаго Губернскаго Земства и уѣздныхъ земствъ Княгининскаго и Лукояновскаго, удалось открыть болѣе 20 новыхъ школь грамотности, причемъ представители мѣстнаго образованнаго общества взяли многія изъ нихъ подъ особое свое покровительство и на свое попеченіе. Благодаря

частнымъ пожертвованіямъ я имѣла возможность оказать денежную помощь крестьянамъ при постройкѣ ими помѣщеній для новыхъ земскихъ школъ въ с. Аносовѣ Сергачскаго уѣзда и селахъ: Васильевомъ Врѣгѣ, Кичанзинѣ, Чапарахъ и Чуфаровѣ Арзамасскаго уѣзда. Кромѣ того, земскія школы въ Чуфаровѣ и въ Трянгушахъ (Арзамасскаго уѣзда) удалось снабдить книгами для внѣкласснаго чтенія. Благодаря тѣмъ же частнымъ пожертвованіямъ и помощи Московскаго Комитета Грамотности открываются или уже открылись сельскія библіотеки въ с. Смирновѣ и селѣ Выѣздномъ (Арзамасскаго уѣзда), въ с. Ревезени (Княгининскаго уѣзда) и с. Шутиловѣ (Лукояновскаго уѣзда), а кромѣ того Петербургскій Комитетъ Грамотности открываетъ сельскую библіотеку въ с. Яблонкѣ, гдѣ такъ давно уже чувствуется въ ней потребность. Исполнилось и другое еще давнишнее мое желаніе. Нашлись люди и средства на устройство въ прошломъ году въ селѣ Яблонкѣ лѣтнихъ занятій для учителей школъ грамотности и другихъ кончившихъ курсъ начальной школы учениковъ. Есть также значительныя пожертвованія на покупку или постройку дома для частнаго учебнаго заведенія, которое я надѣюсь открыть для продолженія образованія кончившихъ

начальную школу крестьянскихъ мальчиковъ. Мнѣ недостаетъ только средствъ на содержаніе школы въ теченіи первыхъ двухъ, трехъ лѣтъ ея существованія, когда еще нельзя надѣяться на помощь земства. Но, наученная опытомъ, я твердо уповаю, что дѣло это не заглухнетъ и не останется безъ помощи, если только оно дѣйствительно жизненно и цѣлесообразно.

Радуюсь успѣху личнаго своего скромнаго дѣла, я вмѣстѣ съ тѣмъ горячо вѣрю, что настало время быстрого и всесторонняго роста всего вообще великаго дѣла народнаго образованія, и вѣра эта вполне миритъ меня со многими отдѣльными неудачами и затрудненіями.

Мартъ 1895 г.

Эти строки были уже написаны, когда послѣдовало опредѣленіе Нижегородскаго епархіальнаго училищнаго совѣта при братствѣ св. Георгія отъ 18-го мая 1895 г., преданное гласности въ приложеніи къ № 11 «Нижегородскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей», «о воспрещеніи мнѣ всякой дѣятельности по открытію и организаціи школъ грамоты». Такъ какъ опредѣленіе это полагаетъ предѣлъ моимъ начинаніямъ, въ осуществленіи которыхъ я признавала себя нравственно отвѣтственной передъ лицами,

оказавшими мнѣ свою поддержку, то я считаю нужнымъ перепечатать здѣсь указанное опредѣленіе вмѣстѣ съ моимъ отвѣтомъ на него, помѣщеннымъ въ видѣ письма въ редакцію «Русскихъ Вѣдомостей» (№ 205).

Мнѣ остается добавить еще нѣсколько словъ по поводу первыхъ двухъ, перепечатываемыхъ здѣсь, моихъ статей.

Слѣдя за впечатлѣніемъ, производимымъ ими на читателей, я замѣтила, что во второй изъ нихъ я недостаточно ясно выразила связь и соотвѣтствіе съ первой. Такъ какъ въ «Исторіи одной школы» почти не упоминается о встрѣченныхъ мною затрудненіяхъ, въ письмѣ же въ редакцію «Вѣстника Европы» почти только о нихъ и говорится, нѣкоторые читатели дѣлаютъ неожиданное для меня заключеніе, что взгляды мои на положеніе школъ грамоты успѣли въ теченіи одного года значительно измѣниться. Но при этомъ упускается изъ виду, что я писала о двухъ разныхъ предметахъ, или, лучше, о *двухъ разныхъ сторонахъ* того же предмета. Въ первой статьѣ я попыталась описать личное свое отношеніе къ школамъ и личныя свои наблюденія за внутренней ихъ жизнью. Я описала вкратцѣ возникновеніе школъ, переговоры съ крестья-

нами, свойства и характеръ молоденькихъ учителей, ихъ занятія, достигаемые ими результаты и то значеніе, которое имѣетъ самая даже скромная школа какъ для учащихся, такъ и для сельскаго населенія вообще. Я описала это потому, что находила во всемъ этомъ много любопытнаго и симпатичнаго, много ободряющаго и утѣшительнаго, много такого, что оставляетъ навсегда самыя свѣтлыя, дорогія въ жизни воспоминанія, и что достаточно узнать, чтобы пріобрѣсти навѣкъ горячія симпатіи въ народной массѣ и глубокое убѣжденіе въ необходимости для нея умственнаго развитія и просвѣщенія. За исключеніемъ одного только моего, какъ я впоследствии убѣдилась, невѣрнаго предположенія, что еще не скоро можно будетъ завести достаточное количество правильно организованныхъ школъ,—я слово въ слово повторила бы теперь все то, что было мною тогда написано. Но къ написанному въ декабрѣ 1893 г. слѣдовало добавить еще многое другое, и въ упущеніи этого состояла моя коренная ошибка, которую я и попыталась исправить въ послѣдующей своей статьѣ. Въ первой моей статьѣ нѣтъ ни слова объ официальном положеніи школъ грамоты и объ отношеніи къ нимъ священниковъ и духовнаго начальства, и когда появилась брошюра, я не безъ ужаса

увидѣла, что въ ней усматриваютъ свидѣтельство
въ пользу этого положенія и въ пользу чуть-ли не
исключительнаго распространенія этого типа школъ.
Не желая, чтобы написанное мною служило взгля-
дамъ, которыхъ я не раздѣляю, я рѣшила (въ по-
слѣдующей своей статьѣ) восполнить пробѣлъ и по-
казать обратную сторону медали.

Александра Штевень.

Августъ 1895 г.

ИСТОРИЯ ОДНОЙ ШКОЛЫ.

Декабрь 1893 г.

Восемь лѣтъ тому назадъ, послѣ двухлѣтняго пребыванія за границей, мнѣ привелось поселиться въ нашемъ имѣнїи, въ селѣ Яблонкѣ, Арзамасскаго уѣзда. Такъ какъ школы у насъ тогда въ селѣ еще не было, я, отъ нечего дѣлать, стала учить читать нѣсколькихъ крестьянскихъ ребятъ; число ихъ постепенно увеличивалось, и занятія съ ними скоро получили для меня большой интересъ. Меня, знакомую почти только съ Петербургомъ и заграницей, поразилъ прежде всего скудный и суровый образъ жизни, который вели мои ученики,—эти корки хлѣба, которыя они считали обѣдомъ, эти тѣсныя, грязныя избы, въ которыхъ они жили. Мнѣ случалось видѣть болѣзнь и смерть при такой обстановкѣ, и забыть этого было уже невозможно. Поражали меня въ моихъ ученикахъ еще и многія неожиданныя черты характера. Я замѣтила, что они не только отличаются неунывающей веселостью и способностью шутить даже по поводу того, что питаются многимъ изъ нихъ приходилось впроголодь; что они не только

смѣлы и находчивы, не только любятъ лазать на самыя высокія деревья и скакать на самыхъ ретивыхъ лошаденкахъ, но что они еще и очень добродушно относятся другъ къ другу, новенькихъ и маленькихъ не только не дразнятъ и не преслѣдуютъ, но даже берутъ подъ свое покровительство,—что они, хорошо зная брань и побои, способны краснѣть и плакать отъ стыда и очень живо чувствовать любовь и ласку. Я замѣтила, главнымъ образомъ, что мои ребята сильно желаютъ учиться и что ничѣмъ родители не могутъ такъ напугать ихъ, какъ угрозой: «не пушу въ училище». При ближайшемъ знакомствѣ съ крестьянскимъ бытомъ, пришлось мнѣ узнать еще и про ихъ пороки,—про крайне шаткія понятія о собственности, про привычку къ божбѣ и лжи, про грубые слова и скверныя пѣсни, про пьянство, въ которомъ, во время престольныхъ праздниковъ и свадебъ, къ несчастью, участвуютъ не только взрослые, но и дѣти. Но, замѣчая въ крестьянскихъ дѣтяхъ эти грустные явленія, я замѣтила также, что имъ легко дать понять ихъ безобразіе и вселить отвращеніе къ нимъ. Передаю эти свои наблюденія не потому, чтобы они были новы, а потому, что они сильно измѣнили мои тогдашнія воззрѣнія на крестьянское населеніе, окружавшее нашу усадьбу, и на мои обязанности относительно него.

Я поставила себѣ двѣ цѣли: я рѣшилась учить крестьянскихъ ребятъ тому, что имъ хотѣлось знать,

и исправлять ихъ отъ пороковъ, что тогда считала вполне посильнымъ для себя дѣломъ. Теперь я знаю, что тутъ неизбежны разочарованія; знаю, что на большинство людей среда всегда будетъ вліять сильнее, нежели школа; я думаю, что значеніе школы—въ даваемомъ ею развитіи, которое поможетъ народу измѣнить условія своего быта и тогда уже исправиться отъ своихъ пороковъ. Но я продолжаю думать, что стремленіе къ перевоспитанію учащихся должно быть присуще каждой хорошей школѣ, потому что всегда есть случаи, когда оно достигаетъ цѣли, и потому, что во всѣхъ случаяхъ оно вызываетъ далеко не лишнее, хотя и временное, оживленіе совѣсти и нравственнаго чувства. И такъ, мы стали учиться и стали исправлять свои пороки.—Учительницей я тогда была крайне неопытной и неумѣлой. Ни какой либо учебной системы, ни тѣмъ болѣе дисциплины у меня въ школѣ не было; всякій говорилъ и вставалъ съ мѣста, когда хотѣлъ; разныя группы въ одно и то же время читали вслухъ, рассказывали, задавали вопросы и, за исключеніемъ времени, когда ребята, сбившись въ кучку, слушали какой-нибудь мой рассказъ, въ школѣ у меня былъ такой же беспорядокъ и шумъ, какой бываетъ на иномъ сельскомъ сходѣ. Это было не важно, пока учениковъ было немного; когда же ихъ набралось до 40, мнѣ, при такихъ условіяхъ, выучить ихъ можно было только очень немногому. Но отсутствіе въ моей школѣ дисциплины, безмолвія и строгаго

порядка въ первое время ея существованія все же не было безсмысленнымъ и бесполезнымъ. Ученики не имѣли никакого основанія скрывать что-нибудь отъ меня или хитрить со мною. Наказаній за шалости не было, и можно было смѣло сознаться въ нихъ; ни отмѣтокъ, ни наградъ за ученіе, ни принужденія къ нему не было, а потому подсказываніе другъ другу и списываніе другъ у друга было совершенно излишне. И между мною и учениками установилась искренность отношеній, благодаря которой можно было вліять на нихъ въ нравственномъ смыслѣ. Прежде всего у насъ устроилось школьное общество трезвости, и пить водку ученики бросили; затѣмъ ученики перестали употреблять грубыя ругательства; большинство перестало лгать, какъ прежде, почти безъ всякой надобности, а нѣкоторые и совсѣмъ перестали; они перестали смѣяться надъ стариками, перестали дразнить юродивыхъ, привыкли къ нѣкоторымъ правиламъ общежитія. А длинныя наши бесѣды съ старшими учениками—по поводу только что прочитанной главы изъ Евангелія, или эпизода изъ любимой нами русской исторіи, или какого-нибудь явленія мѣстной жизни,—нерѣдко весьма вредно для учебной части дѣла прерывали наши уроки ариметики или грамматики, но за то давали мнѣ многія драгоценныя указанія. Всякій разговоръ о подвигахъ, о преданности вѣрѣ и отечеству, о самопожертвованіи и презрѣніи къ смерти удивительно одушевлялъ моихъ молодыхъ собесѣдниковъ. Мнѣ слу-

чилось имъ разсказать, какъ одинъ оренбургскій казакъ научилъ своихъ односельчанъ и сосѣдей истинному христіанскому житію, и я никогда не забуду того безмолвнаго, страстнаго вниманія, съ которымъ они выслушали этотъ разсказъ. Одинъ угрюмый и скрытный мальчикъ, никому никогда не смотрѣвшій прямо въ глаза, въ первый, кажется, разъ поднялъ ихъ на меня, и все лицо его преобразилось и освѣтилось прекрасной, чуткой мыслью; а другой 12-лѣтній мальчикъ взволнованно и твердо заявилъ, что будетъ кормить тятю, пока тотъ живъ, а потомъ уйдетъ въ Оренбургъ, на христіанское житье. Еще случалось мнѣ долго бесѣдовать съ крестьянскими дѣвушками, которыя по вечерамъ приходили въ школу съ пряжей, чтобы выучиться молитвамъ и слышать разсказы изъ священной исторіи и изъ жизни святыхъ. Мы говорили о темныхъ сторонахъ деревенскаго быта, и дѣвушки были очень задумчивы и очень серьезны. А черезъ нѣсколько времени послѣ того, какъ мы разошлись, я услышала звонокъ и нашла у подъѣзда нашего дома четырехъ дѣвушекъ, которыя, не смотря на поздній часъ, вернулись, чтобы сообщить мнѣ свое рѣшеніе: онѣ не хотятъ жить, какъ всѣ, въ грязи, въ грубости и неправдѣ; онѣ не хотятъ слышать бранныхъ словъ и видѣть пьяныхъ, не хотятъ участвовать въ насиліяхъ и обманахъ; онѣ хотятъ втроемъ поселиться особо въ чистой кельѣ за садомъ, у церкви; хотятъ пѣть, работать, читать и молиться, и хотятъ до са-

мой смерти прожить чистыми и добрыми. Этотъ проектъ вызвалъ въ школѣ оживленные толки и споры; нѣкоторые мальчики подняли на смѣхъ молодыхъ отшельницъ, и сами онѣ, къ прискорбію своему, должны были согласиться, что имъ въ 15 лѣтъ поселиться однѣмъ въ кельѣ невозможно: надо было подождать года два, а черезъ два года всѣ онѣ вышли замужъ, и житье ихъ въ кельѣ не состоялось, какъ не состоялось и переселеніе мальчиковъ въ Оренбургъ.

Но эти наивныя вспышки идеализма, которыя, разумѣется, легко замѣняются равнодушіемъ и даже цинизмомъ, эти добрыя намѣренія, которыми, какъ извѣстно, вымощенъ адъ, но которыя все же несравненно лучше намѣреній злыхъ, доказали мнѣ могущество искренняго слова и то еще, что русскіе люди въ глубинѣ души всякую правду глубоко чтутъ. А главное, я постепенно убѣдилась, что крестьянскіе ребята и дѣвушки до извѣстной степени могутъ быть моими сотрудниками въ новомъ дѣлѣ, за которое я принялась черезъ четыре года послѣ начала моихъ занятій съ ними, а именно—въ устройствѣ по округѣ школъ грамотности.

Скажу, однако, прежде всего еще нѣсколько словъ о своей Яблонской школѣ. Отсутствие въ ней дисциплины скоро стало нестерпимымъ, во-первыхъ, потому, что слишкомъ утомляло мои нервы и дѣлало меня неспособной къ преподаванію, а главное, еще и потому, что вредно дѣйствовало на учениковъ, ли-

шая ихъ необходимой сдержанности, вѣжливости и внимательности. И измѣнить порядокъ къ лучшему оказалось не особенно труднымъ. Хотя въ то время я была раздражительна, а ученики распушенны, между нами все же были любовь и совѣтъ, ученики скоро поняли, чего я отъ нихъ хотѣла, и въ школѣ у меня водворились относительно порядокъ и тишина. вмѣстѣ съ тѣмъ и ученье пошло значительно лучше; я выработала себѣ извѣстную систему и стала придерживаться извѣстной программы, а весной 1889 г. школа моя официально была объявлена земскою школою, и съ тѣхъ поръ въ ней ежегодно стали происходить экзамены. Сдавши экзаменъ, большинство учениковъ, однако, продолжаетъ посѣщать школу, и изъ нихъ-то набирается персоналъ учителей для школъ грамотности.

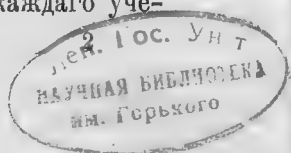
Разскажу, какимъ путемъ завелась первая такая школа въ Петлинѣ, большой деревнѣ въ 300 д., въ 5 верстахъ отъ Яблонки. Я слышала, что тамъ есть желающіе учиться,—знала, что тамъ имѣется пустой брошенный кабакъ, которымъ, при патріархальности нашихъ порядковъ, удобно можно было завладѣть, и поручила старостѣ переговорить съ крестьянами объ открытіи у нихъ школы. На должность учителя школы я прочила старшаго своего ученика и помощника, 16-ти-лѣтняго, способнаго и бойкаго малаго, которому перспектива учительства чрезвычайно понравилась. Какой огонь пробѣжалъ по его подвижнымъ чертамъ въ ту минуту, когда меня вызвали

изъ класса посланные сходомъ петлинскіе мужики! Они пришли сказать, что общество ихъ по бѣдности отъ учрежденія у себя школы отказывается. Но я такъ была увѣрена, что непременно нужно открыть школу въ Петлинѣ, что увѣренность эта какимъ-то образомъ передалась и мужикамъ, пришедшимъ съ отказомъ. Рѣшено было еще разъ собрать сходъ и мнѣ самой пріѣхать въ Петлино. Подъѣзжая къ деревнѣ, я увидѣла издали толпу гудѣвшихъ у пожарнаго сарая мужпковъ, но я тогда еще боялась этой чуждой мнѣ толпы и стала ждать рѣшенія схода въ домѣ старушки-родственницы. Ждать пришлось не мало, но, наконецъ, пришло съ десятокъ стариковъ, отъ которыхъ я, къ несказанной моей радости, узнала, что два общества согласились платить по 1 к. съ души въ мѣсяцъ и только третье маленькое общество еще «ломается». Два первыхъ взялись уломать это третье упрямое общество, и дѣйствительно, черезъ нѣсколько времени высокій, бородатый староста торжественно вручилъ мнѣ 3 р. 15 к.,—жалованье учителю за первый учебный мѣсяцъ. Мы открыли двери и ставни въ старомъ, низкомъ, закоптѣломъ бывшемъ кабацѣ, вставили и вымыли окна, передѣлали стойку на столы, раздобыли и принесли скамеекъ,—и въ новую школу набилось 38 мальчиковъ, жаждавшихъ учиться. Деньгами я въ то время почти никакими не располагала и книгъ у насъ не было, но на первые дни заготовлены были листки почтовой бумаги съ нарисо-

ванными на нихъ печатными буквами. По этимъ-то листкамъ и начали въ школѣ учиться, а потомъ взяты были взаймы буквари изъ сосѣдней земской школы, гдѣ они тогда (т.-е. въ февралѣ) уже пройдены были младшимъ отдѣленіемъ. Черезъ нѣсколько дней я пріѣхала въ новую школу и чуть не съ замيرانіемъ сердца спросила выбѣжавшаго мнѣ на встрѣчу учителя, какъ идетъ у него дѣло. И какой камень свалился у меня съ совѣсти, когда онъ, радостно улыбувшись, мнѣ отвѣтилъ: «слава Богу!»— Дѣйствительно, вся школа была полна ребятъ, всѣ, и въ томъ числѣ даже ровесники его по годамъ, охотно слушались «Николая Ивановича»: они уже учились нѣсколькимъ молитвамъ и знали почти всѣ буквы. А черезъ два мѣсяца они стали медленно читать, и я, не смѣя еще ожидать ничего лучшаго, сочла это блестящимъ успѣхомъ. Съ осени 1890 г. открыта была такая же школа въ другой деревнѣ, гдѣ отцы учениковъ сейчасъ же согласились нанять за 10 р. помѣщеніе для школы въ избѣ одной пожилой четы, а жалованье учителю я рѣшила платить отъ себя, Куда-то, на свою родину, перешелъ и петлинскій учитель, а въ Петлинѣ занялъ его мѣсто другой, бывшій мой ученикъ. Въ это же время о школахъ объявлено было епархіальному училищному совѣту, который и снабдилъ ихъ нѣкоторыми учебниками. Съ осени 1891 г. такихъ школъ было у меня 5, и я вынуждена была нѣсколько перемѣнить систему, т.-е. требовать съ cadaго уче-

изъ записокъ сельской учительницы.

Белб

ника небольшую плату за ученье, а именно по 40 к. за учебный годъ, — что повело за собой нѣкоторое уменьшеніе числа учениковъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ ученье сперва было совсѣмъ даровое. Такого уменьшенія не было бы, если бы, какъ это было въ Петлинѣ, возложить расходъ по школѣ на общество; но, хотя, въ случаѣ надобности, я считаю вполне возможнымъ убѣдить его членовъ принести нѣкоторыя жертвы не личному своему, а общему благу, пользоваться этой возможностью я не стала, такъ какъ это требуетъ значительной траты времени и причиняетъ неудовольствіе тѣмъ, кого общество вынуждаетъ платить и кто притомъ школой не пользуется.

Пршли первый и второй учебные годы въ первыхъ нашихъ школахъ грамотности; ученики стали бѣгло читать и понимать читаемое, стали писать довольно красиво и правильно, но къ стыду нашему должна признаться, что рассказывать они вначалѣ умѣли только выученное наизусть, и что, зная четьре дѣйствія ариѳметики, они совсѣмъ не умѣли ихъ примѣнять. {Къ концу второго года, однако, они понемногу привыкли говорить связно «своими словами», и, послѣ многихъ усилій со стороны своихъ молоденькихъ учителей, уразумѣли, когда слѣдуетъ вычитать и когда дѣлить. Особенно много труда положено было учащими и учащимися на Законъ Божій. Въ школахъ грамотности священники учить не сязаны, а потому учитель самъ долженъ былъ

достигнуть того, чтобы ученики твердо знали священную исторію, молитвы и краткій катехизисъ, а также порядокъ и значеніе церковныхъ службъ. Но горячее рвеніе молодыхъ силъ и крестьянская привычка къ упорному труду сдѣлали свое дѣло. Въ маѣ 1892 г. ученики двухъ старѣйшихъ школъ настолько уже подвинулись впередъ и развились, что можно было представить ихъ къ экзамену, и 17 мальчиковъ получили свидѣтельства съ правомъ на льготу по воинской повинности. Второй такой экзамень состоялся 19 апрѣля 1893 г. и на немъ получили свидѣтельства 27 мальчиковъ и 1 дѣвочка изъ четырехъ школъ грамотности. Этотъ послѣдній экзамень, сравнительно съ экзаменами въ земскихъ школахъ, былъ очень строгъ по отношенію къ Закону Божію, средней строгости по отношенію къ чтенію и письму и очень снисходителенъ по отношенію къ арифметикѣ.

Съ осени 1892 г. школъ грамотности открылось уже 13, и поддерживать ихъ на свои средства стало для меня затруднительнымъ. Мнѣ пришлось искать себѣ помощи, и я, дѣйствительно, нашла ее. Первые, полученные мною прошлой зимой отъ одного лица въ Москвѣ, 100 р. обезпечили существованіе четырехъ открытыхъ уже раньше школъ. А съ осени прошлаго 1893 учебнаго года, я, благодаря поддержкѣ г. оберъ-прокурора Св. Синода, могла открыть еще 18 новыхъ школъ, которыхъ всѣхъ теперь 31. Находятся онѣ частью въ маленькихъ деревушкахъ,

частью въ многочисленныхъ селлахъ, въ которыхъ тоже еще, къ несчастію, не заведено у насъ правильно организованныхъ школъ и которыя отчасти населены мордвой, не только съ русской грамотой, но и съ русскимъ языкомъ еще мало знакомой. При открытіи новыхъ школъ руководиться приходится не только желаніемъ крестьянъ, но еще и мѣстностью. Есть мѣста, гдѣ давно уже желаютъ имѣть школу, но куда я еще не могла добраться. Есть другія, гдѣ я первая завела рѣчь о школѣ, потому что ѣздить туда было мнѣ по дорогѣ и потому, что по разнымъ отдѣльнымъ признакамъ я давно уже убѣдилась, что потребность въ ученіи существуетъ вездѣ. Часто въ новую школу поступаетъ ученикъ изъ соседней деревни, и это даетъ мнѣ мысль завести школу и тамъ. Иногда встрѣчаются и такія глухія деревни, гдѣ еще слышишь, что ученье пахарю не нужно, что ученія дѣти не станутъ слушаться родителей и что нечего тратить деньги на пустяки. И въ нѣкоторыхъ такихъ деревняхъ я пока отложила открытіе школъ, считая, что помѣщать учителя и примѣнять денежные средства слѣдуетъ прежде всего тамъ, гдѣ населеніе уже понимаетъ пользу ученія. Но если мнѣ почему-либо не хотѣлось отказаться отъ мысли открыть школу въ данной мѣстности, я пріѣзжала туда, не смотря на несочувствіе крестьянъ къ моему предпріятію, и, по народному выраженію, «брала ихъ изморомъ». Имъ совсѣмъ не хотѣлось идти на сходъ ради ненужнаго имъ ученія, имъ даже, можетъ быть,

заманчивымъ казалось немного помолоться надъ барышней, но, брало-ли верхъ добродушное мнѣніе, что нельзя же заставить барышню ждать до безконечности, или начинала появляться мысль, что ученіе можетъ быть не такъ уже излишне, какъ сперва казалось,—въ концѣ концовъ сельчане собирались. А разъ сходилосъ человѣкъ 10 или 15, уже можно было—гдѣ горячимъ увѣщаніемъ, гдѣ шуткой—заставить молчать самыхъ ярыхъ противниковъ просвѣщенія. Изъ остальныхъ же нѣкоторые скоро соглашались отдать учиться своихъ дѣтей, и такъ открывалась маленькая школа съ 10—12 учениками,—въ мѣстѣ, правда, гдѣ ихъ могло бы быть сорокъ. Но надъ такими, очевидно, стоящими на шагъ позади остальныхъ, деревнями уже смѣются ихъ сосѣди, называя ихъ «деревней», и на одно сердитое заявленіе, что ученіе — вздоръ, я знаю сотни горячихъ рѣчей о пользѣ ученія и о томъ, что не вѣкъ дураками быть. Когда о своемъ желаніи завести у нихъ школу я передаю крестьянамъ черезъ третьихъ лицъ, мнѣ не разъ еще приходится получать отказы. Но тутъ почти всегда играетъ роль какое-нибудь недоразумѣніе, чье-либо косвенное враждебное вліяніе или простая недобросовѣстность старосты, избѣгающаго хлопотъ. Стоитъ пріѣхать въ село, собрать сходъ и объяснить крестьянамъ, что къ міру ни малѣйшихъ требованій не предъявляешь,—что платить и учиться будетъ только тотъ, кто пожелаетъ, что платить нужно будетъ самую бездѣ-

лицу, а учить дѣйствительно будутъ,—и тотчасъ же становится возможнымъ нанять квартиру и набрать достаточное число учениковъ. А какъ много любопытнаго и симпатичнаго случалось мнѣ видѣть въ толпѣ мужиковъ, набившихся въ тѣсную избу для обсужденія вопроса о школѣ. Одни разнообразныя, характерныя лица нижегородцевъ даютъ понять, какое богатство типовъ, способностей и характеровъ встрѣчается среди этой издали однообразной и сѣрой мужицкой толпы. Одни ихъ острые шутки и мѣткія замѣчанія уже стоятъ того, чтобы обратить вниманіе на складъ ихъ ума и нрава. Есть села, гдѣ на сходѣ соблюдается извѣстный порядокъ и къ выводамъ приходятъ дѣльно и постепенно; есть другія, гдѣ на сходѣ господствуетъ страшный шумъ и гамъ, но и въ этомъ шумѣ и гамѣ не теряется здравый мужицкій смыслъ и принимаются часто вполне удовлетворительныя рѣшенія. Только въ одномъ случаѣ крестьяне на сходѣ такъ и не могли придти въ соглашеніе относительно найма квартиры и учителя, потому что между двумя обществами маленькой деревушки существуетъ ожесточенное соперничество, и, какъ у нихъ всегда имѣется двое старостъ и двое пастуховъ, такъ теперь оказалось и два училища. Каковъ бы, впрочемъ, ни былъ результатъ переговоровъ и какъ бы великъ ни былъ шумъ на сходѣ, я въ немъ никогда рѣшительно не встрѣчала ничего оскорбительнаго для себя и все болѣе убѣждалась, какъ добродушна эта на видъ грубая толпа

и какъ она чутко умѣетъ щадить чувства людей, не принадлежащихъ къ ней по своимъ привычкамъ. И присутствіе на сходѣ стало для меня весьма интереснымъ и привлекательнымъ, хотя, конечно, тяжело бываетъ слышать о грустныхъ и темныхъ явленіяхъ народной жизни. Нерѣдко, впрочемъ, мое присутствіе на сходѣ уже излишне. Узнавъ черезъ волостного старшину или черезъ другое лицо о томъ, что я желала бы устроить у нихъ школу, крестьяне сами собираютъ сходъ, нанимаютъ помѣщеніе для училища, составляютъ списокъ желающихъ учиться и присылаютъ мнѣ бумагу, въ которой просятъ «Ея Высокородіе, Госпожу Учителюшу» пожаловать къ нимъ и начать ученіе. Случилось разъ, что такая бумага затерялась, и я только черезъ мѣсяцъ, узнавши о томъ, могла исполнить желаніе крестьянъ. Они очень были недовольны этимъ и нашли, что я плохо исполняю свои обязанности; и это ихъ неодобреніе доставило мнѣ еще больше удовольствія, чѣмъ ихъ сердечное спасибо за стараніе въ другихъ случаяхъ.

Главное, для чего нужно участіе крестьянъ при открытіи школы, это выборъ подходящаго помѣщенія и опредѣленіе его стоимости. Квартиры нанимаются очень различныя. Есть хозяева, которые отдаютъ для школы особую, довольно просторную комнату и получаютъ за это, вмѣстѣ съ отопленіемъ, отъ 15 до 25 р. въ годъ, есть такіе, которые пускаютъ учиться въ свою же избу за одни дрова или за 6, за 7, за 10 рублей въ зиму. Деньги эти рас-

кладываются на учениковъ, при чемъ въ бѣдныхъ или малолюдныхъ деревняхъ я даю отъ себя рубля 3 или 5, или же, послѣ уплаты каждымъ ученикомъ опредѣленнаго взноса въ размѣрѣ 30, 40, 50 копѣекъ, доплачиваю сама остальное, съ тѣмъ, чтобы ученики не боялись увеличенія расхода даже въ случаѣ, если бы уменьшилось число плательщиковъ-учениковъ. Есть села, гдѣ для школы имѣются даровыя помѣщенія въ церковныхъ сторожкахъ и въ ѣзжихъ избахъ, но большинство изъ нихъ темны, тѣсны или холодны; только въ двухъ школахъ изъ 31 помѣщеніе дѣйствительно удобно. Мѣстами крестьяне на общественный счетъ снабжаютъ школу партами, мѣстами же приходится довольствоваться сборными столами и скамейками; мѣстами можно требовать отъ хозяевъ соблюденія порядка и тишины; мѣстами же приходится мириться съ присутвіемъ постороннихъ лицъ, съ разговоръ и дѣтскимъ крикомъ. Но и этими неудобствами особенно затрудняться нечего. Переговоры съ крестьянами приходится вести еще и по поводу платы учителю. Въ очень бѣдныхъ или пользовавшихся въ началѣ даровымъ обученіемъ школахъ я требую съ cadaго ученика только по 40 коп. въ зиму; въ другихъ мѣстахъ они платятъ по 50 к., и въ очень многихъ, кромѣ того, родители по очереди кормятъ учителя, что, конечно, представляетъ для него значительную выгоду. При общемъ числѣ въ 840 учениковъ, на каждую школу въ среднемъ приходится 27 человѣкъ;

но въ нѣкоторыхъ учится только человѣкъ 12—15, и взносы составляютъ всего рублей 5 или 6; въ такихъ школахъ учатъ самые молоденькіе, начинающіе учителя, которые, при добавочной платѣ отъ меня, получаютъ не болѣе 2 р. за учебный мѣсяцъ или 12 р. за зиму. Во второй или третій годъ учительства они получаютъ уже 2½ или 3 р. за учебный мѣсяцъ, и мнѣ приходится нѣсколько увеличивать доплату имъ отъ себя или же переводить ихъ въ школу съ болѣе значительнымъ сборомъ съ учениковъ.

Тѣ же учителя, которые уже учатъ года два или три и достигли болѣе зрѣлаго возраста, получаютъ (считая тутъ и содержаніе) по 4, по 5 и по 6 р. за учебный мѣсяцъ или отъ 25 до 40 р. въ годъ; такихъ учителей я помѣщаю въ одну изъ многочеловѣчныхъ школъ, гдѣ до 40 и даже до 50 учениковъ и гдѣ изъ взносовъ ихъ набирается столько, что большой доплаты съ моей стороны не требуется. Вначалѣ я сама собирала деньги и выдавала ихъ учителю, но это было очень хлопотливо, и взносы поступали неисправно; теперь же я сборъ денегъ предоставляю самому учителю, и крестьяне, зная, что учителю, какъ и имъ самимъ, нужны деньги на пищу и одежду, исполняютъ свои обязательства относительно него довольно добросовѣстно.

Помѣщеніе нанято и готово, учитель на лицо, и мы въ назначенный день приступаемъ къ открытію школы. Быстро сбѣгаются въ школьную избу и раз-

мѣщаются по скамейкамъ взволнованные, раскраснѣвшіеся ребята и немногія дѣвочки, которыхъ матери согласились освободить отъ нянченія и пряжи; приходятъ, любопытствуя и большей частью сочувственно улыбаясь, мужики и бабы; молоденькій учитель, не безъ смущенія и нервной торопливости, принимаетъ отъ меня по списку книги и классныя принадлежности, которыя я выдаю ему въ счетъ жалованья для продажи ученикамъ. Затѣмъ, начинается молебень, и надо видѣть, съ какимъ усердіемъ, взмахивая волосами, кладетъ земные поклоны иной бойкій мальчуганъ, давно уже, вѣроятно, страстно желавшій учиться. Не мало видишь тутъ и другихъ еще маленькихъ мужичковъ, которые молятся, садятся на мѣсто, выслушиваютъ и исполняютъ приказанія съ такимъ рвеніемъ, съ такой порывистой радостью, что нельзя не подумать въ эти минуты, какъ жаль бы было не дать имъ того, къ чему они такъ пылко стремятся. Часто сочувствіе къ ученю одинаково сильно какъ въ отцѣ, такъ и въ сынѣ, но встрѣчаются также родители, которые относятся къ ученю довольно равнодушно и предоставляютъ дѣтямъ учиться или не учиться, смотря по желанію. И дѣти большей частью желаютъ учиться. Только въ рѣдкихъ случаяхъ мальчика, напуганнаго, вѣроятно, потасовками и скукой старой науки, чуть-ли не насильно, со слезами, приводятъ въ школу старшіе. Но и такой невольный ученикъ большей частью скоро примиряется съ ученіемъ. Послѣ молебна я

обыкновенно сама даю первый урокъ, рассказываю какой-нибудь, по возможности интересный для слушателей, эпизодъ изъ священной исторіи и для начала объясняю напряженно слушающимъ ребятамъ, что ученики должны хорошо вести себя, должны быть вѣжливы, не должны пить вина и не должны браниться. А затѣмъ, нерѣдко заводится у насъ не столько съ еще робѣющими и недоумѣвающими ребятами, сколько съ ихъ отцами и матерями живой, хорошій разговоръ по поводу древней истины, что ученіе свѣтъ, а неученіе тьма, и что не хлѣбомъ однимъ живъ будетъ человѣкъ. А затѣмъ я прощаюсь съ ребятами и большими и уѣзжаю, выслушавъ послѣднюю просьбу, молоденькаго учителя, умоляющаго какъ можно скорѣе навѣстить его въ томъ, дѣйствительно, затруднительномъ положеніи, въ которомъ его поневолѣ и всякій разъ не безъ тревоги оставляешь. И, дѣйствительно, не мало бываетъ затрудненій въ первое время, то съ хозяиномъ квартиры, то съ черезчуръ требовательными родителями, то съ неумѣлымъ, а иногда и непригоднымъ къ дѣлу учителемъ. Много есть, впрочемъ, и такихъ счастливыхъ школъ, гдѣ съ перваго пріѣзда, при первомъ взглядѣ на веселыя лица учителя и учениковъ, видно, что дѣло пойдетъ.

Но, чтобы выяснитъ, какъ живетъ и дѣйствуетъ наша школа грамотности, надо прежде всего сказать нѣсколько словъ о ея учителяхъ. Первые учителя были всѣ ученики моей Яблонской школы; те-

перь ихъ уже не хватаетъ, и комплектъ пополняется учениками другихъ земскихъ и церковно-приходскихъ школъ, при чемъ желающіе стать учителями мальчики обязаны нѣкоторое время пробить въ Яблонской школѣ, отчасти для пополненія ихъ познаній, а главное, для того, чтобы я могла составить себѣ мнѣніе объ ихъ характерѣ и способностяхъ. Хорошая подготовка учителей или, проще сказать, хорошая учительская школа есть предметъ самой настоятельной необходимости, но достигнуть этого пока еще не было возможности. Со времени увеличенія числа школъ, т.-е. съ осени настоящаго учебнаго года, я просила наше уѣздное земское собраніе ассигновать средства для назначенія другой еще, кромѣ меня, учительницы въ мою Яблонскую земскую школу, на что собраніе и согласилось. Но средствъ на приглашеніе особаго учителя для готовящихся къ учительству учениковъ я не имѣю, да и сама посвящать все свое время исключительно имъ не могу. Такъ какъ я стараюсь бывать въ каждой школѣ грамотности, по крайней мѣрѣ, разъ въ двѣ недѣли, то изъ двухъ недѣль пять или шесть учебныхъ дней у меня цѣликомъ уходятъ на объѣздъ 15 дальнихъ школъ; въ остальные же семь или шесть учебныхъ дней я ежедневно подъ вечеръ ѣзжу изъ дому въ которыя вѣдѣ двѣ ближайшія школы; утромъ же, до двухъ или трехъ часовъ, занимаюсь со старшими учениками. Въ мое отсутствіе занимается съ ними также и новая яблонская школьная учительница, но

и она много времени имъ отдавать не можетъ. Можно бы, тѣмъ не менѣе, достигнуть порядочныхъ результатовъ, если бы будущіе учителя оставались въ школѣ подольше, но жить имъ приходится, такъ сказать, на бивуакѣ: учатся и ночуютъ они въ той же комнатѣ, гдѣ днемъ учатся всѣ 50 или 60 учениковъ Яблонской школы, а кормятся нѣкоторые у яблонскихъ крестьянъ, другіе тутъ же въ школѣ, чѣмъ Богъ пошлетъ, т.-е. взятыми изъ дому пирогами и лепешками. Пребываніе въ моей школѣ поэтому сопряжено для нихъ или съ расходомъ на столъ и ночлегъ, или же съ лишеніями, даже для крестьянскихъ мальчиковъ довольно чувствительными, а потому надолго задерживать ихъ въ школѣ нельзя. Кромѣ того, требуются все новые и новые учителя, и потому, какъ только мальчикъ достигнетъ 14—15 лѣтъ и я увѣряюсь, что онъ вообще пригоденъ къ этому дѣлу, я, послѣ одной зимы, а иногда и всего только двухъ-трехъ мѣсяцевъ подготовки, помѣщаю его на должность. Во вновь открытой школѣ ему первое время приходится учить только азбукѣ и молитвамъ, а потому молодость и неподготовленность его большихъ неудобствъ еще не представляютъ. А чтобы молодые учителя сколько-нибудь лучшегодились для дальнѣйшаго исполненія своихъ обязанностей, я вновь собираю ихъ въ свою школу недѣль на 6 весною, послѣ окончанія занятій въ школахъ, и осенью, до начала ихъ, во время, относительно свободное отъ полевыхъ работъ, въ которыхъ ре-

бята, разумѣется, не смотря на свое учительское званіе, по прежнему принимаютъ дѣятельное участіе. Въ это время у меня учатся и совсѣмъ еще не учившіе, и учившіе годъ, и учившіе уже 2—3 года 14 и 15, 18 и 20-лѣтніе молодые парни, которыхъ прошлой, напримѣръ, осенью набралось 25 человѣкъ. Люблю я эти быстро пролетающія 6 недѣль ревностныхъ умственныхъ занятій съ уже подростающими и мужающими молодыми силами. Недалеко мы еще ушли впередъ, много намъ еще хлопотъ съ правописаніемъ и знаками препинанія, съ связной рѣчью и логическимъ объясненіемъ ариметическихъ задачъ; даже тѣ общія идеи, которыми мы одушевляемся, идея христіанской любви къ людямъ и обязанностей относительно церкви и государства, представляются намъ еще только въ самой первой и простой своей стадіи. Но видя, какъ еще не далеко мы ушли, мы тѣмъ болѣе увѣряемся въ необходимости двигаться впередъ, и, дѣйствительно, мы замѣтно подвигаемся въ эти быстро пролетающія шесть недѣль. Хорошее это бываетъ время: дни долгіе, отрыватья мнѣ никуда не надо, и въ классѣ у насъ просторъ и тишина, окна открыты, и въ нихъ широкой волной вливается свѣжій воздухъ, солнечный свѣтъ, пѣніе пѣтуховъ и птичье щебетанье, всѣ краски, звуки и запахи, вся безмятежная красота и могучая жизнь сельской природы. И живо чувствуется, что эти молодые ребята, занятые славянскимъ переводомъ или русской исторіей, составляютъ нераз-

дѣльную часть этой природы, но что они дороже и лучше солнца и неба, зелени и птичьяго щебетанья, потому что призваны внести другую, высшую, духовную красоту въ равнодушно сіяющее всевозможными красотоми царство. Но шесть недѣль проходить быстро, трудно заниматься за-разъ съ многими учениками различныхъ возрастовъ и познаній, мало у насъ учебныхъ пособій, и сама я мало знакома съ лучшими методами преподаванія; а потому, въ концѣ концовъ, учителя наши все же остаются довольно плохо подготовленными. И если большинство изъ нихъ, тѣмъ не менѣе, удовлетворительно исполняютъ свою миссію, объяснить это можно только ихъ личными свойствами. Учителя изъ некрестьянскихъ сословій часто поступаютъ на учительскую должность только потому, что не имѣютъ другого исхода. Крестьянскій же мальчикъ въ этомъ отношеніи вполне свободенъ. У него есть свой домъ и работа, особенныхъ матеріальныхъ выгодъ учительская должность ему не даетъ, и, если онъ принадлежитъ къ числу дюжинныхъ натуръ съ низменными вкусами, онъ самъ не захочетъ браться за это дѣло. Но зато учительство какъ нельзя болѣе привлекательно для тѣхъ даровитыхъ мальчиковъ, которые болѣе развиты умственно и душевно, которымъ нравится значительность дѣла, которымъ хочется показать себя,—и еще для тѣхъ особаго типа милыхъ русскихъ юношей, которые не всегда обладаютъ блестящими способностями, но за то отличаются глу-

бокимъ идеализмомъ и рѣдкой душевной чистотой, и которые въ старыя времена изъ грѣшнаго міра уходили въ тишину монастырской кельи или въ «прекрасную мать-пустыню», а теперь отчасти нашли себѣ мѣсто въ деревенской школѣ. И безкорыстное, религіозное ихъ отношеніе къ дѣлу почти всегда приносить прекрасные плоды. Не мало и кромѣ нихъ на святой Руси такихъ же точно юношей и дѣвушекъ, способныхъ и добрыхъ, еще не зачерствѣвшихъ и не погрязшихъ въ житейскомъ болотѣ, и еслибъ дать имъ нужное развитіе и открыть доступное поприще, много бы они принесли добра и свѣта своей многомилліонной крестьянской братіи. А между тѣмъ они проживаютъ свой вѣкъ, почти ничего не сдѣлавъ и нерѣдко неся тяжелый крестъ никѣмъ не понятыхъ и ничѣмъ неудовлетворяемыхъ стремленій...

Конечно, не всѣ наши 26 учителей и 5 учительницъ одинаково хороши и способны. Есть школы, гдѣ учитель славный малый и любимъ учениками, но недостаточно прилеженъ и немногому выучиваетъ, есть другія, гдѣ учитель очень старается и учить недурно, но гдѣ къ его молодости и неопытности довольно долго относятся съ недовѣріемъ, затрудняющимъ ему его дѣло. Есть и такія школы, гдѣ само ученіе идетъ хорошо, гдѣ хорошо читаютъ и пишутъ и даже заслуживаютъ похвалы посѣтителей, но между учителемъ и учениками отношенія холодныя, ребята стѣсняются, книжекъ на домъ брать не

стремятся. Но и такое ученье, если только оно не заключаетъ въ себѣ ничего положительно вреднаго, можетъ—какъ въ обществѣ, такъ и въ отдѣльныхъ лицахъ—положить начало большому и лучшему, и оно несравненно полезнѣе гонянія собакъ и игры въ дубинки, чѣмъ, по словамъ мужиковъ, исключительно занимаются неучащіеся крестьянскіе ребята. А есть и такія школы, которыми, не смотря на тѣсноту помѣщенія, на недостатокъ пособій, на неподготовленность учителя и недолгое время ученья, какъ будто даже теперь же и непосредственно вносятся жизнь въ мертвенность и свѣтъ во тьму. Люблю я ѣздить въ такія школы. Если пріѣдешь туда вечеромъ, когда учениковъ уже распустили, они, слышавъ колокольчикъ, съ такой стремительностью сбѣгаются въ школу, что, очевидно, боятся потерять самое короткое мгновеніе. И пока ждешь, когда они всѣ сбѣгутся, не успѣваешь отвѣчать на громкія, радостныя привѣтствія влетающихъ въ дверь другъ за дружкой ребятъ, не успѣваешь переглядѣть тетрадки, которыя они наперерывъ показываютъ, не успѣваешь давать отвѣты на вопросы, которые они наперерывъ задаютъ и которыхъ, очевидно, много накопилось у нихъ за двѣ недѣли моего отсутствія. Они ловятъ всякое сказанное имъ слово, просятъ имъ еще и еще что-нибудь рассказать, просятъ спросить ихъ, почитать съ ними, задать имъ задачу. Дѣльно и бодро, съ значительнымъ видомъ, командуетъ ими молоденькій учитель, и глаза его радостно

блестятъ, когда ученики отвѣчаютъ удачно; а ребята дружелюбно вертятся вокругъ него, и, хотя для нѣкоторыхъ изъ нихъ онъ по годамъ скорѣе товарищъ, нежели старшій, охотно и часто величаютъ его Григоріемъ Федоровичемъ или Иваномъ Ипполитычемъ. И мужики, толпясь у дверей, чтобы слышать, что я рассказываю и какъ отвѣчаютъ ребята, добродушно смотрятъ на все происходящее, улыбаясь хвалятъ учителя и ученье и рассказываютъ, какъ ревностно занимаются и читаютъ дома ихъ Миши и Пети, и какъ имъ самимъ «лестно» слышать ихъ чтеніе, и что въ училище ребята собираются чуть-ли не до свѣта, а расходятся только, когда стемнѣетъ, и что даже на улицѣ они стали вести себя замѣтно лучше, чѣмъ прежде. На-ряду съ этимъ слышались рассказы и о томъ, какъ дорого и плохо было единственно доступное имъ ученье въ старые годы, какъ драли за волосы и подолгу ничему не выучивали прежніе дьячки, отставные солдаты и «старики», и какъ тотъ или другой остался безграмотнымъ, потому что спрятался въ коноплю, когда хотѣли отдать его въ ученье, а теперь очень жалѣетъ объ этомъ. Тутъ же приходится слышать и весьма курьезные взгляды на ученье вообще. Иногда родители недовольны тѣмъ, что не всему еще ихъ ребята выучились въ первый же годъ, а иногда они находятъ, что въ первый же годъ ребята такъ хорошо всему выучились, что и учить ихъ больше незачѣмъ. Но разъяснить такія недоразумѣнія не слыш-

комъ трудно, и большею частью крестьяне соглашаются, что дѣти ихъ должны учиться три года и доучиваться до экзамена. Сдавши экзаменъ, многіе изъ нихъ поступаютъ въ мою Яблонскую школу, и семеро изъ нихъ теперь уже сами учительствуютъ въ школахъ грамотности. Къ большому моему прискорбію и всегда слишкомъ быстро наступаетъ время, когда мнѣ необходимо изъ одной школы ѣхать въ другую. Занятія кончаются, но передъ прощаніемъ ребята часто предлагаютъ спѣть что-нибудь, по большей части божественное. Всѣ встаютъ съ мѣстъ, кудрявыя и гладкія, бѣлокурыя и темныя головы поворачиваются ко мнѣ профилемъ, обращаясь къ образамъ; худенькія и пухлыя, смуглыя и бѣлорозовыя, дѣтскія лица становятся серьезными, быстро мелькаютъ творящія крестное знаменіе руки, и зазвенятъ, заляются, загудятъ высокіе и низкіе, мягкіе и звонкіе голоса, слѣдуя за твердо держащимся мелодіи и размѣра молодымъ голосомъ учителя, и, хотя не совсѣмъ искусно и стройно, но все же звучно и одушевленно исполняются старыя, красивые напѣвы молитвъ. «Царю небесный», «Да святится имя Твое, да прійдетъ царствіе Твое», «Слава въ вышнихъ Богу, и на землѣ миръ, и въ человѣцѣхъ благоволеніе»—раздаются красивыя старыя слова, и хочется вѣрить, что въ такія минуты это для поющихъ и слушающихъ уже не только слова, но слова, полныя великаго и прекраснаго значенія. Опускаются мужичьи головы, задумчиво устремляюся

въ одну точку живые и зоркіе мужичьи глаза, а старухи вздыхаютъ и покачиваютъ головой, потихоньку утирая слезы. Но русскій человѣкъ стыдливъ и остороженъ въ проявленіи своихъ чувствъ; мы не даемъ разыгратъ трогательной сценѣ и разомъ возвращаемся къ реальной жизни. Пѣніе кончено; въ тѣсно набитой народомъ избѣ подымается возня; ребята, лагая другъ черезъ друга, достаютъ свои полушубки, шапки и шарфы, чтобы выдти поглядѣть, какъ я поѣду. И какъ я спрашиваю учителя, доволенъ-ли онъ учениками, такъ передъ отъѣздомъ спрашиваю учениковъ, а главное, ихъ родителей: довольны-ли они учителемъ? Бываютъ, конечно, случаи неповиновенія со стороны учениковъ и дурного обращенія со стороны учителя, но большей частью мнѣ приходится слышать съ обѣихъ сторонъ хорошіе отзывы другъ о другѣ. Не знаю, что покажетъ дальнѣйшій опытъ, но думаю, что установленію добрыхъ отношеній между крестьянами и мальчикомъ-учителемъ способствуетъ, между прочимъ, и то, что онъ въ домахъ всѣхъ учениковъ поочередно завтракаетъ, обѣдаетъ и ужинаетъ. Перспектива такого кочующаго образа жизни вначалѣ нѣсколько пугаетъ новичка-учителя, но крестьяне всегда усердно убѣждаютъ его, что стѣсняться ему нечего, что онъ скоро привыкнетъ къ нимъ, какъ къ роднымъ, что они даже рады ему будутъ, если, въ благодарность за ихъ хлѣбъ-соль, онъ вечеромъ займется съ ихъ дѣтьми, или почитаетъ, или расскажетъ имъ что-

нибудь. И дѣйствительно, эти вечернія бесѣды и чтенія въ семьѣ нравятся и приносятъ свою долю пользы, а учитель всегда остается вполне доволенъ своимъ положеніемъ. Кормятъ его какъ можно лучше, а положеніе гостя, при которомъ ему не хочется уронить своего достоинства, какъ и все вообще въ дѣятельности учителя, имѣетъ очень хорошее вліяніе на крестьянскаго юношу и нерѣдко совершенно его преображаетъ. Ставши постарше, многіе изъ этихъ юношей, можетъ быть, уже не захотятъ довольствоваться получаемымъ ими скромнымъ вознагражденіемъ и постараются стать писарями; но, такъ какъ и хорошіе волостные писаря крайне намъ нужны, я не буду считать этого несчастьемъ и надѣюсь, что въ школахъ на смѣну однимъ учителямъ найдутся другіе.

Въ заключеніе скажу, что заодно съ потребностью въ грамотности, растетъ также и спросъ на книги. При Яблонской школѣ имѣется небольшая бібліотечка, состоящая, главнымъ образомъ, изъ книгъ, высланныхъ мнѣ Моск. Ком. Грамотности. Книги эти берутся нарасхватъ учениками Яблонской и ближайшихъ школъ и читаются ими вслухъ, то зимними вечерами въ избахъ, въ присутствіи семейныхъ и знакомыхъ, то лѣтомъ, на улицѣ, въ праздникъ, нерѣдко при цѣлой толпѣ слушателей. Книги эти и книги, которыя выслало мнѣ для временнаго пользованія наше Нижегородское Общество распространенія начального образованія, передаются

мною также и въ другія школы. И надо видѣть, какъ въ этихъ школахъ ребята умоляютъ учителя дать имъ скорѣе почитать только что привезенную, драгоценную новую книжечку! А ихъ такъ немного, что цѣлой школѣ цѣлый мѣсяцъ приходится довольствоваться какимъ-нибудь десяткомъ тоненькихъ брошюрокъ. Нижегородское наше Общество разсылаетъ также книги для продажи, и дешевыя копѣчныя книжки всегда очень быстро расходятся. Усиленно покупаются также евангелія, псалтири, часословы, священные исторіи и азбуки. Все это расходилось бы въ гораздо еще большемъ количествѣ, если бы я имѣла время повнимательнѣе этимъ заниматься, и если бы всегда имѣлись на лицо требуемыя книги. А то бываетъ, что на одну книгу находятъ двое покупателей, и приходится метать жребій, чтобы не нарушить ничьихъ правъ. И мальчикъ, которому выпадаетъ жребій, стремглавъ бѣжитъ домой просить у тяти денегъ и въ восторгѣ возвращается, вручая мнѣ слѣдующія за книгу 30 или 50 к., въ восторгѣ схватывается за эту его собственную, стоящую ему цѣлыхъ 50 коп., книгу обѣими руками.

Когда я мысленно переживаю эти послѣднія 8 лѣтъ моего пребыванія въ деревнѣ, мнѣ много, много еще вспоминается разныхъ сценъ, потому что много есть прекрасныхъ и забавныхъ, загадочныхъ и трогательныхъ страницъ въ той ни съ чѣмъ несравнимой книгѣ, которую читаешь, знакомясь съ жизнью, и

которая особенно хороша тѣмъ, что мы сами можемъ вписывать въ нее цѣлыя строки и страницы. Вспоминаю, какъ разъ въ воскресный день собралось въ школу нѣсколько крестьянъ и какъ я прочла имъ одну свою самодѣльную маленькую повѣсть. Слушатели хвалили и благодарили, а самой мнѣ было очень стыдно, потому что я не могла не сознавать контраста между силой духовной жажды, выражавшейся на ихъ мужественныхъ лицахъ, и той слабой, дѣтской пищей, которую я имъ предложила. Точно также я не могу не сознавать, что всѣ мои школы только въ жалкой и слабой степени удовлетворяютъ потребности народа въ образованіи. Я довольна ими только потому, что онѣ все же лучше, чѣмъ ничего, какъ лучше дать голодному корку хлѣба, чѣмъ ничего ему не давать. Я знаю, конечно, что этого не достаточно, что людямъ, способнымъ мыслить и задавать себѣ вопросы, людямъ, стремящимся къ добру, обладающимъ прекрасными художественными дарованіями и наклонностями и всѣми добрыми, живыми человѣческими свойствами, нельзя дать какія-то жалкія крохи ученія и на томъ успокоиться. Надо по мѣрѣ силъ удовлетворять ихъ духовную жажду, а иначе она натолкнетъ на безуміе тѣхъ, въ комъ она особенно сильна, и заглохнетъ въ остальныхъ. А вѣдь гдѣ она заглохла, тамъ полный просторъ всѣмъ животнымъ инстинктамъ, тамъ вся цѣль—гроши и барыши, и все счастье—пьяный разгулъ; тамъ нѣтъ уже ничего святого, тамъ нѣтъ

человѣческой жизни, и совершаются тѣ ужасы, о которыхъ страшно даже вспомнить,—такъ они непонятны и дики... Между тѣмъ, всякому человѣку даны задатки для разумной человѣческой жизни, и не животной, а уже человѣческой жизнью живетъ тотъ молодой крестьянинъ, который читаетъ духовную книгу и силится понять то высокое и доброе, что онъ въ ней предполагаетъ; и тѣ ученики школы, которые, сойдясь съ какимъ-нибудь циничнымъ кабацкимъ завсегдатаемъ, стараются доказать ему, что есть душа и есть нравственныя обязанности у человѣка, и что движется земля, а не солнце; и тотъ парень, который съ робкимъ волненіемъ показываетъ вамъ свое нескладное и наивное первое стихотвореніе; и зашедшіе съ поля работники, которые, стоя въ передней барскаго дома, слушаютъ игру на рояли въ гостиной, при чемъ лицо самаго даже грубаго и глупаго изъ нихъ странно измѣняется подъ вліяніемъ кротко задумчиваго настроенія; и тѣ ребята, которые лѣзутъ другъ на друга, чтобы рассмотреть интересную картинку, или часами сидятъ неподвижно, чтобы слышать чтеніе; и молоденькая дочь вѣчно пьянаго сельскаго дьячка, которая, покончивъ съ мелкими работами домашняго хозяйства, уходить въ садъ и одна запѣваетъ пѣсню, наслаждаясь серебряными звуками своего свѣжаго голоса, или собираетъ вокругъ себя тающихъ отъ восторга ребятшекъ и рассказываетъ имъ ею самую придуманную сказку — они всѣ въ ту минуту живутъ уже

человѣческой жизнью. И чтобы жизнь ихъ была человѣческой не въ короткія только мгновенія, а постоянно,—надо, чтобы истинное, доброе и прекрасное было имъ доступно въ возможно полномъ и широкомъ объемѣ. Мнѣ кажется, нѣтъ истины, которая не нашла бы себѣ мѣста въ бытѣ народа и не была бы доступна его пониманію, если только выразить эту истину простымъ народнымъ языкомъ, или приучить народъ къ пониманію языка литературнаго. Я убѣждена, что и великіе уроки исторіи, и знакомство съ явленіями природы, и наслажденіе произведеніями искусства — все это дѣйствуетъ на сельскихъ людей и нужно, и дорого имъ такъ же, какъ и намъ. И все это возможно дать народу, хотя, конечно, не такими примитивными школами, какъ тѣ, которыя я только-что описала. Но эти школы все-таки дадутъ болѣе даровитымъ ученикамъ возможность продолжать свое образованіе посредствомъ книгъ, а остальнымъ—грамотность и нѣкоторое понятіе о мірѣ, объ отечествѣ и о ученіи Христа. Нужно стремиться къ безконечно большому и лучшему, нежели эта голая грамотность и эти первыя смутныя понятія, но и это одно я считаю уже шагомъ впередъ. Я потому очень желала бы завести побольше школъ грамотности, не останавливаясь, конечно, на этомъ и постоянно стремясь къ замѣнѣ ихъ школами высшаго типа. Я не могу забыть, что если ждать момента, когда будутъ устроены повсюду однѣ только правильно организованныя школы—

цѣлыя поколѣнія вырастутъ, возмужаютъ и умрутъ, не знаяши, что такое ученіе, не получивъ и жалкихъ крохъ изъ тѣхъ сокровищъ, которыми другіе съ избыткомъ пользуются, не встрѣтивъ даже слабой помощи въ самомъ лучшемъ и законномъ, истинно человѣческомъ своемъ стремленіи къ свѣту.

Но я одна, и съ тѣми средствами, которыми до сихъ поръ располагала, больше того, что сдѣлано, сдѣлать уже не могу. Нужны средства, чтобы открывать новыя школы, такъ какъ на каждую изъ нихъ я приплачиваю около 25 р. въ годъ. Нужны образованные и преданные дѣлу люди, которые бы вели переговоры съ крестьянами и наблюдали за школами другихъ мѣстностей такъ же, какъ это дѣлаю я въ ближайшей нашей окрестности. Болѣе широкія средства и желающіе послужить народному просвѣщенію дѣятели нужны, главнымъ образомъ, для того, чтобы устроить учительскую школу и имѣть достаточное число возможно лучше подготовленныхъ учителей. Нужны средства, чтобы имѣть какъ можно больше хорошихъ учебныхъ книгъ и такихъ, пока для насъ недоступныхъ, а въ сущности необходимыхъ пособій, какъ картины и географическія карты. Нужны средства на то, чтобы исполнилась наша съ ребятами общая завѣтная мечта и чтобы у насъ устроилась настоящая, хорошая, сельская библіотека, потому что въ молодыхъ, мало учившихся и сразу опять попавшихъ въ безграмотную среду учителейъ школъ грамотности только путемъ чтенія и вызы-

ваемаго имъ обмѣна мыслей можетъ поддерживаться и продолжаться то развитіе и доброе направленіе, которое они получили въ школѣ. Нужно много силъ и средствъ на все это, и найти эти силы и средства я считаю первой своей обязанностью въ настоящее время, когда моихъ собственныхъ силъ и средствъ уже стало не хватать. Я обращалась къ нашему губернскому земскому собранію, и оно согласилось оказать мнѣ небольшую помощь; высокопоставленное лицо, о которомъ я упоминала выше, также обѣщало мнѣ свою поддержку; но я надѣюсь еще и на содѣйствіе русскаго общества, такъ какъ, кромѣ денежныхъ средствъ, оно можетъ дать мнѣ также и сотрудниковъ. Не думаю, чтобы я требовала невозможнаго. Восемь лѣтъ тому назадъ, я, конечно, не смѣла и надѣяться, что у меня будетъ 30 школъ и 800 учениковъ, и, однако, это осуществилось. Если русское общество пожелаетъ принять участіе въ этомъ дѣлѣ, оно найдетъ силы и средства на безконечно большее и лучшее, потому что иначе оно было бы недостойно стоять впереди великаго русскаго народа. Если же путь, которымъ я предполагаю слѣдовать, болѣе меня свѣдущимъ въ этомъ дѣлѣ людямъ покажется невѣрнымъ, я жду отъ нихъ еще и указаній.

ПО ПОВОДУ ШКОЛЬ ГРАМОТНОСТИ *).

Въ январѣ 1884 года вышла моя брошюра, гдѣ я описала первыя свои начинанія на поприщѣ народнаго образованія—и главнымъ образомъ, учрежденіе въ нашей мѣстности (Нижегор. губ.) школъ грамотности, начиная съ февраля 1890 г., когда открылась первая такая школа, и кончая осенью 1893 г., когда ихъ было уже 31. Положеніе народныхъ школъ разныхъ типовъ и ихъ относительные недостатки и преимущества несомнѣнно требуютъ въ настоящее время возможно тщательнаго и полнаго обсужденія и выясненія. Поэтому считаю долгомъ сообщить въ добавленіе къ сказанному ранѣе еще нѣсколько наблюденій и выводовъ, частью упущенныхъ мною изъ вида при составленіи брошюры и частью сдѣланныхъ мною уже послѣ появленія ея въ свѣтъ.

Увлечшись быстрымъ размноженіемъ открываемыхъ мною школъ грамоты, относительнымъ ихъ успѣхомъ и несомнѣнной потребностью въ нихъ при отсутствіи школъ высшаго типа, ободренная сочув-

*) Напечатано въ мартовской книжкѣ «Вѣстника Европы» за 1895 г.

ствіемъ и помощью съ разныхъ сторонъ и не видя еще возможности служить дѣлу народнаго образованія другимъ, болѣе совершеннымъ способомъ, я одне время мечтала лишь о томъ, чтобы раскинуть сѣть своихъ школокъ возможно шире и открыть ихъ не 30, а 50, 100 и болѣе того.

Но какъ только я осенью 1894 г. приступила къ открытію значительно бѣльшаго противъ прежняго числа школъ грамоты, мнѣ пришлось убѣдиться въ полной невозможности продолжать это дѣло на тѣхъ основаніяхъ, на которыхъ оно было начато. Неблагопріятныя условія, въ которыя поставлены теперь школы грамоты, выяснялись по мѣрѣ того, какъ уменьшалось вмѣстѣ съ увеличеніемъ ихъ числа случайное, личное мое участіе въ открытіи и веденіи каждой школы. Прежде всего почувствовался недостатокъ въ учителяхъ. Въ обыкновенныхъ нашихъ земскихъ школахъ учатся не болѣе трехъ лѣтъ, а расширеніе курса и продолженіе его на четвертый или пятый годъ вообще не только не рекомендуется, но даже официально не разрѣшается. Мальчикъ, сдавшій экзаменъ 11, 12-ти лѣтъ и лишенный затѣмъ всякой возможности продолжать ученіе, не можетъ быть сколько-нибудь удовлетворительнымъ учителемъ школы грамотности. Удовлетворительными учителями этихъ школъ бываютъ лишь тѣ ученики, съ которыми мнѣ удавалось заниматься особо, послѣ окончанія ими обычнаго курса и до достиженія ими 14, 15 лѣтъ, то-есть, до поступленія на мѣсто. Но такихъ

сравнительно только хорошихъ учителей у меня въ настоящемъ учебномъ году стало не хватать, и приходилось помѣщать въ новыя школы учителей просто плохихъ, или же закрывать школы наименѣе людныя. И число такихъ закрываемыхъ по неимѣнію учителя школъ было бы довольно значительно, еслибъ увеличенію ихъ числа не ставили передѣла также и другія обстоятельства,—между прочимъ, крайне шаткое матеріальное ихъ положеніе. Такъ какъ школа грамоты не имѣетъ опредѣленныхъ источниковъ дохода, то все матеріальное ея обезпеченіе зависитъ отъ частнаго соглашенія учредителей школы съ родителями учащихся въ началѣ каждаго учебнаго года, отъ размѣра средствъ, которыя пожелаютъ дать на школу тѣ и другіе, и отъ размѣра требованій хозяина квартиры и учителя. Вздумаешь-ли хозяинъ увеличить плату за квартиру или совсѣмъ отказаться отъ помѣщенія въ своемъ домѣ школы; случится-ли неурожай, благодаря которому нѣкоторые отцы найдутъ затруднительнымъ платить за ученіе своихъ дѣтей,—или, напротивъ, уродится ленъ, и нѣкоторыя матери вздумаютъ засадить своихъ ребятъ за пряжу,—и вотъ, существованіе школы грамотности уже въ опасности. Колебанія въ числѣ учениковъ ничѣмъ не угрожаютъ прочно поставленной нормальной школѣ, но въ школѣ грамотности уменьшеніе числа учениковъ нерѣдко ведетъ за собою оставленіе школы учителемъ и ея закрытіе. Пока я принимала близкое участіе въ жизни каждой школы, я могла такъ или ина-

че бороться съ матеріальными затрудненіями, безурядицей и непониманіемъ. Но когда школъ стало много и пришлось поручать ихъ открытіе самимъ крестьянамъ,—переговоры относительно найма квартиры и вознагражденія учителя нерѣдко затягивались, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже прямо кончались ничѣмъ.

Но главныя препятствія, встрѣченныя мною при открытіи болѣе значительнаго числа школъ грамоты, коренились въ оффиціальномъ ихъ положеніи, т.-е. въ полной ихъ зависимости отъ мѣстныхъ священниковъ. Отсутствіе всякой связи съ общественными учрежденіями, которыя были бы заинтересованы въ поддержаніи существованія школы,—и беззащитность ея передъ произволомъ священниковъ и другихъ вліятельныхъ въ селахъ лицъ—давали себя знать и ранѣе. Открывая школы, я брала съ бою чуть-ли не каждый шагъ, и хотя сначала я нерѣдко одерживала побѣды, однако и тогда уже приходилось встрѣчать также и пораженія. И чѣмъ больше школъ я старалась открыть, тѣмъ болѣе возрасталъ процентъ неудачъ.

Открывать школы грамоты послѣдовательно, одну возлѣ другой, во всѣхъ неимѣющихъ земской школы селеніяхъ данной мѣстности, оказалось невозможнымъ. Минуя мѣста, гдѣ обстоятельства были рѣшительно неблагопріятны, я стала открывать школы тамъ, гдѣ онѣ по той или другой причинѣ не привлекали на себя ничьего вниманія, и въ такихъ еще селеніяхъ, гдѣ имѣлся земскій начальникъ или помѣщикъ, склон-

ный взять школу подъ особое свое покровительство. Такимъ образомъ, школы оказались разбросанными въ видѣ оазисовъ по территоріи 4-хъ уѣздовъ, и это, разумѣется, еще болѣе ослабляло возможность личнаго моего заступничества за каждую отдѣльную школу. Когда священникамъ епархіальною властью дано было предписаніе открыть у себя безотлагательно церковно-приходскую школу или школу грамотности, нѣкоторые священники дѣйствительно сумѣли сдѣлать это и даже изыскали средства на приглашеніе особаго учителя и сравнительно правильную постановку учебнаго дѣла. Но въ громадномъ большинствѣ случаевъ священники, поглощенные хозяйственными заботами и требами и не имѣющіе ни досуга, ни денежныхъ средствъ, ни умѣнья, ни желанія заниматься школой, открыли школы номинальныя, или же въ церковныхъ сторожкахъ, съ дьячкомъ въ качествѣ учителя и совершенно ничтожнымъ числомъ учениковъ. Нѣкоторыя такія, почти ничего не дающія и никого не удовлетворяющія, школы продолжаютъ существовать благодаря тому только, что сколько-нибудь порядочной школы въ селѣ не имѣется, а есть между тѣмъ ребята, непременно желающіе учиться грамотѣ. Другія совсѣмъ, или наполовину, фиктивные школы этого типа закрылись, какъ только требованія епархіальной власти сдѣлались менѣе настоятельными. И какъ плохое состояніе однихъ школъ, такъ и закрытіе другихъ священники болшею частью объясняютъ совершеннымъ неимѣніемъ

средствъ, или неимѣніемъ подходящаго помѣщенія, или даже отсутствіемъ въ населеніи потребности въ ученіи. Послѣ того имъ, разумѣется, весьма бываетъ непріятно, когда въ приходахъ ихъ на средства тѣхъ же крестьянъ и стараніями постороннихъ лицъ открываются школы, которыми они, кромѣ того, обязаны завѣдывать. И отношеніе священниковъ къ такимъ постороннимъ имъ и все же поставленнымъ въ зависимость отъ нихъ и причиняющимъ имъ не мало хлопотъ школамъ—большую частью несочувственно, а иногда и прямо враждебно. Немалую роль играетъ при этомъ еще и зависимость самого священника отъ помѣщиковъ, земскихъ начальниковъ и всякаго рода мѣстныхъ тузовъ,—и то еще обстоятельство, что существованіе школы грамоты мѣшаетъ священнику просить епархіальный училищный совѣтъ объ открытіи въ данномъ мѣстѣ церковно-приходской школы, въ которой могъ бы быть учителемъ — съ полученіемъ жалованья отъ епархіальнаго училищнаго совѣта—одинъ изъ членовъ причта или родственникъ священника.

Перебирая въ памяти всѣ отдѣльные случаи открытія школъ и попытокъ къ тому, я могу припомнить всего лишь пять, шесть священниковъ, которые охотно согласились на открытіе школы и опредѣленіе извѣстнаго учителя. Большинство же изъ тѣхъ, къ кому я обращалась, то прямо отказывали мнѣ въ своемъ согласіи, то болѣе или менѣе успѣшно противодѣйствовали мнѣ негласнымъ образомъ. А такъ

какъ въ нашихъ захоластныхъ уѣздахъ взгляды и нравы не отличаются достоинствомъ и порядочностью, и всякое средство борьбы считается дозволеннымъ,—трудно перечислить всѣ виды и формы гоненій, которымъ подвергались при этомъ несчастныя школки грамотности.

Такъ, въ Сергачскомъ уѣздѣ одинъ священникъ, при открытіи мною школы, заявилъ, что не можетъ допустить учениковъ въ слишкомъ яко-бы ветхую церковную сторожку, а затѣмъ посовѣтовалъ крестьянину, сдавшему подъ школу свою избу, запросить за нее неслыханную цѣну. Другой священникъ (Арзамасскаго уѣзда), пріѣхавъ въ деревню, сказалъ крестьянамъ, что въ случаѣ, если у нихъ откроется школа, то его заставятъ ѣздить въ школу для надзора за нею, и онъ тогда «замучить» ихъ подводами, и не только зимой, но и въ пашню, и въ сѣвъ. Въ другой еще деревнѣ, Сергачскаго уѣзда, священникъ передъ осеннимъ открытіемъ школы объявилъ крестьянамъ, что прежній учитель имъ не нуженъ, такъ какъ учить у нихъ будетъ бесплатно дьяконъ. Крестьяне отказали учителю, но когда дьяконъ потребовалъ отъ нихъ ежедневно по двѣ подводы,—что далеко превышало расходъ на содержаніе и жалованье учителю,—они отказали и дьякону, и школа закрылась. Еще въ другой деревнѣ того же уѣзда священникъ согласился открыть школу и допустить въ нее предложенную мною учительницу; но когда она явилась къ нему за 80 верстъ, онъ, сдѣлавъ ей экзамень,

объявилъ, что она не имѣетъ достаточныхъ познаній и можетъ отправляться обратно,—хотя вообще въ школахъ грамоты безпрепятственно учатъ совершенно почти безграмотныя начетчицы и отставные солдаты. Въ другой деревнѣ, Арзамасскаго уѣзда, священникъ проэкзаменовалъ вновь поступившаго учителя и позволилъ ему учить, а затѣмъ вздумалъ устроить въ той же деревнѣ церковно-приходскую школу и помѣстить туда учительницей свою сестру. И хотя учитель, учивши въ другой школѣ грамоты, уже разъ утвержденъ былъ въ своемъ званіи, священникъ черезъ пять дней послѣ перваго экзамена снова вызвалъ его и, проэкзаменовавъ его вторично, объявилъ ему, что болѣе не допускаетъ его къ учительству. Затѣмъ священникъ отправился въ деревню, гдѣ находилась школа, и объявилъ крестьянамъ, что школа ихъ закрыта, но что они могутъ посылать своихъ дѣтей къ его сестрѣ, которая будетъ учить ихъ у него въ домѣ... Еще въ одномъ селѣ, Арзамасскаго уѣзда, священникъ согласился допустить рекомендованнаго мною учителя въ школу, гдѣ до того очень плохо учили дѣтѣ; но мѣстному помѣщику нововведеніе это не понравилось, и священникъ счелъ нужнымъ отказать учителю. Высказывая мнѣ свое прискорбіе по этому случаю, онъ добавилъ: «Вотъ еслибъ я былъ человѣкъ безупречный—другое дѣло, а то вѣдь и сжить меня съ мѣста легче легкаго»...

Еще въ другомъ селѣ (Сергачскаго уѣзда) моло-

дой священникъ усердно занимается школой, но дьячокъ-учитель бьетъ учениковъ, чтобы, по словамъ крестьянъ, «отвадить» ихъ отъ ученья; когда же я предложила священнику другого учителя, священникъ признался, что допустить его въ свою школу не можетъ, такъ какъ въ такомъ случаѣ остальные члены причта его «сѣдятъ». Еще въ одномъ селѣ (Арзамасскаго уѣзда) земскій начальникъ произвелъ давленіе на родныхъ учителя и такимъ образомъ заставилъ его принять мѣсто писаря, а затѣмъ повліялъ на священника и устроилъ дѣло такъ, что тотъ другого учителя принять не захотѣлъ, и школа, единственнымъ учителемъ которой оказался старый псаломщикъ, пришла въ совершенный упадокъ. Наконецъ, въ деревнѣ, гдѣ болѣе четырехъ лѣтъ существовала старѣйшая изъ открытыхъ мною школъ грамоты, крестьяне, вмѣсто прежняго, взятаго подъ кабакъ помѣщенія, построили для школы новое помѣщеніе, при чемъ я, какъ попечительница школы, взяла на себя нѣкоторую долю расхода. Но земскій начальникъ 1¹/₂ года не позволялъ крестьянамъ вставлять оконныя рамы и складывать печку въ новомъ строеніи, и 1¹/₂ года школа помѣщалась въ тѣсной, наемной избѣ. А когда прошлой осенью мнѣ уже не удалось найти для школы подходящее наемное помѣщеніе, священникъ донесъ въ отдѣленіе епархіальнаго училищнаго совѣта, что школа «по неизвѣстной ему причинѣ» закрылась, и затѣмъ земскій начальникъ предложилъ отдѣленію открыть въ де-

ревнѣ церковно-приходскую школу и назначить попечителемъ—его, а учительницей—сестру священника.

Въ школахъ, которыя, вопреки всѣмъ невзгодамъ, открываются и продолжаютъ существовать, крайне затруднительно является еще и устройство надзора за ходомъ дѣла. Увеличеніе числа школъ и другія занятія уже не позволяютъ мнѣ регулярно посѣщать эти школы, раскинутыя на пространствѣ 100 верстъ. Между тѣмъ, при отсутствіи надзора, во многихъ школахъ ослабѣваетъ рвеніе учащихся и учащихся, являются недоразумѣнія, поведеніе учениковъ становится хуже и уменьшается вмѣстѣ съ тѣмъ сочувствіе къ школѣ крестьянъ. Я попыталась передать надзоръ за школами нѣсколькимъ учительницамъ сосѣднихъ земскихъ школъ. Но такой порядокъ большею частью вызываетъ неудовольствіе или со стороны мѣстныхъ священниковъ, или со стороны наблюдателей, и долженъ былъ поэтому прекратиться. Есть случаи, когда сами священники наблюдаютъ за школой, но большею частью они этой, возложенной на нихъ закономъ, обязанностью тяготеютъ. Одинъ священникъ Арзамасскаго уѣзда отнесся къ открытой мною школѣ весьма благодушно, но никогда почти въ ней не бывалъ; когда же наблюдатель сдѣлалъ ему по этому поводу замѣчаніе, онъ, разсердившись, явился въ школу и высказалъ сожалѣніе, что въ свое время не помѣшалъ ея открытію. Другой священникъ, желавшій, чтобы въ школѣ учила его дочь,

а не присланный мною учитель, одно время являлся въ классъ чуть-ли не каждый день, но главнымъ образомъ съ тѣмъ, чтобы высказать учителю полное свое неодобреніе и сдѣлать самыя неудобносполнимыя распоряженія относительно преподаванія. Еще третій священникъ побывалъ въ школѣ всего только разъ и воспользовался этимъ случаемъ, чтобы поглумиться надъ ребятами, вздумавшими учиться у доморощеннаго своего учителя, и сказать имъ родителямъ, что напрасно они платятъ деньги за книжки, которыя я, по его мнѣнію, должна бы давать имъ даромъ. Наблюдатели, являясь въ школу, прежде всего заботятся о томъ, чтобы изгнать изъ нея всѣ тѣ книги, которыя, хотя и принадлежатъ къ небольшому количеству книгъ, допущенныхъ министерствомъ народнаго просвѣщенія, но не внесены въ списокъ книгъ, рассылаемыхъ по школамъ св. синодомъ. Наблюдатели, кромѣ того, стараются возбудить учебное рвеніе священниковъ, но это имъ почти не удается, такъ какъ бываютъ они въ школахъ не болѣе двухъ, трехъ разъ въ году, и такъ какъ священники замѣчаніямъ ихъ большого значенія не придаютъ. Обращеніе же къ высшимъ церковнымъ властямъ требуетъ не мало хлопотъ и времени и не можетъ измѣнить коренныхъ недостатковъ настоящаго положенія школъ грамотности.

Въ прошломъ учебномъ году у меня были 31 школа грамоты. Въ настоящемъ (1894—1895) учебномъ году 4 школы грамоты удалось замѣнить зем-

скими школами, а изъ остальныхъ 27 школъ продолжаютъ существовать 17 школъ и закрылось (по крайней мѣрѣ временно) 10 школъ. Въѣстѣ съ тѣмъ, благодаря несомнѣнной потребности въ ученѣи и все еще далеко недостаточному числу земскихъ школъ, съ осени 1894 г. открылось при нѣкоторомъ участіи съ моей стороны еще 25 новыхъ школъ грамоты въ уѣздахъ Лукояновскомъ, Сергачскомъ и Княгининскомъ. Но судьба этихъ 25 новыхъ школъ, разумѣется, точно также зависитъ отъ всевозможныхъ случайностей, какъ и судьба открытыхъ ранѣе 31 школы, изъ которыхъ—увы!—10 уже перестали существовать. Резюмируя все вышесказанное, я считаю широкое распространеніе самостоятельныхъ школъ грамоты невозможнымъ:

1) по неимѣнію достаточнаго числа учителей для этихъ школъ;

2) по шаткости и необезпеченности матеріальнаго ихъ положенія;

3) по официальному ихъ положенію, крайне затрудняющему безпрепятственное ихъ открытіе и правильный надзоръ за ними.

Ни учредители школы грамоты, ни тѣ, для кого она открывается и къѣмъ содержится, не признаются по закону ея хозяевами. По правиламъ 4 мая 1891 г., ея хозяинъ—мѣстный священникъ, и хотя бы школа открывалась безъ его участія и даже противъ его желанія, онъ долженъ взять на себя завѣдываніе школой и всѣ сопряженныя съ этой ролью довольно

сложныя обязанности. Можно себѣ представить, какъ онъ недоволенъ этой навязанной ему ролью хозяина и какъ онъ мало дорожитъ этой, не имъ открытой, ненужной ему и обременительной для него школой. Онъ избавляется отъ обязанности завѣдывать ею лишь въ томъ случаѣ, когда самая школа перестаетъ существовать,—и чтобы только снять съ себя эту непрошенную обузу, онъ легко становится гонителемъ школы. А быть ея гонителемъ ему удобно, потому что, кромѣ роли хозяина, на него возможна еще другая, по существу своему совершенно несо- вмѣстимая съ этой ролью, чисто полицейская роль надзирателя за школой, за ея направлениемъ и ея учителемъ. Какъ бы мало ни было на то оснований, священникъ всегда можетъ найти направле- ніе школы вреднымъ и учителя его неподходящимъ. И своимъ недоброжелательнымъ вмѣшательствомъ, своими при- дирками къ самой невинной книжкѣ, носящей имя Толстого или Ушинскаго, своими наблюденіями надъ числомъ обѣденъ, пропущенныхъ учителемъ, и надъ степенію благоговѣнія, съ которымъ онъ цѣлуетъ его руку, подходя подъ благословеніе, священникъ можетъ сдѣлать существованіе школы совершенно невозможнымъ, не говоря уже о томъ, что онъ можетъ прямо ее закрыть. Врядъ-ли кто-нибудь можетъ принудить священника исполнять обязанности хозяина и заботиться объ интересахъ школы, когда она возникаетъ и существуетъ помимо его, и когда онъ, въ случаѣ ея упадка или закрытія, никакой

отвѣтственности не подлежитъ. Но каждому помѣщику, или земскому начальнику, или благочинному, или наблюдателю—совсѣмъ не трудно заставить священника разыгрывать другую, возложенную на него, инквизиторскую роль, потому что легко дать ему понять, что онъ фактически можетъ отвѣтить за дѣйствительные или мнимые недостатки и погрѣшности въ направленіи школы. И если одинъ священникъ тяготится ролью хозяина школы, другому точно также тягостна роль надзирателя за нею и представляемая ему, благодаря такой его роли, различныя требованія различныхъ лицъ, и такимъ образомъ человекъ, въ душѣ, можетъ быть, сочувствующій школѣ, тоже является заинтересованнымъ въ томъ, чтобы школы въ его приходѣ не было.

Все это въ достаточной мѣрѣ выясняетъ невозможность дальнѣйшаго размноженія и преуспѣянія школъ грамотности при настоящихъ условіяхъ. Но опытъ послѣдняго времени убѣдилъ меня, кромѣ того, еще и въ недостаточности даваемого ими обученія, и въ полной возможности (а потому и необходимости) устраивать теперь же школы, дающія болѣе осмысленное и широкое, болѣе правильное и прочное начальное образованіе,—то-есть, школы съ учителями извѣстнаго образовательнаго уровня, съ учебниками и библіотекой извѣстной педагогической цѣнности. Въ молодомъ крестьянскомъ поколѣніи такъ сильна уже жажда просвѣщенія, народу такъ уже необходимо знаніе литературнаго языка, умѣнье

излагать свои мысли устно и письменно, знакомство съ родной землей и другія свѣдѣнія и навыки, что даже земскую вашу школу, съ ея трехгодичнымъ курсомъ и весьма ограниченной программой, нельзя счесть школой вполне нормальной и удовлетворительной. Но, не говоря уже о возможности для нея усовершенствованія и развитія, вмѣстѣ съ развитіемъ всей вообще живой земской дѣятельности, школа эта уже и въ настоящемъ ея видѣ несравненно лучше церковно-приходскихъ школъ и школъ грамоты; и въ повсемѣстной необходимости такихъ именно правильно организованныхъ, прочно поставленныхъ, бесплатныхъ, стоящихъ подъ общественнымъ контролемъ земскихъ школъ все болѣе и болѣе убѣждаются и крестьянскія общества, и земства. Много разъ слышанныя разсужденія о косности и крайней бѣдности крестьянъ до извѣстной степени повліяли на меня, и я съ большими колебаніями и малой надеждой на успѣхъ предложила впервые крестьянскому обществу большого, никогда не имѣвшего школы, села открыть у себя «настоящую», земскую школу, т.-е. построить для нея (съ нѣкоторой помощью со стороны) особое помѣщеніе и взять на себя его ремонтъ, страховку, отопленіе и наемъ сторожа. Послѣ ожесточеннаго сопротивленія меньшинства и довольно долгихъ переговоровъ, внолнѣ выяснившихъ численный и умственный перевѣсъ старонниковъ школы, крестьяне согласились и написали необходимый приговоръ. Вслѣдъ затѣмъ

написано было еще пять такихъ приговоровъ, при чемъ изъ шести открывающихся школъ четыре школы должны замѣнить собою бывшія въ тѣхъ селахъ школы грамоты. Не безъ колебаній и сомнѣній ждала я затѣмъ и земскихъ собраній, которыя должны были принять эти новыя земскія школы въ свое вѣдѣніе и на свое иждивеніе. Меня смущало индифферентное отношеніе къ школьному дѣлу нѣкоторыхъ гласныхъ и частныя толки о необходимости экономіи, которая почему-то должна производиться именно на счетъ народнаго образованія... Но благодаря тому, можетъ быть, что въ собраніяхъ духъ времени всегда сильнѣе, чѣмъ въ отдѣльных лицахъ, и что тамъ всякій живой вопросъ легко возбуждаетъ одушевленіе, передъ которымъ исчезаютъ частныя и мелкія соображенія, школы были приняты во всѣхъ трехъ уѣздныхъ земствахъ, куда представлены были приговоры.

Въ нашемъ уѣздѣ остается замѣнить земскими школами еще немалое число школъ грамотности и открыть ихъ во многихъ мѣстахъ, гдѣ школъ нѣтъ никакихъ. Но по мѣрѣ того, какъ будетъ усиливаться убѣжденіе въ ихъ необходимости, и особенно если устранимы будутъ существующія нынѣ въ дѣлѣ народнаго образованія стѣсненія, школы, безъ сомнѣнія, быстро будутъ возникать вездѣ, гдѣ онѣ нужны. И если даже школьный бюджетъ увеличится въ 2, 3 раза, это не будетъ особенно чувствительнымъ для населенія, потому что въ уѣздахъ, гдѣ

необходимо значительно его увеличить, сборъ этотъ составляетъ обыкновенно лишь небольшую часть всего уѣзднаго сбора, составляющаго въ свою очередь лишь незначительную часть всѣхъ вообще лежащихъ на крестьянахъ денежныхъ повинностей. Убѣдившись, что вполне возможно дать дѣтскому населенію земскихъ губерній начальное образованіе болѣе высокаго качества, и что весьма нежелательно, чтобы земства и частныя лица увлекались *одними только* дешевыми школами грамоты, я начинаю понимать раздраженіе, съ которымъ говорятъ о нихъ нѣкоторые наиболѣе искренніе ревнители народнаго просвѣщенія. Думаю, однако, что при введеніи всеобщаго обученія школы грамоты должны быть включены въ школьную организацію, какъ школы подготовительныя или филиальныя отдѣленія, замѣняющія собою младшія отдѣленія земскихъ школъ въ мѣстностяхъ, которыя не могутъ составить отдѣльнаго школьнаго района съ достаточнымъ для нормальной школы числомъ учениковъ. Но чтобы школа грамоты могла исполнить такое свое назначеніе, чтобы она не терпѣла недостатка въ учителяхъ, и чтобы на нее могли быть потрачены земскія средства, необходимо:

1) чтобы школы грамотности, т.-е. школы съ немѣющимися учительскихъ правъ учителями, находились въ тѣсной связи съ нормальными земскими школами, состоя подъ надзоромъ земскихъ учителей и имѣя ту же самую учебную программу и тѣ же

учебныя пособія, какія приняты въ младшихъ отдѣленіяхъ земскихъ школъ;

2) чтобы учителями школъ грамоты были получившіе въ нормальныхъ школахъ особую подготовку и упражнявшіеся въ преподаваніи, въ качествѣ помощниковъ учителя, ученики нормальныхъ земскихъ школъ.

Соблюденіе этихъ условій потребуетъ слѣдующихъ, уже не разъ предложенныхъ земствами, законодательныхъ мѣръ:

1) должно быть установлено, что открываемыя земствомъ школы грамоты находятся въ завѣдываніи земства;

2) ученикамъ, кончившимъ курсъ начальной школы, должно быть предоставлено право продолжать занятія въ школѣ послѣ сдачи экзамена и оставаться въ ней на нѣкоторое время въ качествѣ помощниковъ учителя.

Послѣднее измѣненіе имѣло бы значеніе не только для болѣе успѣшной подготовки учителей филиальныхъ отдѣленій, но и для нѣкотораго повышенія уровня преподаванія въ начальной школѣ, такъ какъ учитель, имѣющій возможность передать помощнику извѣстную долю кропотливой работы съ младшими учениками, можетъ тѣмъ усерднѣе и внимательнѣе заниматься со старшими, которые гораздо болѣе младшихъ нуждаются въ преподаваніи учителя образованнаго.

Январь 1895.

ИЗЪ ЖИЗНИ ДЕРЕВНИ И МОЛОДОГО ЕЯ ПОКОЛѢНІЯ *).

О ЧЕРКИ.

Въ настоящихъ очеркахъ излагаются мои впечатлѣнія въ такіе моменты, когда мнѣ случилось особенно сблизиться съ жизнью деревни и деревенскаго молодого поколѣнія.

Въ первомъ очеркѣ описано наше путешествіе въ Муромъ,—моментъ, когда деревня предстала передо мной въ самомъ простомъ и обыденномъ своемъ видѣ. Во второмъ—лѣтнія учебныя занятія при сельской школѣ подрастающей крестьянской молодежи,—когда появились новыя умственные ея запросы и воздѣйствіе на нее новыхъ образовательныхъ вліяній.

Передаю свои впечатлѣнія такъ, какъ они отразились въ моей памяти, и извиняюсь впередъ за излишнюю, можетъ быть, подробность и скромное содержаніе моего разсказа, который былъ записанъ мною въ надеждѣ, что всякія непосредственныя наблюде-

*) Напечатано въ августовской книжкѣ «Вѣстника Европы» за 1895 г.

ніа изъ области народной жизни и нашего съ нею сближенія могутъ имѣть извѣстную долю значенія.

I.

Пѣшкомъ въ Муромѣ.

Учебный сезонъ 1893 г. пришелъ къ концу, порядочно измучивъ всѣхъ, отдавшихъ ему свои силы. Прошли первыя лѣтнія недѣли; наступило время относительно свободное отъ полевыхъ работъ, и мы начали поговаривать объ исполненіи одной своей любимой, давнишней мечты. Поговорили, помечтали и окончательно рѣшили, что идемъ пѣшкомъ на богомолье въ древній городъ Муромъ, давно уже прельщавшій насъ стариной и святыней, а отчасти и парходами, и желѣзной дорогой, которой большинство изъ насъ ни разу еще не видало. Подъ словомъ «мы» здѣсь подразумѣвается 72-лѣтняя, крѣпкая старуха, уже ходившая на богомолье, затѣмъ (по крестьянскимъ понятіямъ) «старая», но въ сущности совсѣмъ еще молодая 24-лѣтняя дѣвушка, еще двѣ молоденькія дѣвушки, бывшія ученицы нашей школы, 17-лѣтняя дѣвица духовнаго званія (моя помощница въ школьныхъ занятіяхъ), я сама, и наши деревенскіе ребята, возрастомъ отъ 11-ти до 16-ти лѣтъ. Всѣмъ имъ хотѣлось идти въ Муромъ, но только въ послѣдній моментъ передъ выходомъ должно было рѣшиться, кого изъ нихъ пустять и кого не пустять.

Сама я тоже не совсѣмъ была увѣрена, что пойду. Никто меня не удерживалъ, но мнѣ самой казалась странной эта моя же мысль—идти пѣшкомъ за полтора ста верстъ въ глухой уѣздный городокъ, почти ничѣмъ не отличающійся отъ нашего Арзамаса. Но въ день выхода ко мнѣ явился изъ сосѣдней деревни одинъ изъ предполагаемыхъ моихъ спутниковъ, Ваня Голяковъ, и когда я увидѣла его сумку съ хлѣбомъ, кафтанъ и новые лапти, связанные вмѣстѣ и привѣшенные за спиной, когда онъ весело мнѣ улыбнулся и этой улыбкой далъ понять, что онъ готовъ и уже радостно взволнованъ предстоящимъ странствованіемъ,—я вдругъ рѣшила, что иду. Спутники мои были этимъ очень довольны, и послѣдніе сборы быстро были сдѣланы. Мой сундукъ съ вещами и кулекъ съ провизіей привязаны были на козлы телѣжки, и на ту же телѣжку, запряженную въ одну лошадь, положили свою одежду, узелки и сумки всѣ другіе. Мы распростились съ провожавшими насъ и отправились въ путь.

Одинъ изъ мальчиковъ шелъ рядомъ съ лошадыю; остальная наша компанія, состоявшая изъ 18-ти человѣкъ, шла за телѣжкой, налегкѣ, съ однѣми палками въ рукахъ. Сперва мы всѣ держались вмѣстѣ, потомъ нѣкоторые стали уходить впередъ, другіе отстали, и цѣлая вереница пѣшиходовъ растянулась по пыльной дорогѣ между зелеными яровыми полями, подъ жгучимъ солнцемъ свѣтлаго іюньскаго дня.

Такъ началось наше вольное странствованіе, эти

проведенные мною въ всѣхъ привычныхъ жизненныхъ условій девять дней, отъ которыхъ у меня останется на вѣкъ неизгладимое, дорогое, полное значенія воспоминаніе. Я хотѣла бы въ воображеніи пережить это время вновь, но мнѣ уже невозможно припомнить его минута за минутой и день за днемъ; во мнѣ сохранилось лишь общее, живое впечатлѣніе чего-то милаго, новаго, немного страннаго и поэтически прекраснаго, да еще уцѣлѣли въ памяти нѣкоторые отдѣльные моменты и картинки, которыми я и желала бы подѣлиться. Знаете-ли вы, что значитъ уйти на время отъ всѣхъ мелочей и дразгъ, отъ всего искусственнаго и условнаго, отъ всякихъ лишнихъ стѣсненій и всякой нравственной тяготы? Знаете-ли что значитъ забыть исключительное положеніе, въ которое поставлены интеллигентные и обеспеченные люди, живущіе среди невѣжественной и бѣдной массы народа, и всю проистекающую изъ этого положенія мучительную душевную работу, и страшные вопросы, и отвѣтственность, и почти неизбежное чувство вины? Знаете-ли, что значитъ хоть на время почувствовать себя только человѣкомъ среди другихъ людей, съ точно такими же, какъ будто бы, правами и обязанностями, съ тѣмъ же самымъ простымъ и яснымъ положеніемъ среди великаго Божьяго міра? Знаете-ли, какъ прекрасенъ бываетъ въ эти минуты великій Божій міръ, и какъ хороши и милы въ такое время люди, наши товарищи на жизненномъ пути?.. Мы не можемъ вдругъ

раздѣлать все то, что постепенно было сдѣлано, и не можемъ забыть того, что узнали: а потому равенство положенія насъ, имѣющихъ и знающихъ, съ положеніемъ неимѣющихъ и незнающихъ будетъ воображаемымъ и фиктивнымъ, пока мы не заплатимъ за полученное и не подѣлимся пріобрѣтеннымъ. А до тѣхъ поръ неизбѣжны для насъ и особенное положеніе, и тяжкій душевный трудъ, и душевное одиночество, и отвѣтственность, и вина... Все это неизбѣжно потому, что это нужно людямъ, не получившимъ еще того, что мы уже получили; это неизбѣжно для насъ еще и потому, что мы къ этому слишкомъ привыкли. Но на время мы можемъ все это забыть; на время мы можемъ свободно окунуться въ широкое море почти еще первобытной народной жизни. Это хорошо для цѣлости и здравія душевныхъ и тѣлесныхъ нашихъ силъ, и для ясности нашихъ отношеній къ міру, къ людямъ и къ самимъ себѣ. Это хорошо еще и просто потому, что хорошо; и хотя я знаю, что такое странное счастье долго продолжаться не можетъ, я могу сказать, что рѣдко я бывала такъ безусловно счастлива, какъ во время нашего пѣшаго хожденія въ Муромъ. Помню первый день пути. Мы вышли часа черезъ два послѣ полудня и шли первое время по давно знакомымъ мѣстамъ. Мы проходили деревнями, гдѣ всѣ насъ знали и привѣтливо насъ разспрашивали, весьма довольные тѣмъ, что и я также, «барышня», иду пѣшкомъ въ далекій путь съ бабушкой Настасей,

дѣвушками и ребятами. Шли мы бодро и весело, какъ будто еще только готовясь къ тому новому и хорошему, что насъ ожидало. Я приглядывалась къ своимъ спутникамъ и, какъ всегда, любовалась сельскимъ пейзажемъ съ его широкими очертаніями и нѣжными красками. Въ 16-ти верстахъ отъ дома, въ большомъ селѣ съ безлюдной въ тотъ день базарной площадью, мы сдѣлали первый привалъ и закусывали сидя на бревнахъ у пыльной дороги, среди цѣлаго кружка глазѣвшихъ на насъ туземныхъ ребяташекъ, при чемъ большинство изъ нихъ созерцало насъ молча, а нѣкоторые, побойчѣе, дѣлали, глядя на насъ, разнаго рода замѣчанія. Ноги у меня уже порядкомъ устали, и бабушка Настасья посоветовала мнѣ вымазать ихъ саломъ. Чтобы послѣдовать ея совѣту, я сочла нужнымъ отойти въ сторону, но ребята, привыкшіе сидѣть возлѣ меня, немного погодя перешли туда, гдѣ я расположилась, и я во-время вспомнила, что мои босыя ноги ни мало ихъ не удивятъ. Часовъ въ 8 вечера мы отправились дальше. Мѣста были уже незнакомыя. Солнце сѣло; наступили синеватыя сумерки іюньской ночи, и стѣнной стала съ обѣихъ сторонъ проселочной дороги высокая, густая рожь. Старуха и дѣвушки отстали, а мы съ ребятами ушли впередъ. Я предложила имъ спѣть что-нибудь, и они стали пѣть все то, чему выучилъ ихъ церковный регентъ, и хоръ молодыхъ голосовъ звучалъ торжественно и задумчиво среди ночного безмолвія необъятной равнины.

Потомъ вызванное пѣніемъ задумчивое настроеніе смѣнилось у насъ молодецки веселымъ; начались разговоры, шутки и смѣхъ. Ноги у насъ слегка поба- ливали, но это ничего не значило; являлся даже ка- кой-то задоръ; мы шли все быстрѣе и быстрѣе, и чтобы только какъ-нибудь показать свою удалъ, ре- бята наконецъ во весь духъ закатились бѣжать со мною въ перегонки, и всѣ мы пришли въ совершен- ный восторгъ отъ этого быстрого бѣга среди про- стора полей и свѣжаго дуновенія ночи. Часовъ въ 10 вечера мы сдѣлали второй привалъ у околицы небольшого съ темными избами села, на луговомъ откосѣ возлѣ дола, съ котораго подымалась сырая прохлада. Бабушка Настасья, очевидно боявшаяся ночной темноты, рассчитывала тутъ же и перено- чевать, но мы всѣ энергично возстали противъ та- кого ея предложенія. Мы узнали въ крайней избѣ, гдѣ еще былъ огонь, что до сосѣдней деревни всего только три версты, и, просидѣвъ съ полчаса, отпра- вились дальше. Дорога за селомъ пошла нестарымъ, отчасти вырубленнымъ лѣсомъ. Возшелъ мѣсяцъ, и ясно видны были группы высокихъ старыхъ де- реьевъ, густая, росистая трава, зеленая чаща мел- каго лѣса, и въ заросшемъ темномъ оврагѣ—бо- лотца и ямы съ чуть блестящей на днѣ ихъ водой, и пышно разросшіеся у дороги папоротники, и подъ тѣнью ихъ мягкіе зеленоватые огоньки свѣтляковъ.

Подъ роскошнымъ сіяніемъ высоко поднявшагося мѣсяца все это казалось великолѣпнымъ, фантасти-

ческимъ садомъ волшебнаго замка... Статная и спокойная наша «старка» Анна шла возлѣ лошади, обмахивая ее вѣткой съ большими вырѣзными листьями. За телѣжкой шли другія дѣвушки, бабушка и младшіе ребята, а старшіе ребята и я опять ушли впередъ. Мы всецѣло подпали обаянію чудной ночи и чуднаго лѣса и почти не думали о томъ, куда мы идемъ и скоро-ли дойдемъ до ночлега. Уже давно прошло то время, когда намъ слѣдовало выйти изъ лѣса и увидѣть деревню, а между тѣмъ лѣсу не было конца. Въ открытыхъ низкихъ мѣстахъ стлался по землѣ густой бѣлый туманъ; на травѣ и на кустахъ все обильнѣе блестѣла роса; трава все гуще росла по глубокимъ колеямъ дороги, а узкая дорога все болѣе и болѣе сворачивала въ сторону, и мѣсяцъ, бывшій сначала слѣва отъ насъ, сталъ затѣмъ впереди насъ и очутился подъ конецъ даже съ правой стороны.

Было уже за полночь, и мы очевидно заплутались. Когда мы убѣдились въ этомъ, наша старуха замѣтно «струсила»,—молодежь же, напротивъ, еще болѣе одушевилась. Не столько въ надеждѣ, что кто-нибудь насъ услышитъ, сколько отъ избытка веселаго возбужденія, мы принялись кричать. Бабушка Настасья со страхомъ ожидала, что намъ отвѣтитъ лѣшій или другая нечистая сила, но вмѣсто того мы слышали слабый, прерывающійся звонъ колокольчика и догадались, что гдѣ-нибудь неподалеку проѣзжаетъ по большой дорогѣ «обратный» ямщикъ.

Старуха, не внимая нашимъ увѣреніямъ, съ недо-
вѣріемъ покачивала головой и вполголоса пригова-
ривала: «кому тутъ ѣхать?»... Ей звонъ колоколь-
чика представлялся очевидно дьявольскимъ навожде-
ніемъ. Но предположеніе наше оправдалось. Мы
прошли еще нѣсколько сажень и вышли на широ-
кую, прямую, «столбовую» дорогу съ высокимъ лѣ-
сомъ по обѣимъ сторонамъ. Видъ ея всѣхъ успо-
коилъ и ободрилъ; оставалось только рѣшить,оче-
вать-ли намъ на мѣстѣ, или «доѣхать» *) до села,
о которомъ давалъ намъ знать отдаленный собачій
лай. Прежде всего двое ребятъ и я отправились на
розыски. Мы долго шли, но лѣсъ и дорога были
все тѣ же, и лай былъ слышенъ все на томъ же
значительномъ разстояніи. Когда же мы подошли
къ опушкѣ, передъ нами раскрылось обширное, освѣ-
щенное мѣсяцемъ пространство безъ всякаго при-
знака человѣческаго жилья. Мы рѣшили, что село
гдѣ-нибудь далеко въ сторонѣ, вернулись къ своимъ
и стали всѣ вмѣстѣ располагаться на ночлегъ. Ло-
шадь ребята отпрягли, привязали къ связаннымъ
вмѣстѣ и захлеснутымъ за телѣжку длиннымъ воз-
жамъ и пустили ѣсть траву, въ изобиліи росшую
на широкой дорогѣ. Сами мы выбрали себѣ мѣ-
стечко посуше, возлѣ проложенныхъ ѣздой слѣдовъ.
Ребята вытащили изъ телѣжки свои кафтаны и улег-

*) Крестьяне всегда говорятъ, что ѣдутъ, когда съ ними ло-
шадь.

лись, сбившись, въ кучу и укрывшись какъ можно теплѣе. Пока они укладывались, шутникъ Костя, для забавы, началъ лѣзть на телеграфный столбъ и плаксивымъ голосомъ пропищалъ: «я хочу на печ-ку-у-у!» Надъ шуткой его посмѣялись, и затѣмъ всѣ ребята крѣпко уснули. Старуха и три дѣвушки улеглись возлѣ нихъ, подложивъ подъ голову узелки, а мы съ Наташей постлали себѣ одѣяло, положили подушку и тоже легли, покрывшись шалью. Прежде чѣмъ уснуть, мы однако рѣшили спросить у какого-нибудь проѣзжаго, гдѣ собственно мы находимся,—такъ какъ ни темный лѣсъ, ни дорога, ни роса, ни высокій мѣсяцъ не могли намъ ничего сказать. Скоро мы услышали скрипъ колесъ и шумъ медленно идущихъ лошадей. Ъхало нѣсколько возовъ, и возлѣ нихъ шли въ полудремотѣ другъ за другомъ мужики. Одна изъ нашихъ дѣвушекъ, вдругъ приподнявшись, закричала имъ: «стойте!» Но внезапный этотъ окликъ такъ озадачилъ ихъ, что они стегнули лошадей и поторопились миновать насъ, ничего не отвѣчая. Это не мало насъ позабавило, и когда, немного погодя, проѣхали еще два мужика, я, чтобы не испугать ихъ, приподнялась заранѣе и самымъ успокоительнымъ тономъ попросила ихъ объяснить намъ—куда занесла насъ прихоть судьбы. Оказалось, что мы на арзамасскомъ трактѣ, въ 10 верстахъ отъ города и всего въ двухъ верстахъ отъ села, изъ котораго мы вышли за три часа передъ тѣмъ!..

Проѣзжали-ли за этими и другіе еще мужики, и какое впечатлѣніе производилъ на нихъ нашъ расположенный на самой дорогѣ таборъ, сказать не могу. Хотя мнѣ впервые случилось провести ночь при такихъ примитивныхъ условіяхъ, тридцать верстъ ходьбы дали себя знать, и я скоро уснула самымъ сладкимъ сномъ.

Прежде чѣмъ рассказывать о дальнѣйшемъ нашемъ странствованіи, я скажу нѣсколько словъ о нѣкоторыхъ моихъ спутникахъ. Старшій изъ нашихъ мальчиковъ, Ваня Горинъ, былъ въ то время шестнадцати лѣтъ. Онъ былъ уже силенъ и строенъ, — какъ Святославъ широкъ въ плечахъ и тонокъ въ поясѣ, съ худымъ, чистымъ и смуглымъ лицомъ, довольно крупными губами и длиннымъ разрѣзомъ красивыхъ, жгучихъ, черныхъ глазъ. Онъ уже многое испыталъ и пережилъ. Отецъ его былъ честный, энергичный мужикъ. У него была умная и красивая жена, которую онъ когда-то страшно ревновалъ. И въ домѣ ихъ происходили тогда ужасающія сцены съ неизбежными побоями. Понемногу однако эти бури миновали, и между супругами водворились любовь и совѣтъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ жена начала хворать. Сильно сокрушался о ней Леонтій и долго не терялъ онъ надежды на ея выздоровленіе; онъ возилъ жену къ докторамъ, выпрашивалъ лекарства у помѣщицъ, но все было тщетно; жена его умерла, не доживъ до сорока лѣтъ, все еще представительная

и красивая. Я помню, какъ ее хоронили. Гробъ несли братья покойной и старшій сынъ ея, Семень, тоже высокій и красивый, но довольно глупый и вялый малый; за гробомъ отчаянно выли и причитывали три ея дочери; за ними шелъ Леонтій, съ горящимъ взглядомъ и блѣднымъ, какъ смерть, лицомъ, а рядомъ съ нимъ, обхвативъ его рукой, прижимаясь къ нему и горько плача, шелъ худенькій черноглазый мальчикъ,—одиннадцатилѣтній Ваня... Ваня страстно любилъ своего тятю, а отецъ неуклонно и строго училъ его всему, что считалъ полезнымъ и добрымъ. И несмотря на природную рѣзвость, Ваня усердно помогалъ отцу въ работѣ, прекрасно учился, чинно стоялъ у обѣдни и исполнялъ все, что ему приказывали, съ какимъ-то религіознымъ рвеніемъ и гордымъ чувствомъ исполненнаго долга. Помню, какъ онъ любилъ читать о мученикахъ и герояхъ; помню, какъ блестяли прекрасные его глаза во время пасхальной заутрени... И много хорошаго можно бы было ожидать отъ богатой этой натуры, если бы подольше продолжалось вліяніе его отца, уравновѣшенное вліяніемъ школы и чтеніемъ. Но Леонтій пережилъ свою жену всего года на два. Смерть ея какъ будто подкосила жизненную его энергію; онъ сталъ хворать и чахнулъ день за днемъ, мало заботясь о леченіи. Онъ уже не бралъ земли въ аренду, продалъ лишніе лошадей, отправилъ старшаго сына на заработки въ Нижній и думалъ вдвоемъ съ Ваней обрабатывать душевой свой на-

дѣлъ. Но скоро и это стало ему уже не подѣ силу. Ваня пахалъ одинъ, и я помню, какъ сильно онъ похудѣлъ за одну весну отъ этой не-дѣтски тяжелой работы. Разъ за нимъ прибѣжала въ поле сноха. Отецъ его умиралъ... И тринадцати лѣтъ Ваня остался сиротой. Старшій братъ не стѣмѣлъ сберечь хозяйства; въ домъ ихъ вкралась бѣдность, въ семью—раздоръ. Ваня былъ стыдливъ и застѣнчивъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ горячъ и гордъ; онъ не могъ безропотно подчиняться безтолковому и лѣнивому Семену; онъ не выносилъ его грубыхъ и глупыхъ придирокъ и разъ даже замахнулся на брата желѣзнымъ ломомъ...

Онъ какъ-то ожесточился; душевныя и нѣжныя стороны его характера какъ будто заглохли; онъ почти пересталъ читать, избѣгалъ доброжелательныхъ наставленій и на «порядкѣ», гдѣ всѣ любили удалого малаго, сталъ чуть-ли не первымъ озорникомъ и насмѣшникомъ. Къ счастью, мнѣ удалось спасти его на время отъ вреднаго домашняго вліянія. Онъ сталъ учителемъ въ одной изъ сосѣднихъ школъ грамотности—и дѣло пошло у него отлично. Учениковъ, вмѣсто прежнихъ двадцати, набралось болѣе сорока, и какъ ребята, такъ и отцы ихъ не могли нахвалиться прилежнымъ, справедливымъ и умнымъ молоденькимъ учителемъ. И когда я вечеромъ пріѣзжала въ школу, биткомъ набитую народомъ, когда Ваня, съ радостнымъ волненіемъ встрѣтивъ меня, показывалъ мнѣ успѣхи учениковъ и по-

томъ садился слушать, что я буду рассказывать, его лицо и черные глаза сіяли еще болѣе прекраснымъ выраженіемъ, нежели въ дѣтствѣ, когда онъ слушалъ исторію святыхъ мученицъ: Вѣры, Надежды и Любви... Но по разнымъ обстоятельствамъ ему скоро пришлось оставить учительство и вернуться въ семью. И опять начались домашніе раздоры, и трудъ съ исключительною матеріальною цѣлью, и увеселенія «порядка»;—опять нашъ Ваня одичалъ и огрубѣлъ, и какъ-то даже стѣсняется являться въ школу, когда ему на то представляется случай. Но совмѣстное наше странствованіе, его религіозная цѣль, красоты природы, и наше безобидное веселье, и душевные разговоры объ интересныхъ предметахъ имѣли на него самое благотворное вліяніе. Онъ все время былъ спокоенъ и добръ; когда же намъ случалось вдвоемъ уйти впередъ и когда насъ окружала одна царственная прелесть лѣтней ночи, вся неловкость и грубоватая застѣнчивость его исчезали, и онъ начиналъ говорить, и во всякомъ его словѣ раскрывалась правдивая, пылкая, богато одаренная душа. Но когда мы послѣ того возвратились домой, все опять пошло по старому, и приходится желать того, противъ чего вообще такъ сильно возстаютъ, т.-е. чтобы Ваня какъ можно скорѣе раздѣлился съ братомъ и ушелъ куда-нибудь. Съ нами отправился въ путь и Ванинъ двоюродный братъ и ровесникъ, Сергѣй Горинъ. Низкаго роста, неуклюжій съ маленькимъ лбомъ и большимъ, тупымъ, сѣрымъ ли-

цомъ, онъ ни мало не похожъ на Ваню и кажется представителемъ какого-то первобытнаго дикаго племени. Онъ еле умѣетъ считать, нѣсколько разъ принимался учиться и, ничему не выучившись, бросалъ ученье, пугаетъ домашнихъ нелѣпыми угрозами и каждое лѣто, ко всеобщему соблазну, воруетъ яблоки изъ барскаго сада. Ему, тѣмъ не менѣе, всегда хотѣлось участвовать въ школьной жизни, и это ему позволяется, когда онъ даетъ обѣщаніе исправиться. Когда я разъ дала ему двѣ копѣйки взаймы и, конечно, забыла объ этомъ, онъ, къ удивленію, черезъ нѣсколько времени торжественно возвратилъ мнѣ долгъ. А когда я принималась читать ему правоученія по поводу похищенныхъ изъ нашего сада яблоковъ, тупо-животное выраженіе его лица смѣнялось совсѣмъ новымъ, странно недоумѣвающимъ, дѣтски простодушнымъ и жалкимъ выраженіемъ. Нельзя, конечно, придавать значенія смутнымъ и слабымъ душевнымъ движеніямъ, о которыхъ говорятъ человѣческія лица. Но когда вспоминаешь блѣдную и все же добрую улыбку Сергѣя, и его двѣ копѣйки, и грубовато робкую, неловко заискивающую его любовь къ Ванѣ и другимъ, болѣе нежели онъ взысканнымъ судьбою товарищамъ, нельзя не чувствовать къ нему маленькой симпатіи и состраданія.—Изъ остальныхъ моихъ спутниковъ типиченъ по-своему еще и Артемій Кузинъ. Онъ—не дикарь, какъ Сергѣй, но въ немъ, очевидно, взяла верхъ та финская кровь, примѣсь которой часто замѣтна въ

населеніи нашего, недавно еще полу-мордовскаго края. Онъ несильно и некрасиво, но выносливо сложенъ, съ свѣтлыми прямыми волосами, длиннымъ лицомъ и полузакрытыми, близорукими «бѣлыми» глазами. Онъ склоненъ къ сарказму; онъ—пессимистъ и разочарованъ прежде всего въ собственныхъ своихъ способностяхъ и силахъ; онъ ничуть не мягкосердъ,—очень недовѣрчивъ и крайне чувствителенъ къ несправедливостямъ со стороны начальства или господъ, хотя бы онѣ совершились тысячу лѣтъ назадъ. Живи онъ во времена какихъ-нибудь возмущеній или преципательствъ, и онъ былъ бы самымъ непримиримымъ противникомъ, самымъ безпощаднымъ карателемъ. Но при всемъ томъ на него вполне можно положиться; онъ всегда больше сдѣлаетъ, нежели скажетъ, и никакому вздору не повѣритъ. А во время нашего путешествія онъ даже какъ-то смягчился, оставилъ финскую невозмутимость и необыкновенно былъ снисходителенъ и разговорчивъ.—Разскажу теперь про 14-лѣтняго Петю Аканина. Товарищи въ шутку прозвали его «поэтомъ» и, какъ это часто бываетъ, прозвище оказалось весьма удачнымъ. Не сильный, но стройный, съ тонкими концами пальцевъ, пышными свѣтлорусыми волосами, правильными чертами лица и широко раскрытыми зеленовато-сѣрыми глазами, Петя дѣйствительно имѣетъ видъ мечтателя и несомнѣнно художникъ въ душѣ. Онъ склоненъ жить какъ птицы небесныя, которыя не сѣютъ и не жнутъ. Онъ

лѣнивъ, хотя и способенъ, и не любитъ ни строгихъ размышленій, ни труднаго дѣла. Бывши ученикомъ, онъ иногда уходилъ изъ класса, и никакіе уговоры не могли вернуть его къ ученью. Провинившись, онъ, бывало, два часа простоять неподвижно, опустивъ свою красивую головку и не пророня ни слова извиненія. Обладая если не силой воли, то достаточной силой сопротивленія, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ очень чутокъ и мягокъ. Онъ не обидитъ и мухи; съ малыми дѣтьми онъ удивительно внимателенъ и нѣженъ; онъ горько плакалъ, когда умерла его годовалая сестренка, очень привязанъ къ безпечному и лѣнивому своему отцу, никогда не жалуется на бѣдность и съ полной кротостью, почти не замѣчая ихъ, переноситъ сарказмы Артемія. Наклонности у него несомнѣнно артистическія. Онъ любитъ сказки и стихи, все необычайное и чудесное; у него прелестный, высокій и чистый дискантъ и, вѣроятно, хорошія музыкальныя способности. Любопытно взглянуть на него, когда онъ въ качествѣ регента управляетъ церковнымъ хоромъ. Въ немъ уже не замѣтно ни безпечности, ни вялости; лицо его проникнуто напряженнымъ вниманіемъ; жесты его отчетливы и энергичны; онъ смѣло и властно повелѣваетъ высокимъ, бородатымъ басомъ и теноромъ и держитъ въ строгомъ повиновеніи безпокойную мелкоту, альтовъ и дискантовъ. Онъ какъ будто вырастаетъ, одушевленный любимымъ своимъ искусствомъ... Но минуты такія рѣдки, а истинно хорошей музыки Петя даже

никогда не слыхалъ. Одно, что ему доступно, это—мечты. И пока мы странствовали, онъ ни въ какихъ почти путевыхъ хлопотахъ не принималъ участія, а шелъ себѣ впереди, одинъ, налегкѣ, давая полную волю неяснымъ своимъ грезамъ и строя, вѣроятно, всевозможные великолѣпные воздушные замки.— Припомню еще умнаго Федю Павлова, съ его рѣдкой способностью къ логическимъ разсужденіямъ и маленькой склонностью къ ригоризму; припомню еще его брата, веселаго голубоглазаго Ваню, съ его чисто крестьянскимъ юморомъ и добродушіемъ, и другого забавника, Костю Дьячкова, съ его комичной плутовской рожицей и неистощимыми незамысловатыми остротами; припомню чиннаго маленькаго Андрюшу, который отличался какимъ-то особеннымъ изяществомъ и благородствомъ натуры, и котораго ребята прозвали поэтому «королемъ»; припомню прилежнаго, смирнаго Ваню Голякова, и простого, удалого молодца Гришу, предъидущей зимой, въ качествѣ кучера, храбро возившаго меня по школамъ, несмотря на метели и темныя ночи; припомню еще толстощекаго простодушнаго Алешу, который, несмотря на свой цвѣтущій видъ и тринадцатилѣтній возрастъ, вѣчно всего боялся и отъ всякаго пустяка плакалъ; припомню, наконецъ, умнаго, правдиваго и добраго въ душѣ, неисправимаго «озорника» Павлушу, художника, рыжеватаго, съ веснушками мальчика, который никому не подчинялся, ничего не боялся и ничѣмъ не стѣснялся, относясь одинаково презрительно къ

опасности и боли, къ голоду и холоду, къ дурнымъ отмѣткамъ на урокахъ и къ наказаніямъ за шалости отъ суровой матери. Къ великому горю той же, нещадно бывшей его за шалости, матери, бѣдный нашъ Павлуша съ тѣхъ поръ успѣлъ умереть, а передъ смертью страстно молилъ Бога оставить его въ живыхъ, обѣщаясь никогда, никогда болѣе не «озоровать». Изъ остальныхъ моихъ спутниковъ я упоминала уже о бабушкѣ Настасьѣ, о дѣльной, степенной Аннѣ и о веселой пѣвунѣ Наташѣ; остается назвать бойкую на языкъ и рѣшительную въ поступкахъ Дуню, любившую пококетничать лукаво опущенными черными глазами и преувеличенно скромнымъ видомъ,—и наконецъ, Алену, съ ея нѣжными чертами лица и странно чувствительной, вибрирующей, немножко экзальтированной натурой.

Описавъ своихъ спутниковъ, я вернусь теперь къ первой нашей ночевкѣ на большой дорогѣ, въ десяти верстахъ отъ Арзамаса.

Спали мы недолго; было жестко лежать, и очень сыро и холодно. Проснувшись, я увидѣла, что Наташа также ѣжится подъ шалью и не спитъ. Проснулась и бабушка Настасья, и Анна, и чтобы намъ всѣмъ не озябнуть еще болѣе, мы рѣшили собираться въ дальнѣйшій путь.

Но было еще темно, и ребята спали какъ убитые. Долго Анна будила ихъ, то одного, то другого; они произносили какіе-то невнятные, жалобные зву-

ки и, пряча голову, еще плотнѣе укрывались подъ кафтанами. Наконецъ, старшій изъ нихъ, Ваня Горинъ, потягиваясь, всталъ и въ полномъ безмолвіи началъ запрягать лошадь, а за нимъ и прочіе понемногу очнулись, встали и принялись одѣваться, укладываться и снаряжаться въ дорогу. Мы отправились—теперь уже не проселкомъ, а большой дорогой—по направленію къ Арзамасу. Ноги у меня какъ-то плохо гнулись, со сна и отъ сырости пробирала дрожь. Угрюмъ и непривѣтливъ былъ стоявшій по обѣ стороны дороги лѣсъ, и самимъ намъ было какъ-то невесело.

Но край неба успѣлъ уже поблѣтъ; скоро все оно прояснилось, и нависшія сѣрыя облака поднялись и растянулись по нѣжной лазури воздушными блѣдно-розовыми полосами. Мы шли, и все яснѣе, все голубѣе становилось небо, все кудрявѣе, все розовѣе пышныя облака. Скоро востокъ весь такъ и запылалъ въ огненно-аломъ великолѣпіи, и на горизонтѣ, у опушки лѣса, среди цѣлаго моря огня и пурпура, показался въ сіяніи играющихъ лучей огромный ярко-рубиновый дискъ восходящаго солнца.

Все свѣтлѣе, все ослѣпительнѣе разгоралось оно, поднимаясь выше и выше, побѣждая мракъ, разгоняя туманъ, съѣдая росу, чудесно согрѣвая сырой, холодный воздухъ и воскрешая къ жизни и радости весь темный, зябнущій, дремлющій міръ! Какъ мы все повеселѣли, какъ бодро пошли впередъ!

И какъ мнѣ понятно стало, почему весь рабочій,

пѣшеходный, ночующій подъ открытымъ небомъ людѣ всегда съ такой привычной нѣжностью упоминаетъ о «красномъ солнышкѣ»!

Пройдя верстъ восемь и выйдя изъ лѣса, мы стали завтракать, сидя на пригоркѣ въ виду Арзамаса. Городъ красовался вдали, за зелеными лугами, весь въ колокольняхъ и куполахъ, сіяя золотыми крестами сквозь дымку легкаго голубого тумана.

Много разъ уже приходилось мнѣ приближаться къ Арзамасу по той же дорогѣ, и я съ дѣтства знала городъ съ его изобиліемъ церквей, съ его шумными и людными базарами, съ его тихими, заросшими травой боковыми улицами, на которыхъ, не стѣсняясь, играютъ въ «кѣзны»—т.-е. въ бабки—босоногіе ребятишки. Но въ это дивное утро Арзамасъ предсталъ передъ нами совсѣмъ инымъ, никогда не виданнымъ, сказочнымъ городомъ. Когда мы проходили черезъ него, онъ только-что проснулся. Ребята, не слишкомъ склонные восхищаться видами, тѣмъ сильнѣе интересовались домами и лавками, вывѣсками и фонарями, и мнѣ крайне трудно было удержать ихъ отъ шумныхъ восклицаній и громогласныхъ требованій, чтобы я обратила вниманіе на то или другое замѣчательное явленіе. Но вотъ мы уже миновали городъ и снова видимъ его за собой, во всей его красѣ, на крутой горѣ, за рѣкою Тешей, съ темнымъ лѣсомъ въ сторонѣ.

Мы опять идемъ большой дорогой, пролегающей высокимъ мѣстомъ, посреди зеленыхъ полей съ не-

оглядной голубою далью. И меня какъ-то особенно радуютъ высокія, старыя березы, посаженные аллеями по обѣ стороны дороги, и каждый кустикъ, каждая травка у протоптанной возлѣ березъ прямой тропинки. Намъ много попадаетъ всякаго народа. Медленно ѣдутъ въ поле на работу мужики; дѣвушки и бабы, быстро ступая гибкими босыми ногами, спѣшать въ городъ съ кувшинами молока и кузовками ягоды; идутъ мастеровые съ разными инструментами, идутъ и странники, такіе же, какъ и мы, съ котомками и палками въ рукахъ. Нѣкоторые проходятъ молча, съ равнодушнымъ, а иногда и угрюмымъ видомъ; другіе привѣтливо смотрятъ на насъ, весело здороваются, перекидываются однимъ, двумя вопросами и желаютъ намъ счастливаго пути. И это такъ свободно и естественно, такъ «отъ души» у нихъ выходитъ, что нельзя не порадоваться каждому такому дружелюбному взгляду или слову.

Мнѣ до сихъ поръ вспоминается симпатичное и выразительное лицо одного крестьянина, ѣхавшаго на пашню, и его внимательный поклонъ, и сердечный тонъ его голоса, когда онъ проговорилъ какое-то доброе намъ напутствіе, и еще я помню высокую, прямую старуху-мордовку, тщательно и не по-русски, а по-своему обутую въ лапти и повязанную платкомъ, которая, идя во главѣ другихъ богомольцевъ, миновала насъ быстрымъ, мѣрнымъ шагомъ и со старинной, твердой чинностью проговорила: «Здрастуйтѣ, братья, сестры,—щаслива вамъ!»

Много мы въ тѣ дни перевидали этой бродячей Руси, этихъ «путешествующихъ», въ точномъ смыслѣ слова, мужчинъ и женщинъ, стариковъ и подростковъ. Они попадались намъ и въ одиночку, и по двое, и вереницами, и группами, все съ тѣми же котомками и палками, все съ тѣмъ же беззаботно-задумчивымъ выраженіемъ лица, все съ той же привычкой свободнаго общенія со всякимъ встрѣчнымъ и поперечнымъ «рабомъ Божиимъ». И глядя на этихъ странствующихъ рабовъ Божіихъ, я скоро научилась угадывать, кто недавно только вышелъ и кто давно уже идетъ, кому легко идти и кому трудно. Я съ невольнымъ уваженіемъ и нѣкоторою даже завистью слѣдила за сильными молодыми и крѣпкими старыми людьми, которые способны часъ за часомъ идти одинаково бодрой, упругой поступью, почти не зная усталости. Я сочувственно смотрѣла на людей послабѣе и понѣжнѣе, которые идутъ съ трудомъ и потихоньку, часто останавливаясь и присаживаясь. И живо стала представлять себѣ, что чувствуетъ человекъ, у котораго при ходьбѣ равномерно подгибаются колѣни и взглядъ упорно устремленъ въ одну точку, но который все-таки идетъ, и не останавливается, и не садится. Я узнала, что значитъ для такого человека глотокъ воды, поданный ему изъ окна, въ желѣзномъ ковшикѣ, и кусокъ хлѣба, который онъ съѣдаетъ, сидя на заваленкѣ, и главное—отдыхъ, эта сладостная возможность не трогаться съ мѣста и не шевелить ни рукой, ни ногой. И для

меня получили особенное, близкое сердцу значеніе безпрестанно попадавшіеся намъ на мягкой пыли дороги отпечатки крупно и мелко сплетенныхъ лаптей, подбитыхъ гвоздями саногъ, большихъ и маленькихъ, широкихъ и узкихъ босыхъ ногъ...

Во второй и во всѣ послѣдующіе дни нашего странствованія намъ, конечно, труднѣе было идти, нежели въ первый день. Погода была жаркая, дорога пыльная. Мы уже не пѣли и не бѣгали, и разговаривали только въ первые часы послѣ отдыха или во время приваловъ. Мы выходили большей частью очень рано, часа въ 3 утра. Мы шли сперва часа два, не садясь, а потомъ отдыхали черезъ каждые полтора часа или черезъ часъ. Часамъ къ 7-ми старались дойти до какого-нибудь села, доставали себѣ самоваръ и пили чай. Въ 12, когда идти становилось черезчуръ ужъ утомительно, и жарко, мы дѣлали привалъ, кормили лошадь, «обѣдали» и ложились отдыхать. Часамъ къ шести мы вставали, снова пили чай, и опять пускались въ путь, и, пользуясь вечерней прохладой, шли часовъ до 12, когда наступало время ночного привала, при чемъ мы выбирали мѣсто гдѣ-нибудь вблизи села, но большей частью подъ открытымъ небомъ. Такимъ образомъ мы проходили отъ 30 до 45 верстъ въ сутки. Всѣхъ меньше уставала бабушка Настасья. Она шла и въ жаръ, и въ прохладу все такъ же твердо, немного сгорбившись и раскачиваясь, неумолчно разговаривая, если только были возлѣ нея собесѣдники или

слушатели; а какъ только мы сѣдѣли отдыхать, она большей частью ложилась, и немедленно засыпала, не безпокоясь о томъ, что солнце немилосердно печетъ ей и голову, и спину, и загорѣлое старое лицо. Ребята и Анна тоже сравнительно мало уставали; больше ихъ уставали младшія дѣвушки, а всѣхъ больше Наташа и я. Всѣмъ интересующаяся, воспріимчивая, живая Наташа уставала такъ, что только на привалахъ была весела, и при каждомъ переходѣ далеко отставала отъ другихъ; но, не смотря на всѣ свои страданія, она только разъ на минуту рѣшилась присѣсть на телѣжку, все время ее соблазнявшую. Я тоже сильно уставала, и подъ конецъ передъ большими остановками мнѣ такъ трудно было идти, что я сама себя спрашивала, зачѣмъ это я добровольно себя мучаю? Но и мной какъ будто овладѣвала стихійная сила, влекущая всю бродящую Русь, и мнѣ непремѣнно во что бы то ни стало хотѣлось идти и дойти.

Какая-то была особенная прелесть въ несомнѣнности и полнотѣ облегченія и удовольствія послѣ труда и страданія. Вѣдь никакихъ заботъ, и никакихъ тревогъ, и никакихъ недоумѣній не было. Все несчастье заключалось въ холодѣ и сырости ночью, или въ палящемъ зноѣ днемъ, и несчастье это прекращалось сразу, когда утромъ всходило солнце, освѣщая и согрѣвая міръ своимъ роскошнымъ тепломъ и свѣтомъ, или когда мы въ жгучій полдень доходили до прохладнаго мѣстечка и сѣдѣли отдыхать.

Несчастье еще было въ томъ, что послѣ отдыха ноги, точно онѣмѣлыя, негнулись и болѣли; но зато хорошо было, когда онѣ начинали разминаться и двигались свободно и легко. Несчастье было въ томъ, что послѣ извѣстнаго числа пройденныхъ верстъ подошвы ногъ начинали сильно горѣть, и обувь жала ногу, и волосы липли къ лицу, и уставала спина и держащая палку правая рука, тогда какъ лѣвая рука казалась такой ненужной и тяжелой ношей, что, кажется, хотѣлось бы ее отрубить. Несчастье было въ томъ, что подъ конецъ очень ужъ долго тянулись каждыя 20, 30 минутъ ходьбы и каждыя двѣ, три версты разстоянія; несчастье было въ томъ, что очень хотѣлось ѣсть, а телѣжка съ провизіей была далеко впереди, и пить хотѣлось, а воды не было. Но зато неизмѣнно наступало полное, ничѣмъ ненарушаемое счастье, какъ только цѣль была достигнута, и на сочной травѣ, въ тѣни деревьевъ или какого-нибудь строенія, разостлано было одѣяло, и можно было сѣсть, и снять башмаки и чулки, и съ наслажденіемъ растереть горячія, мучительно ноющія ноги. Счастьемъ было—умыть руки и вытереть лицо, и причесать волосы и спокойно положить голову на подушку съ свѣжей наволочкой. Счастьемъ было, не вставая, развернуть кулекъ, и вынуть оттуда хлѣбъ, огурцы и лепешки, ѣсть ихъ съ квасомъ, и заваривать чай на кипящемъ тутъ же, на землѣ, самоварѣ, и пить этотъ чай съ кислыми леденцами, и угощать имъ всѣхъ своихъ спутниковъ и спутницъ.

И, Боже, какъ хорошо потомъ спалось! Какъ хорошо было, проснувшись, лежать неподвижно и всматриваться въ высокое синее небо съ облаками и трепещущимъ узоромъ древесныхъ вѣтвей, или прямой темной линіей крыши, подъ навѣсомъ которой случилось намъ расположиться. Бывало, спутники мои еще крѣпко спятъ, лежа въ разныхъ позахъ около тележки; ни прохожихъ, ни рабочаго люда не видно, и они тоже спятъ по садамъ и сараямъ; однѣ куры бродятъ возлѣ насъ, не боясь полдневнаго зноя, кулдача и подбираясь къ хлѣбнымъ крошкамъ и краюшкамъ. Все тихо, но если, лежа, повернуться на бокъ и повнимательнѣе всмотрѣться въ густую траву, увидишь цѣлый особый міръ, миниатюрную чашу, полную жизни и жужжанья, кишашую безчисленнымъ множествомъ всевозможныхъ крошечныхъ, суеющихся созданий, И если долго всматриваться въ этотъ зеленый насѣкомый міръ, онъ начинаетъ казаться почти такимъ же значительнымъ, какъ и міръ людской...

А какъ хороши были мѣста, которыми мы проходили! За Арзамасомъ съ правой стороны дороги разстилается широкая долина *С*Теши, съ заливными лугами, съ извивающей по нимъ голубою рѣчкой, съ синѣющими вдали, на горизонтѣ, лѣсами. Въ одномъ мѣстѣ къ самой дорогѣ подходитъ крутой обрывъ и съ обрыва далеко по всей долинѣ виднѣются деревни и села. Когда мы проходили этимъ мѣстомъ, внизу, въ лугахъ, по случаю праздника,

алѣли сарафаны гуляющихъ деревенскихъ дѣвицъ, бѣлѣли рубашки парней, слышалась залихватская игра на «гармоніи» и звенѣли, смягченные разстояніемъ, поющіе голоса.

Послѣ села Гремячева охватившіе горизонтъ лѣса подошли вплоть къ большой дорогѣ, но намъ указали болѣе короткій путь, и мы пошли проселкомъ, по опушкѣ, гдѣ слѣва принимали насъ подѣ свѣжую свою тѣнь высокія деревья, а справа весело блестѣла Теша и пестрѣли на лугу цвѣты. Ребята тѣшились привольемъ луга и лѣса; они рвали цвѣты на лугу и землянику въ лѣсу и приносили ихъ мнѣ. Особенно были они довольны, когда дорога спустилась къ самой Тешѣ и оказалось нужнымъ переправляться черезъ нее вбродъ. Наташа и двѣ дѣвушки, не желая разуваться, забрались со мною на телѣжку и заставили «чалаго» всѣхъ насъ перевозить. Ребята разулись и одинъ за другимъ съ одушевленіемъ бросились въ воду; Ваня Горинъ перенесъ на себѣ самаго маленькаго изъ мальчиковъ, Андрюшу Сѣткова, а сильная Анна, разувшись и подобравъ сарафанъ, посадила себѣ за спину бабушку Настасью и перебралась черезъ воду вмѣстѣ съ ней. И тѣмъ временемъ Костя, обуваясь на бережку, торжественно произносилъ: «переходъ евреевъ черезъ Черное море!»

На третій день нашего странствованія, въ сорока верстахъ отъ Арзамаса, мы окончательно вступили въ

огромные лѣса, которые простираются на 70 верстъ и прекращаются лишь въ 12-ти верстахъ отъ Мурома. Двое сутокъ шли мы среди великолѣпнаго ихъ однообразія, не видя открытыхъ горизонтовъ, лишь изрѣдка встрѣчая села и имѣя передъ глазами все ту же прямую, широкую большую дорогу, а по обѣимъ сторонамъ все тѣ же высокія, красноватыя колонны сосенъ и исполинскія темно-зеленыя пирамиды елей.

Какое-то особенное, своеобразное и сильное впечатлѣніе производитъ эта мрачная и строгая лѣсная красота. Ея вѣковое могущество подавляетъ мелочную человѣческую суетливость и направляетъ мысли въ глубь прошедшаго, въ безграничную область неизвѣданнаго. И какъ только вошли мы въ лѣсъ, всѣ мы какъ-то прismsирились и о чемъ-то задумались. А бабушка Настасья, по прежнему неутомимо шествуя съ палкой въ рукѣ, въ лаптяхъ и въ низко на лобъ повязанномъ темномъ платкѣ, начала свои привычныя, неторопливыя, выразительныя рассказы о прежнихъ временахъ, когда лѣсъ былъ полонъ разбойниковъ, и когда странники натыкались на убитыхъ, или съ робкимъ ужасомъ прислушивались къ замиравшимъ вдали отчаяннымъ призывамъ на помощь. И сама наша бабушка, съ ея простодушно грубоватымъ лицомъ и говоромъ, съ ея безграничнымъ суетвѣріемъ, съ ея дѣтски безразличнымъ отношеніемъ къ добру и злу и ограниченнымъ пониманіемъ радости и горя, съ ея маленькой угодливостью и не-

исчезнувшимъ еще страхомъ передъ господами, которыхъ она, впрочемъ, всегда умѣла обойти, когда ей этого хотѣлось, напоминала весьма живо о глухихъ временахъ крѣпостного права и муромскихъ разбойниковъ. Удивительно было видѣть разницу, которую создали между нею и молодежью, ее окружавшей, совершившіяся съ той поры великія перемѣны. Не только ребята, прошедшіе школу, не только Наташа, прочитавшая много книжекъ, но и дѣвушки, почти не учившіяся и выросшія въ такихъ же, какъ и бабушка Настасья, глухихъ деревняхъ и безграмотныхъ семьяхъ, отличались отъ нея такъ явственно, какъ будто бы произошли изъ другой страны и другого народа. Въ нихъ не замѣчалось уже ни хитраго взгляда исподлобья, ни наивнаго, возведеннаго въ принципъ своекорыстія, ни безграничной вѣры въ святость обычаевъ и правилъ житейской мудрости, ни всего того, что характеризовало бабушку Настасью и такъ сильно вѣлось въ большинство людей стараго времени и особенно въ женщинъ, для которыхъ крестьянская неволя усугублялась домашнимъ деспотизмомъ свекра, свекрови, мужа.

Настали другія времена; веселѣе и свободнѣе, чѣмъ прежде, живетъ простому человѣку, его уже меньше пугаютъ кикиморы и лѣшіе, не очень уже страшень и баринъ въ форменной фуражкѣ или безъ нея, не страшень даже и темный лѣсъ, который бабушкѣ Настасьѣ и другимъ людямъ стараго вѣка все еще вселяетъ невольный ужасъ. Существованіе кикиморъ

и лѣшихъ уже подвергается сомнѣнію и даже совсѣмъ отрицается. Ужъ гораздо рѣже кричитъ и дерется баринъ. «Добрые господа» уже не переселяютъ мужиковъ съ хорошей земли на плохую и не женятъ молодцовъ на дѣвицахъ, дѣлая о томъ распоряженія однимъ почеркомъ пера; да и «злые господа» стали гораздо безопаснѣе: они не колютъ горничныхъ булавами и не сѣкутъ зажиточныхъ домохозяевъ, вымогая съ нихъ деньги. Присмирѣлъ и дремучій лѣсъ, уже не лежатъ на дорогѣ убитые, не слышно ни грознаго свиста, ни жалобныхъ воплей, и безопасно проходятъ лѣсомъ въ одиночку и по двое, и проѣзжаютъ имъ съ возами и товарами безоружные, мирные люди.

Не могли усмирить дремучій лѣсъ страшные капитаны-исправники, не могли укротить разбойниковъ клейма и плети, но настала свобода отъ крѣпостного гнета, проснулся забитый и запуганный разумъ, смягчились нравы, и лѣсные люди, оставивъ разбой, принялись за честный трудъ. И любопытнымъ, смышленнымъ свѣтлымъ взоромъ вглядываясь въ отчасти уже раскрытый передъ ними волей и грамотностью Божіимъ міръ, идутъ ихъ дѣти бодро и весело тѣмъ же лѣсомъ, гдѣ недавно еще разбойничали отцы ихъ и дѣды, идутъ и слушаютъ съ чуткимъ вниманіемъ рассказы о страшныхъ преступленіяхъ, о страшномъ гнетѣ и беззаконіи прежнихъ временъ.

Помню одинъ рассказъ бабушки Настасьи о томъ, какъ ея сваха шла вечеромъ мимо гуменъ одного

извѣстнаго своими свирѣпыми нравами села, и какъ она услышала стонъ и увидѣла торчащія изъ-подъ омета соломы ноги, и какъ, почувя въ селѣ, она разсказала о видѣнномъ хозяйкѣ, а хозяйка въ страхѣ замахала на нее руками, чтобы она замолчала, и, пожалѣвъ ее, ничего не сказала о ней мужикамъ, чтобы они и ее тоже не зарѣзали...

— У нихъ какъ, бывало, закричатъ караулъ на болотѣ, такъ и тушатъ по всему селу огни,—говорила бабушка Настасья, — И видать не видали, и слышать не слышали... А сваха-то о ногахъ подъ ометомъ и заговори!.. Глуха была, молодая.

— Да вѣдь «онъ», можетъ, еще живъ былъ?—задумчиво спросилъ Петя, по прозванію «поэтъ»;— что жъ она его сразу не вытащила? онъ бы, можетъ, и убѣжалъ!..

— И, батюшка, кому это нужно? самой-то бы ноги унести!—сказала старушка.

Всѣ молчали; потомъ Наташа серьезно проговорила: «А въ Евангеліи сказано: люби ближняго, какъ самого себя».

— Развѣ это тогда понимали!—произнесъ, негодуя, Ваня Горинъ, а затѣмъ съ довольно мрачнымъ видомъ передалъ рассказъ своего дѣдушки о томъ, какъ Покровскій баринъ промѣнялъ повара на собаку, и какъ убивался и плакалъ поваръ, и не то ему было обидно, что другому его барину отдаютъ, а то, что отдаютъ его за борзого пса...

— А теперь, поди, промѣняйка-ка! попробуй!—

весело блестя голубыми глазами, сказалъ бойкій Ваня Павловъ.

— Теперь этого уже нѣтъ. Александръ Николаевичъ Освободитель это отмѣнилъ, — съ одобреніемъ проговорилъ Андрюша Сѣтковъ, примѣрный ученикъ, всегда отлично помнившій исторію.

— Бабушка Настасья, чай, помнитъ, какъ отмѣняли, — сказалъ мало учившійся, но любознательный Вася Голяковъ.

Но бабушка Настасья была къ отмѣнѣ крѣпостного права довольно равнодушна. Вѣдь эта отмѣна совершилась тогда, когда молодые ея годы уже миновали, когда и умъ ея, и нравъ, и воззрѣнія, и привычки, и склонности уже вполне опредѣлились и новому вѣянію поддаться не могли. И мы заговорили о другомъ и радовались, что мы молоды, и что никто изъ насъ не жилъ въ тѣ страшныя времена, и не былъ ни рабомъ, ни рабовладѣльцемъ, и что мы всѣ вмѣстѣ дружно путешествуемъ въ Муромъ, оставивъ позади себя всѣ свои заботы и недоумѣнія. Мы въ тѣ дни имѣли право не думать слишкомъ долго о темныхъ, жестокихъ временахъ, вспоминать которыя такъ тяжело и унижительно. Но можно-ли совсѣмъ забыть о нихъ? Вѣдь слѣды тѣхъ позорныхъ временъ остались до сихъ поръ во взглядахъ, и нравахъ, и стремленіяхъ многихъ русскихъ людей!

Идти лѣсомъ было гораздо пріятнѣе, нежели полемъ. Лѣсъ давалъ тѣнь и прохладу, а по временамъ чаща деревьевъ прерывалась привѣтливо освѣ-

ценными солнцемъ долками, въ которыхъ росла въ изобиліи высокая сочная трава и журчала холодная, чистая какъ хрусталь, вода. Но насъ донимали въ лѣсу комары; ихъ было такое множество, что они цѣлымъ облакомъ носились надъ нами и немедленно облѣпляли всякаго, кто хотя на мгновеніе останавливался. Они беспощадно гнали насъ впередъ, а если ужъ мы непремѣнно хотѣли присѣсть и отдохнуть, мы должны были зайти въ какое-нибудь строеніе, или добраться до открытаго мѣстечка на пригоркѣ, гдѣ бы дулъ вѣтерокъ.

Помню, какъ разъ мы вздумали расположиться на маленькой полянкѣ, окруженной громадными елями. Еще издали манилъ насъ изумрудно-зеленый коверъ травы и густая тѣнь деревьевъ. Но только успѣли мы раскинуть свой станъ, какъ комары напали на насъ съ ожесточеніемъ. Они кусались сквозь одежду, и защититъ отъ нихъ могло развѣ только толстое шерстяное одѣяло, но подъ нимъ было такъ нестерпимо душно, что поневолѣ пришлось отказаться отъ отдыха и идти дальше.

Около полуночи мы прошли черезъ большое спящее село Ломовку и расположились ночевать за селомъ на лужайкѣ возлѣ дороги. Небо было облачное, было прохладно, и намъ съ Наташей можно было покрыться одѣяломъ, не рискуя задохнуться. Кусать насъ комары уже не могли, но долго мнѣ не давало уснуть комариное пѣніе, эта странная, однообразная, неугомонная музыка изъ милліардовъ слабыхъ голо-

совъ, назойливо гудѣвшихъ надъ самымъ ухомъ, звенѣвшимъ безчисленнымъ хоромъ тончайшихъ дискантовъ гдѣ-то въ неизмѣримой высотѣ, переливавшихся, дребезжавшихъ, непрерывныхъ, неотвязныхъ, какъ ночной кошмаръ. Слушала я, слушала эту удивительную «стихійную» музыку и, наконецъ, заснула. Но скоро я сквозь сонъ замѣтила, что что-то постукиваетъ по соломенной шляпѣ, которою я покрыла себѣ лицо. Въ полуснѣ мнѣ показалось, что и этотъ стукъ производятъ все тѣ же неугомонные комары, но когда я выглянула изъ-подъ одѣяла, оказалось, что на насъ ровно и часто накрапываетъ дождь. Недаромъ распѣлись комары! Но сладкая дремота такъ овладѣла мною, что мнѣ рѣшительно не хотѣлось вставать.

— Дождь идетъ,—сказала я Наташѣ, смутно надѣясь, что на нее извѣстіе это подѣйствуетъ болѣе возбуждающимъ образомъ, чѣмъ на меня. Но она совершенно безмятежно проговорила: «Пройдетъ!»... И мнѣ почему-то тоже показалось, что дождикъ смилуется надъ нами и перестанетъ идти. Скоро, однако, пришлось убѣдиться, что мы напрасно понадѣялись.

Дождикъ накрапывалъ все сильнѣе и сильнѣе. Одѣяло наше стало намокать, и мнѣ поневолѣ пришлось подниматься, будить Наташу, дѣвушекъ и ребятъ, надѣвать мокрые башмаки и мокрую шляпу и наскоро свертывать и прятать остальные вещи, пока другіе запрягали лошадь, нагружали и увязывали телѣжку. Наконецъ, мы тронулись въ путь,

мокрые, сонные и унылые, подъ темнымъ еще небомъ и обильно льющимся дождемъ.

Село было въ двухъ шагахъ позади насъ, но о немъ и рѣчи не было. Никакія силы не могутъ заставить странниковъ идти назадъ, а не впередъ,—и, повинуюсь стихійному влеченію, мы направились дальше, къ деревнѣ Шилоксѣ. На сѣромъ небѣ скоро, впрочемъ, забрежжиль бѣлый свѣтъ зари и намъ яснѣе стали видны мрачныя сосны и ели и бѣгущіе по дорогѣ потоки мутной воды. Мы идемъ уже больше часу, а до Шилоксы всего пять верстъ; стало быть, недалеко. Дождь перестаетъ идти; на пригоркѣ, въ тускломъ полусвѣтѣ, уже замѣтна деревня; еще одинъ довольно трудный подъемъ по липнущей къ обуви мокрой глинѣ, и мы подходимъ къ крайней избѣ. «Господи, только бы насъ впустили!» Я стучусь въ окно. Изъ окна выглядываетъ дѣвушка, какъ видно только-что вставшая, съ сонными еще глазами и растрепанной косою бѣлокурыхъ волосъ. Я высказываю ей нашу просьбу. Она смотритъ на насъ весьма сочувственно и приглашаетъ войти:

— Идите, насъ только двѣ съ сестрой, у насъ можно. А ребята пусть къ «шабрамъ» *) идутъ—и у нихъ, чай, пустятъ!

И мы съ Наташей и другими двумя дѣвушками съ чувствомъ облегченія входимъ въ избу, изъ ко-

*) «Шабрами» въ нашей мѣстности зовутъ сосѣдей.

торой сразу пахнуло на насъ сухимъ тепломъ и «жильимъ» запахомъ.

Дѣвушка топить печку; молодая женщина съ ребенкомъ еще лежитъ на лавкѣ; возлѣ нея качается люлька съ другимъ ребенкомъ, побольше.

Мы переодѣваемся и развѣшиваемъ у печки свои мокрыя вещи; потомъ спутницы мои забираются на печку и засыпаютъ. Я укладываюсь на лавку вдоль окошекъ, но мнѣ уже не спится. Вижу, какъ молодая женщина, за отсутствіемъ матери ночевавшая у сестры, встаетъ и уноситъ домой грудного ребенка, въ надеждѣ, что другой ребенокъ, въ люлкѣ, проспится спокойно до ея возвращенія. Дѣвушка-хозяйка, сидя у печки, чиститъ картофель себѣ на завтракъ, но прошло минуты двѣ и изъ люльки уже слышится плаксивый голосокъ: «мамка!..» Дѣвушка бросаетъ свой картофель и подбѣгаетъ: «спи, спи, Ольгушка, спи!» Но изъ люльки еще громче и настойчивѣе раздается: «мам-ка-а-а!!»

— Качаетъ мамка, тутъ мамка, тутъ, качаетъ!— торопливо твердитъ дѣвушка и начинаетъ раскачивать люльку. Но маленькая крикунья не дается въ обманъ. Все сердитѣе, все упрямѣе зоветъ она свою «мамку», и никакое качанье, никакія коварныя увѣренія, что «мамка» находится возлѣ нея, не могутъ ее успокоить. Дѣвушка нѣсколько разъ бросаетъ стряпню и бѣжитъ раскачивать люльку, но Ольгушка не унимается и продолжаетъ кричать съ силой отчаянія:

— Мамка!!!...

— И что это за неудобная дѣвка какая!—воскликаетъ дѣвушка, выходя, наконецъ, изъ терпѣнія. Она окончательно бросаетъ стряпню, распахиваетъ занавѣски люльки и беретъ на руки хорошенькую, заспанную, кудрявую дѣвочку съ сердито смотрящими изъ подъ длинныхъ рѣсницъ синими глазками. Дѣвочка собирается окончательно разревѣться, но въ эту минуту вбѣгаетъ въ избу запыхавшаяся мать, подхватываетъ ее, и, освѣдомившись о томъ, давно ли она кричитъ, уносить домой «неудобную дѣвку».

Дѣвушка-хозяйка, управившись у печки, наскоро умывается, кое-какъ приглаживаетъ волосы, надѣваетъ сарафанъ и платокъ, молится и усаживается завтракать. Я не безъ зависти гляжу на дымящійся картофель въ чашкѣ, которую она держитъ у себя на колѣняхъ; но я не рѣшаюсь попросить у нея этого картофеля, а сама она не считаетъ нужнымъ меня имъ попотчивать, такъ какъ на столѣ передъ мной уже лежатъ вынутые изъ кулька пирожки и лепешки.

Солнце взошло; окна избы прямо обращены къ нему, и яркіе, косые лучи золотисто освѣщаютъ всю ея неприглядную внутренность. Меня начинаетъ клонить ко сну; я повертываюсь спиной къ окошкамъ и засыпаю.

Въ семь часовъ утра бабушка Настасья уже будитъ насъ, подойдя къ окну. Солнце высоко—путь далекъ. Надо собираться. И мы идемъ, радуясь чистотѣ и прохладѣ освѣженного дождемъ и еще не рас-

каленного солнцемъ утренняго воздуха. Небо синее, и только съ одной стороны тѣсняются пышныя, красивыя, сизыя съ бѣлымъ облака. Лѣсъ великолѣпнѣе, комаровъ почти нѣтъ. На песчаной дорогѣ валяются въ изобиліи куски разноцвѣтнаго, голубого и зеленаго шлака. Намъ попадаютъ мужики, везущіе въ большихъ плетеныхъ корзинахъ уголь, и это напоминаетъ намъ, что мы приближаемся къ Кулюбакинскому чугунному заводу.

Пройдя верстъ шестнадцать, мы садимся полдничать въ виду Кулюбакъ, возлѣ красиваго домика съ прочными, тесовыми службами и колодцемъ. Мимо насъ проходитъ къ дому какой-то сѣдой господинъ съ тросточкой въ рукахъ. Нашъ бивуакъ вызываетъ въ немъ явное любопытство и онъ съ привѣтливой усмѣшкой всматривается въ насъ. Мы спрашиваемъ, можно-ли намъ пользоваться тѣнью отъ его дома и водой изъ его колодца.

— Сдѣлайте одолженіе,—говоритъ онъ, любезно снимая шляпу и еще привѣтливѣе улыбаясь. И послѣ того выходитъ кухарка и предлагаетъ намъ самоваръ, а для ребятъ выносить большую чашку съ квасомъ и лукомъ. И ребята, питавшіеся всю дорогу почти однимъ только хлѣбомъ, весьма быстро и съ аппетитомъ истребляютъ содержимое въ чашкѣ.

Мы входимъ въ Кулюбаки и къ большому удовольствію ребятъ попадаемъ въ сутолоку базарнаго дня. Вездѣ—двухъ-этажные дома съ крылечками и вывѣсками, каменные амбары и лавки, лотки съ мелкимъ

товаромъ, воза и возчики, продающіе и покупающіе. Возлѣ нихъ снуютъ мальчуганы, таща на себѣ огромныя охапки свѣже-скошенной травы, которую они предлагаютъ покупателямъ за двѣ и за три копѣйки; другіе, менѣе добродѣтельные юные туземцы злоумышленно вертятся около торговцевъ и, къ великому негодованію нашихъ ребятъ, стараются похитить—кто сушеную воблу, кто калачъ; въ трактирахъ и кабакахъ гудятъ потребители; другіе ѣдятъ и пьютъ тутъ же, на площади, и вездѣ, среди безпорядка, сора, шума и крика кишитъ живая и пестрая толпа и раздается бойкій, мѣткій великорусскій говоръ. Все это очень разнообразно, типично и даже красиво подъ синимъ небомъ и яркимъ лѣтнимъ солнцемъ. И немудрено, что для обитателей глухой и бѣдной деревни это людное, базарное оживленіе—нѣчто крайне заманчивое и интересное.

Сперва я тоже не безъ любопытства и удовольствія смотрѣла на веселую толпу и ожесточенное базарное торгашество, но чѣмъ дальше мы шли, тѣмъ больше попадалось намъ пьяныхъ, тѣмъ чаще раздавались крики и буйныя пѣсни съ фальшивыми хрипылыми нотами и отчаянной выразительностью. И мы старались скорѣе пройти Кулюбаками, и какъ-то грустно и совѣстно было на душѣ и вспоминалось неравенство людское и отвѣтственное положеніе всѣхъ, кому знакомы наслажденія болѣе высокаго качества, нежели грошовые барыши и наивно дикій разгулъ базариной площади.

Но вотъ мы опять «на волѣ», опять среди громаднаго, спокойнаго лѣса. Опять попадаютъ намъ среди лѣса хорошенькіе домики сторожевыхъ кордоновъ, гдѣ намъ охотно даютъ «испить» и охотно сообщаютъ, сколько верстъ намъ еще остается пройти; мы минуемъ вырубленные участки и участки съ молодю порослюю чернолѣсья, и снова передъ нами исполинскія старыя сосны и ели, и безконечно длинныя прямолинейныя, великолѣпныя просѣки. Эти все болѣе и болѣе суживающіяся, прямыя, длинныя перспективы просѣкъ, эти небольшіе участки березняка и осинника, среди старыхъ хвойныхъ великановъ и идущія дорогой артели рабочихъ съ топорами на плечахъ говорятъ о мирномъ завоеваніи лѣса человекомъ; и для меня, имѣющей пристрастіе ко всему человѣческому, признаки эти придаютъ его могучей красотѣ еще особую прелесть.

Къ вечеру мы выходимъ изъ лѣса. Дорога подымается на обширный, пологій, кругомъ распаханый холмъ, и съ него открывается съ одной стороны цѣлое море сосенъ и елей, а съ другой стороны—поросшая кустами, болотистая низина, за которой высится бѣлая церковь села Севастлейки. Но пока мы идемъ, любуясь широкой панорамой, изъ-за лѣснаго горизонта выползаетъ громадная, угрюмая туча; она болѣе чѣмъ на половину закрываетъ небо, и при яркомъ блистаніи солнца надъ свѣтло-зеленой низиной, при двойной радугѣ, разноцвѣтно сіяющей на темномъ фонѣ тучи и лѣса, грянуль,

вдругъ зашумѣвъ и сверкая, сильнѣйшій ливень. Всѣ мы попрятались подъ растущіе у дороги кусты и деревья. Сквозь шумно движущійся, прозрачно-серебристый пологъ дождевой воды виднѣются мнѣ смѣющіяся лица сидящихъ на корточкахъ подъ широкими вѣтвями ели ребятъ (и ѣдущіе по дорогѣ, весело кричащіе на лошадей мужики. Наташа отстала отъ насъ, и мы съ бабушкой Настасьей, довольно неудачно пріютившись подъ пропускавшими воду молодыми березками, начинаемъ беспокоиться объ ея участи; но вотъ она уже ѣдетъ мимо насъ, сидя на телѣгѣ съ подвезшимъ ее мужикомъ, и киваетъ намъ, и смѣется, и цѣлыя струйки воды бѣгутъ по розовымъ щекамъ и по выбившимся изъ-подъ платка прядямъ волосъ. Скоро ливень прекращается, но, несмотря на всѣ предосторожности, мы промокли насквозь.

Мы идемъ, и то небо проясняется, и лужицы на темной грязи становятся голубыми, и солнце ласково пригрѣваетъ насъ, то опять собираются тучки и снова спрыскиваютъ насъ дождемъ.

Наконецъ, мы добираемся до Севастлейки и, хотя еще не поздно, остаемся ночевать на постояломъ дворѣ. Ребята страшно рады спать въ избѣ. А мнѣ деревянная лавка кажется замѣтно жестче луговинника, да и довольно-таки душно въ большой, плохо прибранной «чистой» комнатѣ съ низкимъ потолкомъ, маленькими окнами и множествомъ мухъ. Тѣмъ не менѣе, мы всѣ хорошо выспались и, выйдя

раннимъ свѣжимъ утромъ, пошли по тропинкѣ, которую пѣшеходы, во избѣжаніе сыпучихъ песковъ большой дороги, проложили болотистымъ мѣстомъ, прямо черезъ частый молодой лѣсъ. Идя другъ за другомъ по узкой топкой тропинкѣ и при всякомъ удобномъ случаѣ перегоняя другъ дружку, мы прошли замѣчательно быстро и весело всѣ двѣнадцать верстъ до Липни, гдѣ лѣсъ уже окончательно прекращается и откуда намъ до Муромъ оставалось всего только двѣнадцать верстъ. Дорога шла привольными лугами вдоль Тешы, которая подъ самымъ Муромомъ впадаетъ въ Оку. И во все время пути, начиная съ самой Липни, намъ виденъ былъ на горѣ, за Окой, рядомъ съ большимъ селомъ Карачаровымъ—старинный, многохрамный, красивый городъ Муромъ, весьма похожій на всѣ старинные русскіе города. Весело идти, когда уже видна конечная цѣль путешествія, и когда изъ 150 верстъ остается ихъ только 12, а потомъ 11, а затѣмъ 10, и 9 и 8... Радуюсь этому, мы шли не торопясь и часто сидились, и разговаривали, и смотрѣли на Муромъ, на Оку и плывущія по ней суда, на Тешу и густой лозинникъ возлѣ нея, и безчисленныя ласточкины гнѣзда въ обрывистомъ песчаномъ берегу. Все это очень забавляло ребятъ, и пока мы, взрослые, наслаждались отдыхомъ и любовались красотой мѣстности, они постоянно вскакивали и бѣжали смотрѣть на что-нибудь и, возвращаясь, сообщали намъ свои наблюденія, задавали вопросы и вспоминали, какъ «изъ

славнаго города изъ Муромъ, изъ села изъ Карачарова» вышелъ богатырь Илья Муромецъ, крестьянскій сынъ, сиднемъ сидѣвшій тридцать лѣтъ, а потомъ совершившій сколько славныхъ подвиговъ ради Божьихъ церквей и ласковаго князя Владиміра, и для вдовъ, и сиротъ, и всего народа православнаго.

Но вотъ мы уже и на паромѣ черезъ Оку. Силачи-перевозчики, разстегнувъ ворота рубашекъ и все же обливаясь потомъ, всѣмъ тѣломъ налегая на сторону и равномерно, другъ за другомъ двигаясь по парому, тянуть за канатъ. Надъ нами безоблачное, сіяющее лучезарнымъ свѣтомъ, голубое небо; за Окой красивый тихій Муромъ, а на синей рѣкѣ кое-гдѣ, на значительномъ разстояніи другъ отъ друга, почти неподвижныя неуклюжія барки и небольшіе суetaющіеся пароходики. У ребятъ отъ невиданнаго зрѣлища разбѣгаются глаза; они даже молчатъ, чтобы успѣть все хорошенько разсмотрѣть, и иногда только раздаются восторженныя восклицанія: «глянь-ка, глянь»...

Людей на паромѣ немного. Бабушка Настасья вступаетъ въ разговоръ съ какой-то мѣщанкой и спрашиваетъ, правда-ли, что въ Муромѣ «проявилась» праведница, живущая въ затворѣ уже десять лѣтъ и кушающая по одной просвиркѣ въ день? И миловидная мѣщаночка въ голубомъ платочкѣ осторожно объясняетъ, что это неправда, и что просто-на-просто хитрая и жадная мать, руководясь разными низкими расчетами, держала взаперти, въ лохмотьяхъ, въ

грязи и въ голодѣ полуидіотку дочь, пока ее не нашла полиція и пока не отравили ее въ больницу на поправку.

Паромъ приближается къ берегу, и бабушка Настасья, съ изумленіемъ, доходящимъ до оцѣпенѣнія, смотритъ на барки, пристань и линію берега, быстро надвигающіяся на насъ...

— И неужто же?! Царица Небесная!..—шепчетъ она, не зная чему вѣрить—своимъ-ли глазамъ, или мнѣ, объясняющей, что это мы плывемъ, а пристань стоитъ на мѣстѣ. И пока она дивится и недоумѣваетъ, ребята радуются при видѣ обмана зрѣнія, который напоминаетъ имъ объ урокахъ географіи и о движеніи земли. И вотъ мы входимъ въ городъ, и больно усталымъ ногамъ ступать на острые камни мостовой. Еще одно мытарство по пыльнымъ и соннымъ улицамъ города, съ разспросами о томъ, гдѣ бы намъ остановиться,—и ребята съ лошадыю, бабушка Настасья и три дѣвушки заворачиваютъ на постоянный дворъ, а мы съ Наташей беремъ себѣ номеръ въ гостинницѣ, какъ разъ напротивъ постоянного двора; и, Боже мой, какъ пріятно отдохнуть въ прохладной комнатѣ, на кровати съ пружиннымъ тюфякомъ!

Мы пробыли въ Муромѣ немного болѣе сутокъ. Прибывъ въ городъ, я постаралась принять видъ по возможности городской и спутниковъ своихъ увѣщевала вести себя по правиламъ городского общежитія. Но, увы! это плохо имъ удавалось: когда имъ на-

дошло сидѣть на постояломъ дворѣ, они выходили за ворота и не стѣсняясь садились рядышкомъ на край тротуара. Когда же я или Наташа показывались въ окнѣ номера, они выходили на середину улицы и безцеремонно переговаривались съ нами. А мѣстные обыватели сперва подробно разспросили ребятъ о томъ, кто мы такіе и затѣмъ прибыли, а потомъ перестали обращать на насъ вниманіе. При патріархальности городскихъ нравовъ наша деревенская простота, очевидно, никого не поражала.

Въ первый же вечеръ мы были у всенощной въ красивомъ старомъ соборѣ съ мощами св. Петра и Февроніи. Ребята, и дѣвушки, и бабушка Настасья, всё въ смягченномъ, поэтическомъ настроеніи, любовались великолѣпіемъ блистающаго свѣчами и золотомъ собора и усердно молились. Также точно умилялись и молились другіе странники-богомольцы, которые почти одни наполняли высокій храмъ и даже сидѣли кружками на заросшей травой обширной площади передъ соборомъ.

Наши ноги довольно плохо намъ служили, но все же мы на другой день отправились въ женскій монастырь къ обѣднѣ и въ мужской Благовѣщенскій монастырь къ молебну у раки князей—просвѣтителей Муромъ, Константина, Михаила и Феодора. Не безъ труда узнавъ, когда отходитъ поѣздъ, отправились мы также и на желѣзнодорожную станцію, и ребята сперва во всѣхъ подробностяхъ разсмотрѣли стоявшій у платформы локомотивъ съ длинной

цѣпью вагоновъ, а потомъ уѣхали на землю возлѣ полотна дороги и дождались, когда поѣздъ промчался мимо нихъ и унесся въ даль, вызывая въ зрителяхъ неописанный восторгъ.

— Чего весь вѣкъ не видала, то нынче увидѣла!—говорила, дивясь какъ ребенокъ, бабушка Настасья...

Мы хотѣли побывать еще въ селѣ Лазаревѣ, гдѣ похоронена жившая во времена царей Θεодора и Бориса святая Іуліанія Лазаревская, по мужу Осорьина. Но никто изъ муромцевъ, къ которымъ мы обращались съ разспросами, не могъ намъ точно объяснить, гдѣ село это находится и сколько до него верстъ. Въ отвѣтахъ ихъ число верстъ колебалось между пятью и двадцатью, и, боясь, какъ бы послѣдняя цифра не оказалась самой вѣрной, мы, наконецъ, совсѣмъ раздумали идти въ Лазарево. вмѣсто того я прочла своимъ спутникамъ жизнеописаніе боярыни Іуліаніи, составленное ея сыномъ. Въ немъ почти не говорится о чудесахъ или видѣніяхъ, но за то много разсказывается о великихъ подвигахъ христіанской любви. Имѣя богатые помѣстья, многочисленную дворню и большую семью, боярыня Іуліанія всѣми своими силами служила ближнему, кормила тысячи нуждающихся во время страшнаго, терзавшаго тогда Россію голода, и—что всего знаменательнѣе и трогательнѣе для грубаго того вѣка — называла даже послѣдняго изъ «рабовъ» сво-

ихъ полнымъ христіанскимъ именемъ. И заканчивая свое безхитростное повѣствованіе, сынъ Осорьиной подтверждаетъ, что все рассказанное имъ — чистая правда, и что онъ никогда бы не посмѣлъ извратить или прибавить что-нибудь, такъ какъ этимъ причинилъ бы «безчестье—государынѣ своей и матушкѣ, праведной Іуліаніи».

Много видѣлъ Муромъ на своемъ вѣку. Въ сѣдую древность онъ славился изобиліемъ скота и хлѣба, меда и воска, рыбы и звѣря лѣсного. А жила въ немъ тогда языческая «Мурома», и на идольскихъ празднествахъ приносились человѣческія жертвы. Потомъ увидѣлъ Муромъ князей-Рюриковичей, которые «сѣли» въ немъ, чтобы въ далекой окраинѣ положить начало государственности и распространить христіанскую вѣру. И въ житіи благовѣрнаго князя Константина рассказывается, какъ онъ ѣхалъ въ языческій Муромъ, готовый до смерти послужить Христу Богу и ближнему, и какъ онъ старшаго своего сына послалъ впередъ себя съ вѣстью мира и милости, и какъ муромцы убили его сына и бросили его тѣло на дорогѣ, по которой долженъ былъ проѣхать князь, и какъ князь, найдя убитаго сына, горько плакалъ о немъ, но все же не падалъ духомъ, и вошелъ въ городъ, и сталъ жить въ немъ, какъ въ осадѣ, среди враждебнаго населенія, и какъ муромцы собрались толпой къ его дворцу и кричали: «убьемъ князя!», а князь вышелъ къ нимъ одинъ, безоружный, съ образомъ въ рукахъ, и вдохновен-

ной своею рѣчью такъ подѣйствовалъ на нихъ, что они устыдились своего буйства, согласились принять крещеніе и стали жить съ своимъ княземъ душа въ душу... Много и другого еще видѣлъ Муромъ въ теченіи своей почти тысячелѣтней исторіи, онъ видѣлъ русскихъ поселенцевъ, и княжескія усобицы, и татарское нашествіе, и собраніе Руси, и царскихъ воеводъ, и разбойничьихъ атамановъ, и раскольниковъ. И все это миновало, все прошло. Русская земля расширилась и заселилась; выросли новые города, и кипучая жизнь отхлынула отъ стараго Мурома къ другимъ человѣческимъ центрамъ. И заснулъ древній Муромъ, и въ старческой дряхлости своей совсѣмъ почти забылъ о томъ, что въ немъ въ былое время происходило...

Ходя по Муромскимъ церквамъ съ моими спутниками и другими пришельцами, я тщетно старалась найти человѣка, который сумѣлъ бы показать намъ достопримѣчательности города и рассказать ихъ исторію. Я спросила одного священника, нѣтъ-ли книжки съ описаніемъ всего этого, но онъ съ прискорбіемъ отвѣтилъ мнѣ, что и книжки такой не имѣется, а есть только небольшая брошюрка, въ которой говорится о «Державныхъ гостяхъ», посѣтившихъ Муромъ, начиная съ 1445 года и кончая 1837.

Побывавъ вторично у всенощной, мы на другой же день послѣ прихода въ Муромъ, пользуясь вечерней прохладой, отправились въ обратный путь.—

Намъ незачѣмъ было дольше оставаться въ Муромѣ, и насъ, кромѣ того, отчасти стѣсняли расходы. У всѣхъ моихъ спутниковъ денегъ было очень немного, а изъ мальчиковъ даже тотъ, у кого при выходѣ имѣлось 20 копѣекъ, считался богачомъ. Между тѣмъ въ городѣ имъ приходилось покупать пищу и платить за ночлегъ на постояломъ дворѣ; въ деревняхъ же они, сѣвъъ взятый изъ дому хлѣбъ, получали даромъ почти все, что имъ требовалось. Я раза два въ день угощала ихъ чаемъ и кое-когда какимъ-нибудь немудрымъ лакомствомъ; но большей частью спутники мои, почувствовавъ усилившійся аппетитъ, подходили къ первой попавшейся избѣ и самымъ естественнымъ тономъ говорили хозяйкѣ: «Тетенька, не дашь-ли хлѣбца?» И «тетенька» въ большинствѣ случаевъ съ полной готовностью подавала въ окно отрѣзанный ломоть, а иногда предлагала даже войти въ домъ или пообѣдать, или поужинать. У одной избы, помнится, сперва ребятамъ подали хлѣбъ, а потомъ молодой мужикъ, высунувшись изъ окна, началъ звать ихъ въ догонку и приглашалъ войти поѣсть каши съ пирогами, но ребята почему-то сконфузились, не рѣшились вернуться и совсѣмъ неосновательно лишили себя пироговъ и каши. Бабушка Настасья, несмотря на свои почтенныя лѣта и принадлежность къ зажиточному семейству, также какъ и ребята, ходила по окнамъ, набирала въ передникъ куски и ѣла ихъ, присѣвши на заваленку. И это совсѣмъ не казалось нищенствомъ, или вообще уни-

женіемъ, а казалось только милой братской простотой въ отношеніяхъ.

Разъ мы съ тремя ребятами далеко опередили телѣжку, гдѣ была у меня провизія, и очень проголодались. Когда мы пришли въ село, я поручила Васѣ Голякову купить мнѣ хлѣба; но никто не соглашался продать, а вмѣсто того въ одномъ богатомъ домѣ подали «Христа ради» большой ломоть чистаго мягкаго хлѣба, и Вася принесъ его мнѣ, и мы съ большимъ удовольствіемъ съѣли его вчетверомъ. Ночуя въ чьей-нибудь избѣ, я платила по 1 коп. съ человѣка, или даже меньше, но иногда хозяева и этого не хотѣли брать. Разъ я хозяйкѣ кордона, въ которомъ мы утромъ умывались и завтракали, хотѣла дать двугривенный ребятамъ на пряники.

— И, матушка!—сказала она: — зачѣмъ это? Вы ужъ лучше своимъ... У васъ и своихъ-то—гляди, сколько!..—Въ одномъ селѣ у насъ нашли знакомые, и когда мы взяли у нихъ самоваръ и чайную посуду, хозяинъ, не дожидаясь даже, чтобы мы его объ этомъ попросили, отправился съ косою «на зады» и принесъ намъ травы для лошади. Другой разъ я послала одного изъ мальчиковъ купить для лошади сѣна, но онъ принесъ мнѣ деньги обратно и сказалъ, что хозяинъ далъ сѣна даромъ и велѣлъ только свѣчку за него поставить. Такимъ образомъ въ дорогѣ денегъ намъ почти не нужно было.

Наташинъ желтый ситцевый платокъ, который я надѣла на голову, потому что онъ гораздо лучше.

шляпы защищала меня отъ солнца и отъ комаровъ, простое общество, въ которомъ я находилась, и скромное пѣшее хожденіе съ одной стороны, а съ другой стороны мой не-крестьянскій говоръ, золотые часы и другія мелочи нерѣдко приводили людей въ недоумѣніе относительно категоріи, къ которой имъ меня надлежало причислить. Но сословные предразсудки какъ-то совсѣмъ несвойственны простымъ русскимъ людямъ, и они обращались со мною совершенно одинаково, принимали-ли они меня за горничную, или за «барышню», т.-е. челоуѣка, принадлежащаго къ помѣщичьему классу. Мнѣ же, при необычности окружающихъ условій и при томъ ясномъ, повышенномъ и кроткомъ настроеніи, которое вызывало во мнѣ наше вольное странствованіе, совершенно невозможно было стать на обычную въ извѣстномъ кругѣ точку зрѣнія и смотрѣть на услуги и особенное вниманіе людей какъ на нѣчто должное. Когда люди бывали непривѣтливы, или отказывали намъ въ чемъ-нибудь, или не хотѣли впустить насъ въ домъ, это казалось совсѣмъ не оскорбительнымъ, потому что легко было понять, что людямъ покоя нѣтъ отъ прохожихъ и странниковъ. Когда же люди были услужливы и радушны,—а большею частью они были именно таковы,—это всякій разъ было особеннымъ удовольствіемъ. Впрочемъ, даже и помимо ихъ добраго отношенія къ намъ лично, хорошо было встрѣчать на безыскусственно ровной ногѣ это множество разнаго рода людей и видѣть ихъ

быть, ихъ трудъ и отдыхъ, хлопоты хозяйствъ, заботы отцовъ, любовь и ласку взрослыхъ къ маленькимъ, пискливымъ ребятишкамъ. Любопытно и радостно было находить въ этихъ людяхъ, живущихъ незнакомой и чуждой намъ жизнью, все тѣ милыя, человѣческія, близкія намъ черты, которыя говорятъ такъ настоятельно и громко о братствѣ всехъ людей. Но страшно подумать, какой тяжелый и скудный образъ жизни эти люди-братья вынуждены вести, и какъ ужасно многого имъ недостаетъ, чтобы жизнь ихъ была настоящей человѣческою жизнью...

Пока мы вмѣстѣ шли и отдыхали, обѣдали и ночевали, чувство братской близости, принося съ собой сладостное чувство временнаго облегченія и успокоенія, проявлялось во мнѣ, главнымъ образомъ, по отношенію къ тѣмъ, кого я ужъ и раньше хорошо знала, а въ то время узнала еще ближе и лучше, то-есть, по отношенію къ моимъ спутникамъ. Нельзя было не полюбить ихъ—такъ они были милы и симпатичны. Правда, бабушка Настасья начала съ того, что попыталась угодить мнѣ восхваленіями нашей семьи и ядовитыми замѣчаніями по адресу сосѣдей. Но скоро она оставила это и стала относиться ко мнѣ съ обычнымъ своимъ грубоватымъ добродушіемъ. А ребята и дѣвушки были съ самаго начала безусловно просты и искренни. Въ нихъ не было ни тѣни напускного участія или искусственной любезности; они держали себя совершенно самостоятельно и, садясь отдыхать или пускаясь въ путь, идя въ

молчаніи или болтая между собой, они часто подолгу не обращали на меня никакого вниманія. Но какъ только я, а также и Наташа нуждались въ чемъ-нибудь, они догадывались объ этомъ и старались помочь. Они слѣдили, чтобы я шла тамъ, гдѣ дорога помягче и поглаже; они заранѣе отыскивали мнѣ мѣстечко для привала и еще на пути утѣшали меня предстоящимъ отдыхомъ. Они въ разныхъ домахъ просили пить и потомъ спѣшили призвать меня къ тому дому, гдѣ имъ давали квасу похолоднѣе... Они доставали мнѣ мягкаго хлѣба, рвали мнѣ землянику, приносили мнѣ воды, чтобы умыться, сопровождали меня ночью, въ качествѣ тѣлохранителей, и вездѣ и всегда заботились о томъ, чтобы никто меня не обидѣлъ и никто при мнѣ не сказалъ и не сдѣлалъ чего-нибудь такого, отъ чего бы мнѣ стало неловко. И эта послѣдняя милая ихъ забота и никогда не унывающая ихъ веселость, ихъ удалъ и молодечество, и ихъ живые вопросы и замѣчанія, которые доказывали, что школьное ученіе не прошло для нихъ безплодно, все меня въ нихъ, въ тѣ счастливые дни, веселило и трогало.

Жизнь—это цѣлое взбаломученное море, и среди его неистовыхъ волненій люди поневолѣ теряютъ изъ вида и даже забываютъ другъ друга. Но если и исчезнетъ между нами та близость, которая такъ меня радовала во время нашего совмѣстнаго путешествія, во мнѣ навсегда останется теплое чувство по отношенію къ милымъ моимъ дорожнымъ това-

рищамъ. И какъ бы ни огрубѣли наши ребята и дѣвушки въ послѣдствіи, среди житейскихъ битвъ, какъ бы ни измѣнились и ни испортились они среди измѣнчиваго и испорченнаго свѣта, я никогда не забуду, что видѣла ихъ молодыми, жизнерадостными, съ чуткой, открытой для всякой правды-истины душой, и никогда не перестану жалѣть о нихъ и о тѣхъ богатыхъ силахъ, о тѣхъ добрыхъ стремленіяхъ, о той красотѣ и прелести, которыя въ нихъ въ то время были. Вѣдь жалѣть о нихъ придется, потому что не пожалѣетъ ихъ беспощадная жизнь.

Не вѣкъ продолжается красное лѣто, предоставляющее и богатому, и бѣдному весь свой сіяющій свѣтъ и просторъ. Не вѣкъ ребятамъ нашимъ быть дѣтьми и учиться, не вѣкъ имъ беззаботно странствовать по зеленымъ полямъ и тѣнистому лѣсу. Ужъ и теперь они привыкаютъ «и мытьемъ, и катаньемъ» добывать себѣ жалкіе гроши, ужъ и теперь вредно вліяетъ на нихъ пресловутый «порядокъ»,—это безцѣльное ночное шатанье по деревенской улицѣ, составляющее почти единственное развлеченіе крестьянской молодежи, когда ей удастся вырваться на волю изъ тѣсной, грязной и душной избы. И чѣмъ дальше, тѣмъ болѣе будетъ ихъ затягивать житейское болото, и даже на почвѣ отрицательныхъ добродѣтелей и ординарнаго благосостоянія имъ трудно будетъ удержаться. Есть, правда, на свѣтѣ несложно-добросовѣстные натуры съ умѣренными вкусами, ровнымъ характеромъ и ограни-

ченной точкой зрѣнія, которыя вездѣ умѣютъ прожить безупречно и даже съ пользою для себя и другихъ, тщательно создавая маленькое свое благополучіе и храня въ неприкосновенности маленькія свои добродѣтели. Но мало такихъ натуръ среди русскихъ ребятъ. Ихъ порывы, и лѣнь, и скептицизмъ, и презрѣніе къ мелочамъ—подорвутъ то маленькое благополучіе, которое имъ доступно, и маленькія добродѣтели, которыя, пожалуй, могли бы имъ помочь. А болѣе высокія наслажденія, и болѣе крупныя дѣла, и болѣе яркія проявленія лучшихъ человѣческихъ свойствъ—все это отъ крестьянскихъ ребятъ страшно далеко. Не цвѣсти цвѣтамъ на морозѣ, и трудно человѣку быть человѣкомъ, когда жизнь усиленно топчетъ его въ грязь.

Надъ ребятами нашими уже не будетъ тяготѣть крѣпостное безправіе, но не уйти имъ отъ униженія передъ сильными, отъ грубой борьбы за кусокъ хлѣба, отъ вищенски скудной жизненной обстановки. Имъ не дадутъ доучиться, не дадутъ оглядѣться въ жизни, ихъ женятъ 18-ти-лѣтъ, чтобы имѣть въ домѣ лишнюю работницу, а потомъ, черезъ два—три года оторвутъ отъ семьи и пошлютъ на военную службу. А вернувшись и возмужавъ, они будутъ въ потѣ лица работать и собирать съ своихъ полей болѣе или менѣе скудные урожаи; они будутъ какъ можно дороже продавать свои произведенія и свой трудъ; будутъ угождать требовательнымъ хозяевамъ и эксплуатировать снисходительныхъ; будутъ съ трудомъ

добывать и занимать деньги на покупку лошади, на поправку избы, на свадьбу или на отдачу въ солдаты члена семьи; они будутъ съ такимъ же трудомъ добиваться денегъ на подати, или будутъ, можетъ быть, прятать ихъ отъ сборщиковъ, или будутъ съ угрозами и упрашиваніями собирать ихъ, въ качествѣ старостъ, и садиться подъ арестъ за недоборъ. Они будутъ всячески стараться поменьше дать и побольше получить, и несмотря на всѣ эти усилія, и все это униженіе, и всю эту ломку, большинство изъ нихъ получитъ безконечно мало и достигнетъ лишь того, чтобы какъ-нибудь «перебиться» и остаться, несмотря ни на что, тѣми симпатичными и добродушными людьми, которыхъ мы видѣли во время нашего путешествія. Нѣкоторымъ и этого не достичь, нѣкоторые впадутъ въ уныніе или ожесточатся и погибнутъ. А если другіе и избѣгнутъ крайней бѣдности и зависимости, если въ семьяхъ ихъ окажется много работниковъ или заведется выгодный промыселъ, они немного меньше будутъ работать и немного больше будутъ пить, будутъ чаще ѣсть говядину и рядиться въ цвѣтныя рубахи, будутъ болѣе исправно уплачивать подати и съ нѣкоторой гордостью побрякивать наличными деньгами при покупкахъ, но въ остальномъ ихъ жизнь будетъ почти такъ же скудна и груба, какъ и жизнь бѣдняковъ.

Тѣмъ не менѣе крѣпостное право давно уже миновало. Ребятъ нашихъ не будутъ ни продавать, ни

покупать, никто не въ правѣ бить ихъ по щекамъ, и даже розги, къ стыду и несчастью нашему еще уцѣлѣвшія въ практикѣ волостныхъ судовъ, примѣняются судьями рѣдко и неохотно. И грамотность, которую значительная часть населенія уже получаетъ въ школахъ, хорошія книжки, уже проникающія въ деревню, и все болѣе и болѣе частыя столкновенія народной массы съ интеллигентными лицами и городскими жителями—вызвали въ деревнѣ нѣкоторое умственное оживленіе. Народъ—уже не та инертная масса, какою онъ былъ еще недавно. Уже вездѣ молодежь горячо стоитъ за школы, отношеніе къ женщинамъ и дѣтямъ стало нѣсколько мягче, пьянство мѣстами начинаетъ казаться постыднымъ. Появился цѣлый новый многочисленный классъ мелкой деревенской полуинтеллигенціи, кое-что читавшей и читающей, имѣющей довольно живое чувство собственного достоинства и не скрывающейся отъ болѣе темной и приниженной своей братіи. И кое-гдѣ уже проснулся духъ критики, возникаютъ горячіе споры, и люди, такъ долго жившіе по традиціи и поклонявшіеся «невѣдомому Богу», начинаютъ разсуждать о вѣрѣ, объ общихъ вопросахъ, о жизненныхъ явленіяхъ. Какъ будто посвѣтлѣе, какъ будто поживѣе стало въ деревнѣ.

Пусть же эти струйки живой воды, бѣгущія подъ снѣгомъ невѣжества и застоя, соединятся въ могучее, всеобъемлющее, неудержимое, какъ вешнія воды, теченіе, и пусть ребята наши станутъ тѣмъ,

чѣмъ они могутъ быть, если судить по природнымъ ихъ душевнымъ и умственнымъ свойствамъ.

Не стану подробно описывать обратный нашъ путь. Всѣ мы радовались возвращенію домой, и увидѣвъ издали родную колокольню, ребята сразу забыли усталость, подхватили съ телѣжки свои вещи и умчались впередъ. Мы, болѣе усталые спутники, медленно слѣдовали за ними, и когда мы проходили широкой, тихой, поросшей мелкою травой деревенской улицей, видно было, какъ у воротъ домовъ семейные здоровались съ прибывшими, какъ матери снимали сумки съ запыленныхъ и загорѣлыхъ своихъ ребятъ, а дѣвушки-странницы цѣловали измазанныя рожицы радостно выбѣжавшихъ на встрѣчу «нянямъ» маленькихъ сестреночъ, братишекъ и племянниковъ... Волненія и удовольствія при свиданіи проявилось такъ много, какъ будто отсутствіе наше продолжалось не девять дней, а девять лѣтъ.

Вскорѣ и ребята, и дѣвушки, и даже бабушка Настасья принялись сѣнокосничать, а я, проспавъ, не просыпаясь, 16 часовъ подъ рядъ, вернулась къ обычному своему лѣтнему времяпровожденію. Вяло и пусто проходить для крестьянина нерабочее зимнее время, и почти такъ же безсодержательно проходили тогда мои лѣтніе дни почти безъ примѣненія личныхъ силъ и средствъ, почти безъ живого дѣла и живого общенія съ окружающимъ человѣческимъ міромъ, съ однѣми книгами, журналами и газетами, которые

говорять о многомъ, но самого важнаго и самого нужнаго, большей частью, не умѣютъ или не смѣютъ сказать...

II.

Лѣтнія занятія при Яблонской школѣ въ 1894 году.

За послѣднія пять лѣтъ, т.-е. съ тѣхъ поръ, какъ мнѣ, благодаря учрежденію школъ грамотности и надзору за ними, уже невозможно регулярно заниматься съ старшей группой учениковъ Яблонской земской школы, пришлось перенести занятія съ ними на весну и осень, когда школы грамотности не дѣйствуютъ, и свободнаго времени у меня сравнительно много. И каждую весну и осень въ Яблонской школѣ собиралось нѣсколько желающихъ учиться, бывшихъ или будущихъ учителей школъ грамотности, и другихъ ребятъ-подростковъ, уже окончившихъ курсъ начальной школы. Мы старались за это время исправить недостатки и заполнить пробѣлы въ нашихъ скромныхъ познаніяхъ, старались немного расширить свой кругозоръ и связать свое міровоззрѣніе съ направленіемъ предстоящей намъ жизни и съ отношеніями нашими къ міру и людямъ. Ученье продолжалось всего недѣль шесть весной и около мѣсяца осенью. Учила я одна, и учительство мое, а также и внѣшнія условія преподаванія были весьма несовершенны. Учились сперва яблонскіе ребята, которыхъ бывало всего 5—6 человѣкъ. Позднѣе ихъ

набиралось изъ окрестности человѣкъ 10 — 15, а осенью 1892 года учениковъ было уже 25. Выучивались они очень немногому. Но такъ какъ и это недостаточное ученіе имѣло замѣтное и доброе вліяніе на умъ и нравъ учащихся, и такъ какъ для учрежденія новыхъ школъ грамотности требовались и новые, по возможности хорошо подготовленные учителя, нельзя было не постараться, чтобы этого рода занятія устраивались при болѣе благопріятныхъ условіяхъ.

Намѣреваясь устроить такія занятія лѣтомъ 1894 года, я сообразила, что намъ нужно будетъ имѣть двоихъ хорошихъ преподавателей, имѣть достаточное количество учебныхъ пособій и общежитіе для 20 бѣднѣйшихъ учениковъ. По моему расчету на все это требовалось 600 рублей, и весь вопросъ былъ въ томъ, найдутся-ли эти средства и найдутся-ли лица, которыя пожелали бы взять на себя въ лѣтнее время нелегкій трудъ преподаванія. Къ счастью, къ концу апрѣля мною получены были первые 300 рублей, нужные на пріѣздъ и содержаніе учащихся и на покупку учебныхъ пособій. Вслѣдъ затѣмъ нашлись и остальные необходимыя для устройства общежитія средства, такъ какъ 220 рублей ассигнованы были московскимъ комитетомъ грамотности и 125 руб. — петербургскимъ комитетомъ. И благодаря такой щедрой помощи явилась возможность давать готовое содержаніе не 20-ти только ученикамъ, но и значительно большому числу.

Какъ только 9-го мая начались занятія и въ округѣ узнали, что въ Яблонкѣ все лѣто будутъ учить всѣхъ желающихъ учиться и что дальнимъ и бѣднымъ будутъ давать даровое содержаніе, ученики стали притекать къ намъ со всѣхъ сторонъ. Первыми пришли, конечно, тѣ яблонскіе ребята и дѣвушки, которыхъ семейные согласились освободить на время отъ домашнихъ работъ. Учительствуя въ школахъ грамотности, или кончая курсъ въ яблонской земской школѣ, они еще зимой разсуждали о томъ, будетъ-ли у насъ лѣтомъ «настоящее» ученіе, и радовались, когда узнали, что оно дѣйствительно будетъ. Послѣ нихъ стали появляться многіе кончившіе курсъ и жаждущіе дальнѣйшаго ученія ученики окрестныхъ школъ грамотности, затѣмъ ученики болѣе отдаленныхъ земскихъ и церковно-приходскихъ школъ нашего Арзамасскаго уѣзда и, наконецъ, даже нѣсколько человѣкъ изъ земскихъ школъ сосѣднихъ Сергачскаго и Княгининскаго уѣздовъ. Приходили и хорошо подготовленные, и плохо подготовленные ученики, и такъ какъ всѣхъ ихъ влекло одно и то же симпатичное намъ стремленіе къ ученію, мы всѣхъ ихъ одинаково принимали. Приходили и пріѣзжали частью съ тѣмъ, чтобы просто научиться, частью съ тѣмъ, чтобы, поучившись, получить мѣсто учителя въ школѣ грамотности. Не только жившіе недалеко и уже знакомые съ Яблонкой ребята, но и чужіе, дальніе, незнакомые прибѣгали пѣшкомъ, налегкѣ, съ независимостью и хра-

бросью, характеризующую даже небольших деревенских ребятъ. Одни являлись къ намъ по собственной своей инициативѣ и развѣ только предварительно сговорившись съ уже учившимися у насъ товарищами; другіе приходили и пріѣзжали по настоянію домашнихъ, въ сопровожденіи отцовъ и старшихъ братьевъ, съ рекомендательными письмами отъ священниковъ и учителей. Были тутъ чисто одѣтые, сытые и довольные дѣти зажиточныхъ семей, которымъ отцы оставили мѣшки и кулечки съ разной провизіей и запасомъ платья. Были и бѣдные, въ лаптяхъ и рваной одеждѣ, не принесшіе съ собой даже и ломтя хлѣба и питавшіеся дорогой Христовымъ именемъ. Тутъ были крестьянскіе мальчики и дѣвочки 13—14 лѣтъ, были юноши лѣтъ 17—18, были и женатые молодые люди 19 и 20 лѣтъ, была даже одна 24-лѣтняя вдовушка. Кромѣ крестьянскихъ сыновей и дочерей, пріѣзжали съ матерями учившіеся кое-гдѣ и кое-какъ дочери дворовыхъ людей и низшаго духовенства. Такимъ образомъ въ разное время перебивало у насъ всѣхъ учащихся, если не ошибаюсь, до ста человекъ, и въ томъ числѣ было до 20 дѣвушекъ. Но, благодаря первобытности нашихъ сообщеній, многіе о лѣтнихъ занятіяхъ въ Яблонкѣ узнавали очень поздно, и потому собирались они крайне медленно. И когда мы 9-го мая приступили къ занятіямъ, у насъ было всего только 20 учениковъ. Черезъ недѣлю ихъ, впрочемъ, было уже 30, а къ концу мѣсяца 50. Число это, време-

нами еще болѣе повышаясь, продержалось на такой высотѣ вплоть до конца іюня; затѣмъ, передъ началомъ уборки хлѣба, оно стало быстро падать, и въ серединѣ іюля учениковъ было опять не больше двадцати. Въ концѣ іюля, когда хлѣбъ былъ уже сжать, количество учащихся стало вновь увеличиваться, и въ сентябрѣ ихъ снова набралось до 50 слишкомъ человекъ. Составъ ихъ при этомъ былъ уже на половину другой, нежели въ началѣ лѣта. Многие не могли учиться въ теченіе всѣхъ пяти мѣсяцевъ потому, что семейные требовали ихъ участія въ полевыхъ работахъ; другіе уходили, соскучившись по домашнимъ; третьи уходили потому, что занятія показались имъ слишкомъ трудными и продолжительными, или потому, что обстановка и образъ жизни очень ужъ были неприглядны. Такъ же рѣшительно и самостоятельно, какъ всѣ они приступали къ ученью, оставляли школу и уходили домой всѣ тѣ, которые были чѣмъ-нибудь недовольны. Удержать этихъ немногихъ недовольныхъ было невозможно, но тѣмъ цѣннѣе было присутствіе тѣхъ, которые, пришедши, такъ полюбили школу, что не боялись уже ни разлуки съ домашними, ни трудности ученья, ни неизбѣжныхъ неудобствъ. Мы не могли знать заранее, какими средствами мы будемъ располагать и сколько у насъ будетъ учащихся, а потому у насъ часто не хватало ни столовъ, ни скамеекъ, ни учебныхъ пособій. Понемногу мы все это приобрѣли, но устроить помѣщеніе для общежитія было уже не-

когда. Ребятамъ, увы! до конца приходилось спать на полу, на сдвинутыхъ вмѣстѣ столахъ и скамейкахъ классной комнаты, или въ сѣняхъ и чуланахъ, а дѣвушки кое-какъ пріютились въ комнатахъ учительницы и у просвирни. Не мало было хлопотъ еще и съ прокормленіемъ учащихся. Провизию приходилось покупать на базарахъ, въ 12 и 25 верстахъ отъ Яблонки, и она нерѣдко попадалась плохая; не сразу можно было найти хорошую стряпку; число ѣдковъ постоянно мѣнялось, и трудно было устроить такъ, чтобы всего всегда было довольно. Иногда кухарка плохо стряпала, ѣдоки жаловались, а завѣдующая кормленіемъ обижалась и высказывала жестокое намѣреніе отказаться отъ этой дѣйствительно хлопотливой обязанности. И приходилось тогда уговаривать кухарку, чтобы она варила похлебку съ должнымъ стараніемъ и уговаривать ребятъ, чтобы они не капризничали, и уговаривать завѣдующую, чтобы она не обижалась. Корень зла былъ, конечно, въ нашей собственной неопытности, но отъ этого недостатка при желаніи всегда можно исправиться. И дѣйствительно, дѣло понемногу наладилось, и смуты прекратились. Какъ нелегко было всѣхъ помѣстить и прокормить, такъ же точно при частыхъ перемѣнахъ въ составѣ учащихся и учащихся нелегко было распределить ихъ по группамъ и составить для каждой группы планъ занятій. И занятія наши несомнѣнно носили характеръ нѣкоторой нестройности и безпорядочности. Но, благодаря разумному и усерд-

ному сотрудничеству лицъ, не отказавшихся взять на себя значительную часть преподаванія, благодаря веселому рвенію и воспріимчивости учениковъ и благодаря несомнѣнной своевременности и надобности того, что у насъ дѣлалось, лѣтнее наше ученье дало гораздо лучше результаты, чѣмъ можно было ожидать, принимая во вниманіе короткость времени, вѣшнее неустройство и плохую подготовку многихъ учениковъ.

Предпринимая устройство лѣтнихъ занятій, я, впервые, желала познакомить учащихъ съ нѣкоторыми приѣмами преподаванія, которые помогли бы имъ при учительствѣ въ школахъ грамотности, а во-вторыхъ, надѣялась двинуть умственное ихъ развитіе и дать имъ познанія и навыки, необходимые всякому человѣку. Изъ личнаго моего опыта и наблюденія за послѣдніе годы я убѣдилась, что не только школа грамоты, но даже и земская школа нашей мѣстности не даютъ всего того, что надо считать правильнымъ начальнымъ обученіемъ. Нахожу попрежнему, что и самая даже несовершенная школа несравненно лучше отсутствія всякой школы; но думаю вмѣстѣ съ тѣмъ, что, заботясь о распространеніи начального обученія, мы должны ставить себѣ цѣлью также и повышение его уровня до известной нормы, ниже которой школа не должна имѣть права на признаніе ея школой нормальной. Школа прежде всего должна давать грамотность, т.-е. умѣнье читать и писать. Но не довольно того,

чтобы грамотный читалъ, писалъ и понималъ лишь такія вещи, которыя понятны и безграмотному. Мы можемъ и должны стремиться къ тому, чтобы ученики нормальныхъ школъ читали и понимали все написанное хорошимъ литературнымъ языкомъ. Лишь при этомъ условіи грамотность будетъ дѣйствительно прочной и дѣйствительно послужить дальнѣйшему умственному развитію, раскрывая передъ читающимъ всѣ несмѣтныя сокровища всемірной литературы. Давая ученикамъ нашихъ школъ такого рода грамотность, т.-е. пониманіе литературнаго русскаго языка, мы должны, кромѣ того, научить ихъ пользоваться этимъ языкомъ, при изустномъ и письменномъ изложеніи собственныхъ ихъ мыслей. А знакомя учениковъ съ русскимъ языкомъ и упражняясь съ ними въ чтеніи и пониманіи читаемаго, мы вмѣстѣ съ тѣмъ можемъ и должны развивать ихъ мысль и давать имъ общія элементарныя свѣдѣнія по исторіи, географіи и естествознанію. Получившему одно лишь начальное образованіе нельзя, да и незачѣмъ, изучать названія острововъ Полинезіи или число жителей китайскихъ городовъ,—но ему совершенно необходимо знать, какъ устроена солнечная система и какіе есть материки и океаны. Ему нѣтъ надобности знать, при какихъ именно условіяхъ и въ которомъ году англичане побіи французовъ, или французы австрійцевъ,—но ему нельзя не знать о Вавилонѣ и Египтѣ, о грекахъ и римлянахъ, о распространеніи христіанства и магометанства, о папствѣ и

феодалномъ строѣ, объ открытіи Америки и изобрѣтеніи пороха, о книгопечатаніи, о новомъ времени и новыхъ западно-европейскихъ государствахъ. А исторія и географія Россіи должны быть извѣстны всякому въ полномъ ихъ объемѣ, хотя тоже безъ излишнихъ подробностей. И точно также необходимо всякому нѣкоторое знакомство съ явленіями природы, съ жизнью животныхъ и растений, съ человѣческимъ тѣломъ и его отправлениями. И всѣ эти свѣдѣнія, дающія понятія о природѣ, о человѣкѣ, о государствахъ, о цивилизаціи, о ея подлѣмѣ и упадкѣ, и о служеніи цивилизаціи государству и человечеству,—совсѣмъ не трудно и не долго сообщить, если только не терять силъ и времени на вещи ненужныя. И свѣдѣнія эти, настолько же необходимыя для дальнѣйшаго усовершенствованія и развитія, какъ и знаніе литературнаго языка, будутъ такъ же прочны, какъ прочна настоящая грамотность, потому что забывается только то, что излишне, а никакъ не то, что отвѣчаетъ на насущные запросы и сколько-нибудь живо затрагиваетъ мысль. А кромѣ сообщенія извѣстныхъ навыковъ и извѣстныхъ познаній, всякое обученіе, и въ томъ числѣ начальное, должно стремиться еще и къ тому, чтобы вырабатывать въ ученикахъ извѣстное отношеніе къ общему и частному, къ міру и людямъ, къ Богу и ближнему. И этому-то должны способствовать уроки Закона Божія и чтеніе Евангелія.

Ставя передъ собой такую именно задачу, зани-

мались мы въ теченіе всего прошлаго лѣта съ нашей крестьянской молодежью. Я не могу въ точности опредѣлить, до какой степени удалось намъ задачу эту осуществить. Разумѣется, много осталось недодѣланнымъ и неисполненнымъ. Но все же опишу кое-что изъ того, что мы сдѣлали и чего достигали.

Съ самаго начала изъ общаго числа учащихся выдѣлилась группа изъ шести взрослыхъ юношей и двухъ взрослыхъ дѣвушекъ, которыхъ родные пустили учиться лишь подѣ условіемъ, чтобъ они черезъ годъ сдали учительскій экзаменъ. Всѣ ихъ усилія были поэтому направлены на то, чтобы справиться съ мудреными словами и туманными опредѣленіями грамматики Говорова, да по-истинѣ ужасающей славянской грамматикой и мало интересной ариметикой. Мы, конечно, не смѣли сомнѣваться, что премудрость эта необходима для того, чтобы съ достоинствомъ нести званіе учителя, но нельзя было не пожалѣть славныхъ нашихъ большихъ ребятъ, которые занимались ею все время, почти не выходя изъ комнаты и не подымая головы отъ учебника.

Говоровъ былъ подѣ конецъ побѣжденъ, но въ умственномъ отношеніи эта старшая наша группа выиграла меньше, чѣмъ всѣ остальные.

Кромѣ старшихъ, выдѣлялась изъ общей массы еще и младшая группа, состоявшая изъ учениковъ, большею частью не меньше, чѣмъ другіе способныхъ и прилежныхъ, но учившихся въ плохихъ школахъ,

а потому плохо подготовленныхъ. Съ ними по ариметикѣ и русскому языку приходилось проходить все то, что обыкновенно уже пройдено въ старшемъ отдѣленіи нашихъ земскихъ школъ. Съ другими группами можно было идти нѣсколько дальше, а по нѣкоторымъ предметамъ, именно по чтенію, къ концу лѣта уже можно было заниматься со всѣми заразъ, при чемъ особенно были замѣтны успѣхи тѣхъ учениковъ, которые вначалѣ всего менѣе знали. — Первые полтора часа каждаго учебнаго дня мы посвящали ариметикѣ, изъ которой разными группами пройдены были простыя и составныя именованныя числа, квадратныя и кубическія мѣры, исчисленіе процентовъ и дроби, сильно интересовавшія учениковъ. Отъ 10½ до 12-ти ученики ежедневно писали сочиненія, а я тѣмъ временемъ поправляла ихъ съ каждымъ изъ учениковъ отдѣльно. Съ 12 до 1 былъ перерывъ, затѣмъ до 4 часовъ мы занимались легкимъ устнымъ грамматическимъ разборомъ, географіей, естествовѣдѣніемъ и чтеніемъ статей дѣловыхъ и литературныхъ. Затѣмъ снова былъ часовой перерывъ, а послѣ 5 часовъ ученики читали Евангеліе, или же слушали рассказы изъ русской исторіи, а затѣмъ обыкновенно преподаватели читали имъ вслухъ образцовыя произведенія русской литературы. Къ слушателямъ присоединялись тогда и старшіе, въ другихъ урокахъ не участвовавшіе ученики.

Несмотря на утомленіе отъ долгихъ занятій, уче-

ники всякій разъ одушевлялись, слушая чтеніе, а многіе даже перечитывали послѣ уроковъ то, что было прочитано на урокъ. Прежде всего мы прочли «Слово о полку Игоревѣ» въ изложеніи Майкова. Это было для начала трудновато и вызывало интересъ скорѣе всего потому, что было первымъ нашимъ чтеніемъ. Затѣмъ довольно неудачно прочитано было кое-что изъ Державина. Впрочемъ, стихотвореніе «Рѣка время» понравилось, и было нѣкоторыми заучено наизусть. Понравились также и стихотворенія Жуковского: «Лѣсной царь», «Графъ Габсбургскій», «Ночной смотръ» и «Мудрецъ Керимъ». Послѣ того мы приступили къ Пушкину, и начали съ «Дубровскаго». Это былъ первый нашъ значительный успѣхъ. Слушатели были еще мало подготовлены, и въ началѣ чтенія я считала нужнымъ освѣдомляться, все-ли ими понято. Оказалось, что они отлично все понимали. Они подмѣчали всѣ отличительныя черты тогдашнихъ нравовъ и сравнивали ихъ съ настоящими; имъ нравилась независимость стараго Дубровскаго, они горячо сочувствовали его несчастію и горячо негодовали на дикій произволъ Троекурова. Не менѣе «Дубровскаго» заинтересовали нашу молодежь разныя мелкія стихотворенія Пушкина, «Галубъ», «Полтава» и особенно «Борисъ Годуновъ». «Годунова» почти всѣ перечитывали, а многіе старшіе даже переписывали и заучивали наизусть монологъ Бориса и слова Пимена, тогда какъ среди младшихъ особенно много было

оживленія по поводу сценъ въ кортмѣ. Хотѣлось намъ прочесть еще «Капитанскую дочку», но какъ ее, такъ и «Тараса Бульбу» многіе уже читали. Дорожа временемъ, мы поэтому перешли прямо къ Лермонтову и прочли многія лучшія его стихотворенія.

Прочтены были еще «Посадникъ» и большая часть трилогіи графа А. Толстого, а затѣмъ, въ связи съ уроками русской исторіи, которую мы къ тому времени уже кончали, отрывки изъ лучшаго въ мірѣ романа: «Война и миръ». Помню, какъ потрясены были слушатели взятіемъ Смоленска, гибелью тысячъ при Бородинѣ, яростью толпы, убившей Верещагина, пожаромъ Москвы и другими эпизодами этого романа... Много еще прекрасныхъ вещей разныхъ авторовъ собирались мы прочесть; но въ серединѣ лѣта какъ учащіе, такъ и учащіеся были уже нѣсколько утомлены усиленными занятіями, и потому вечернія чтенія на время прекратились. Осенью мнѣ самой читать почти уже не удавалось, но сотрудники мои прочли ученикамъ еще нѣкоторыя повѣсти и драматическія сочиненія Гоголя и былины Авераріуса, имѣвшія не меньшій успѣхъ. Последнее, что читалось, были комедіи Островскаго. «Въ чужомъ пиру похмѣлье» я читала ребятамъ сама, и хорошо помню, какъ сильно заинтересовали слушателей, при чтеніи Островскаго, мастерскія картины умственной тупости, семейнаго деспотизма и рабскаго униженія, наглядно и ярко объяснявшія имъ все страш-

ное значеніе невѣжества и придававшія особую прелесть учебнымъ ихъ занятіямъ и всѣмъ тѣмъ новымъ мыслямъ и чувствамъ, которыя они подъ конецъ занятій радостно сами въ себѣ замѣчали. И при чтеніи Островскаго проявлялось болѣе, чѣмъ во время всѣхъ другихъ нашихъ уроковъ и бесѣдъ, то горячее убѣжденіе въ необходимости и важности образованія, которое укоренилось за это время во всѣхъ почти нашихъ ребятахъ и дѣвушкахъ и представляется мнѣ теперь чуть ли не самымъ цѣннымъ результатомъ всего нашего лѣтняго ученія.

Удовлетворительному пониманію первостепенныхъ литературныхъ произведеній значительно способствовало объяснительное чтеніе въ классѣ хрестоматіи Смирновскаго и «Дѣтскаго міра» Ушинскаго. Мы занимались объяснительнымъ чтеніемъ ежедневно. Каждая статья сперва прочитывалась однимъ изъ учениковъ, затѣмъ объяснялись всѣ непонятныя выраженія, потомъ рассказъ возможно точно передавался на память и, наконецъ, объяснялся общій его смыслъ.

Начали мы въ хрестоматіи Смирновскаго съ отрывковъ изъ «Дѣтскихъ воспоминаній» и «Семейной хроники» Аксакова, и чтеніе этого автора оказалось какъ нельзя болѣе подходящимъ. Художественныя описанія природы и мѣстностей въ произведеніяхъ Аксакова знакомили читателей со множествомъ новыхъ словъ и оборотовъ и создавали въ ихъ воображеніи новыя, живыя представленія,

которыя легко запоминались и передавались. И когда мы, послѣ чтенія Аксакова, перешли къ чтенію болѣе сложныхъ описаній Толстого, Григоровича, Тургенева и другихъ писателей, ученики уже умѣли представлять себѣ цѣлыя картины, съ подробностями и оттѣнками. Разъ мы прочли описаніе Везувія съ вылетающими изъ кратера снопами пламени и мирно свѣтящимися въ Неаполѣ огоньками, съ соннымъ заливомъ моря и шумнымъ, суетливымъ городомъ, и я спросила учениковъ, въ чемъ тутъ заключается главная красота. «Въ противоположности»,—отвѣтилъ одинъ изъ нихъ, и можно себѣ представить, какъ понравился мнѣ этотъ короткій отвѣтъ, доказывавшій полную ясность и живость полученнаго при чтеніи впечатлѣнія. Другой разъ я описала видѣнный мною замѣчательно красивый видъ на Волгѣ, и хотя мой изустный рассказъ не отличался стройностью, ребята вполне его себѣ усвоили и сумѣли изложить его письменно. При чтеніи Аксакова и другихъ образцовыхъ писателей, въ ученикахъ, такимъ образомъ, развивались наблюдательность и сила воображенія.

Подмѣчая подробности и оттѣнки внѣшнихъ явленій, они пріучились также и къ большому вниманію по отношенію къ міру внутреннему. Люди неразвитые, какъ извѣстно, почти не отдають себѣ отчета въ чувствахъ другихъ и даже въ собственныхъ чувствахъ, чѣмъ и объясняются минутныя жестокости людей, по природѣ добродушныхъ, и между

прочимъ дѣтей. Но ребята наши уже читали у Аксакова о самоотверженной любви къ нему его матери и о дѣтскихъ его радостяхъ и горестяхъ, они читали о разумныхъ [хозяйственныхъ] заботахъ дѣдушки Аксакова, о его переселеніи на новыя мѣста, объ общемъ восторгѣ по случаю устройства плотины и мельницы и о добрыхъ отношеніяхъ его къ сосѣдямъ; они, затѣмъ, читали въ «Дѣтствѣ» Толстого объ отцѣего и матери, о Карлѣ Ивановичѣ, о Любочкѣ и Катевкѣ, они прочли у Григоровича о справедливомъ «мірскомъ» человѣкѣ, пахарѣ Анисимычѣ, и объ отдачѣ имъ въ солдаты сына; прочли прелестный разсказъ Тургенева о воробѣѣ, защищавшемъ отъ собаки выпавшаго изъ гнѣзда птенца, и другой, не менѣе прекрасный разсказъ его о смерти убитаго деревомъ подрядчика Максима. И чтеніе всѣхъ этихъ художественныхъ описаній семейнаго быта, характеровъ и отношеній не только живо интересовало и вызывало сочувствіе читателей, но еще пріучало ихъ подмѣчать такого же рода явленія въ собственной ихъ жизни и жизни окружающихъ. Это особенно было замѣтно, когда ребятамъ предлагалось написать что-нибудь изъ области личныхъ ихъ впечатлѣній. Нѣкоторые разсказы ихъ носили при этомъ нѣсколько подражательный характеръ, и одинъ изъ мальчиковъ, описывая какое-то домашнее происшествіе, — назвалъ свою сестру очень нѣжно «сестрицею», чего бы онъ, вѣроятно, не сдѣлалъ, еслибъ не читалъ про маленькую сестри-

цу Аксакова. Однако не мало встрѣчалось въ сочиненіяхъ и самостоятельныхъ наблюденій. Помню, какъ хорошо описали ребята первый свой день ученья, и какъ одинъ изъ нихъ хорошо разсказалъ о бывшемъ въ его деревнѣ пожарѣ, а другой о заболѣваніи матери, отправкѣ ея въ больницу, выздоровленіи и возвращеніи домой. Являлись также попытки описанія событій воображаемыхъ, и одинъ изъ юношей постарше очень хорошо изобразилъ проводы новобранца, а другой мальчикъ написалъ весьма живой разсказъ подъ заглавіемъ: «Какъ украли у насъ сивую лошадь». Поправляя его сочиненіе и заинтересовавшись имъ, я спросила, нашла-ли опять пропавшая лошадь, и тогда лишь узнала отъ юнаго сочинителя, что все происшествіе имъ выдуманно и никакой сивой лошади у нихъ никогда не было. Послѣ сочиненій, гдѣ требовалось только немного наблюдательности или воображенія, ученики и ученицы начали писать сочиненія, для которыхъ нужны были нѣкоторыя познанія и нѣкоторыя способности разсуждать. Въ приобрѣтеніи этихъ познаній и этой способности помогали намъ уроки изъ естествознанія, географіи и исторіи, а особенно и болѣе всего — чтеніе прекрасныхъ статей самаго талантливаго изъ всѣхъ русскихъ педагоговъ, Ушинскаго. Помнится, прежде всего, мы прочли въ «Дѣтскомъ Мірѣ» біографію Пифагора, и ребятъ сильно заняло то, что черезъ 2.000 слишкомъ лѣтъ сохранилась память о

скромномъ мудрецѣ, сдѣлавшемъ первыя открытія въ области географіи. То, что онъ вѣрилъ въ безсмертіе души и въ единое божество, и то, что онъ велъ строгую жизнь, терпѣлъ обиды и умеръ почти отъ голода, но все же имѣлъ силу мыслить и учить, сильно трогало ребятъ и они, мнѣ кажется, вполне поняли автора, когда онъ говоритъ, что Пифагоръ былъ истинно счастливымъ человекомъ, несмотря на бѣдствія и лишенія всякаго рода.

Мы читали также о Коперникѣ, Галилеѣ и Ньютонѣ, и я при этомъ имѣла возможность оцѣнить прекрасный методъ автора, раскрывающаго предъ учащимися тайны міровѣдѣнія въ томъ порядкѣ, въ какомъ открывали ихъ геніальные люди науки.

Особенно много дала юнымъ читателямъ статья о Галилеѣ, гдѣ живо описаны его блестящіе ранніе успѣхи. его поразительныя открытія и трагическая его судьба. Ихъ занимало, между прочимъ, и то, что Галилей при открытіяхъ своихъ дѣлалъ ошибки и кольцо Сатурна принялъ за крылья, но въ особенный восторгъ пришли они, читая, какъ онъ, въ порывѣ любви къ истинѣ, сказалъ: «а все же земля движется!» и былъ за это вторично посаженъ въ темницу.

И рассказъ о гоненіяхъ, которымъ подвергся Галилей, вызвалъ цѣлый потокъ оживленныхъ рѣчей объ инквизиціи и о тупости и нетерпимости книжниковъ и фарисеевъ разныхъ временъ. Черезъ нѣсколько дней, я ради повторенія пройденнаго, спро-

сила учениковъ, почему нехорошъ былъ судъ инквизиціи. «Потому что тамъ людей мучили»,—сказалъ одинъ изъ мальчиковъ.—«Потому что осуждали людей за то, чего они не дѣлали и не думали»,—отвѣтилъ другой.—«Потому что не хорошо судить за вѣру»,—сказала одна изъ дѣвушекъ.—И, признавъ сообща, что такое рѣшеніе вопроса—самое вѣрное, мы вспомнили какъ Христосъ сказалъ ученикамъ, желавшимъ низвести огонь на непринявшихъ его самарянъ, «не знаете, какого вы духа». А затѣмъ, поговоривъ о томъ, что и теперь еще многіе, именующіе себя христіанами, не знаютъ, какого они духа, мы постарались уяснить себѣ, что такое духъ истины, духъ свѣта, духъ Божій,—и что такое духъ жи, т.-е. область темная или «власть тьмы».

Кромѣ статей по географіи, мы прочли изъ «Дѣтскаго Мира» еще нѣкоторые стихотворенія, и въ томъ числѣ «Три пальмы» Лермонтова и «Судъ Божій надъ епископомъ» Жуковскаго. А затѣмъ мы перешли къ чтенію отдѣла подъ названіемъ: «первыя уроки логики». Отдѣлъ этотъ имѣетъ, по моему мнѣнію, первостепенную важность. Читая о различіи и сходствѣ, о сравненіи, о родахъ и видахъ, о предметахъ и понятіяхъ, ученики познакомились съ областью отвлеченной мысли, и внимательное отношеніе ихъ къ разъясненію отвлеченныхъ терминовъ доказывало, что и эта область знанія такъ же нужна имъ, какъ и всѣ остальные. Къ сожалѣнію, мы не успѣли прочесть всей второй части «Дѣтскаго Мира»; но

видя, съ какимъ вообще интересомъ читался Дѣтскій Міръ, и видя какъ запечатлѣлось въ памяти учениковъ все прочтенное ими, я имѣла полную возможность убѣдиться въ громадномъ превосходствѣ книги Ушинскаго передъ всѣми другими принятыми въ настоящее время въ начальной школѣ книгами для класснаго чтенія.

Перейдемъ теперь къ нашимъ занятіямъ русской исторіей. Еще въ началѣ моего учительства, когда я въ своемъ преподаваніи почти не задавалась опредѣленными педагогическими цѣлями, я любила уроки исторіи за тотъ интересъ, то настроеніе и тѣ чувства, которые ими вызывались. Изъ этихъ уроковъ ребята прежде всего узнавали, что, кромѣ ихъ самихъ, ихъ семей и окружающаго, существуетъ громадное цѣлое, существуетъ государство, называемое Россіей. Ребята сильно заинтересовались судьбами этого цѣлаго, т.-е. судьбами народа, къ которому они научились причислять и себя самихъ; и рассказы о важнѣйшихъ моментахъ русской исторіи удивительно сильно брали ихъ за живое. Они и печалились, и радовались, слушая эти рассказы, и съ волненіемъ разбирали поступки и характеры всѣхъ вліявшихъ на судьбы народа историческихъ лицъ.

Мы, конечно, и тогда уже говорили иногда о законахъ и порядкахъ, о нравахъ и обычаяхъ русскихъ, но нашествіе татаръ и Куликовская битва, Мининъ и Пожарскій, Нарва и Полтава, 12-й годъ и Севастополь интересовали насъ въ то время не-

сравненно болѣе. Мы не особенно любили побѣды и завоеванія, но насъ волновали до глубины души тѣ случаи, когда говорилось: «умремъ за русскую землю, за вѣру нашу и братьевъ нашихъ». Мы восхищались народной нашей доблестью и нашимъ презрѣніемъ къ смерти и совсѣмъ почти забывали объ ужасахъ и бѣдствіяхъ, сопровождавшихъ военные наши подвиги. И хотя мы съ самаго начала признавали, что мы во многомъ гораздо хуже европейскихъ нашихъ сосѣдей, ребята постарше и поумнѣе привыкли съ какой-то особенной осторожной нѣжностью и особеннымъ уваженіемъ произносить слова «Россія» или «русская земля». Съ тѣхъ поръ прошло два, три, четыре года, и ребята, выросши и поумнѣвъ, вновь собрались учиться и вновь принялись за исторію. Участвовали въ урокахъ и такіе ученики, которые совсѣмъ еще не проходили исторіи, но большинству анекдотическая ея сторона была уже отчасти извѣстна. Оставалось узнать о другихъ сторонахъ народной жизни, и о томъ, не требуетъ-ли Россія отъ насъ и отъ любви нашей еще чего-нибудь, кромѣ нашей готовности умереть за нее на полѣ сраженія. И внутренній, бытовой строй государства, переменны въ законахъ и нравахъ, ростъ сознанія, мыслители и дѣятели мирнаго времени скоро заинтересовали лучшихъ нашихъ учениковъ еще болѣе, нежели интересовали ихъ прежде переходъ черезъ Балканы и взятіе Плевны. Они узнали и о реформахъ Петра, и о Наказѣ

Екатерины, но главнымъ предметомъ восторга стала крестьянская реформа, а любимыми героями сдѣлались Царь-Освободитель, Черкасскій, Милютинъ, Самаринъ, и всякіе вообще поборники человѣческаго достоинства, гуманности и просвѣщенія. А по мѣрѣ того, какъ ребята лучше и всестороннѣе знакомились съ прошлымъ, ихъ, какъ и слѣдовало ожидать, сильнѣе стало интересовать настоящее, и они захотѣли узнать о всѣхъ теперешнихъ законахъ и порядкахъ, о судѣ и правленіи, и о томъ, что дѣлаютъ земскія собранія, и какія гдѣ есть школы и бібліотеки, и какъ все это устроено въ городахъ, и въ столицахъ, и въ другихъ государствахъ. Чтобы укрѣпить эти новыя ихъ познанія въ памяти ребятъ, я заставляла ихъ писать сочиненія сперва о жизни дикарей и кочевниковъ, потомъ о русскихъ правахъ до татарщины и послѣ нея, и о перемѣнахъ въ нравахъ при Петрѣ и Екатеринѣ, и о положеніи крестьянъ въ разное время. Кромѣ темъ историческихъ, ученикамъ задано было также и нѣсколько темъ по поводу уроковъ географіи и естественной исторіи. Всѣ эти темы подробно разъяснялись во время урока, затѣмъ на черной доскѣ писался планъ сочиненія и, наконецъ, писалось самое сочиненіе. Болѣе интересныя и удачныя сочиненія иногда прочитывались вслухъ передъ цѣлымъ классомъ, и слушатели разбирали и сравнивали ихъ между собой, а писавшіе ихъ приучались относиться къ своимъ произведеніямъ болѣе критически. Такимъ образомъ было, между прочимъ,

прочитано описаніе сельскаго схода, о которомъ я рассказывала ученикамъ и на которомъ постановлено было учрежденіе новой земской школы. Ребята, прослушавъ рассказъ съ большимъ интересомъ, весьма толково описали составъ схода, борьбу партій, переговоры, подсчетъ голосовъ, колебанія, волненія и конечное торжество сторонниковъ школы. Точно также хорошо написали многіе ученики и ученицы передъ самымъ концомъ ученья о томъ, какъ они намѣрены учительствовать. И одинъ 14-лѣтній мальчикъ, несомнѣнно самый даровитый изъ всѣхъ нашихъ учениковъ, закончилъ свое сочиненіе заявленіемъ, что онъ хочетъ учить такъ, чтобы больше стало правды и свѣта на землѣ. Надо думать, что въ 14 лѣтъ такое желаніе еще не можетъ быть особенно сильнымъ и самостоятельнымъ, — но воображеніе писавшаго, очевидно, уже создало себѣ представленіе о прекрасной, еще далекой отъ насъ правдѣ, и представленіе это сильно полюбилось его свѣжей и воспріимчивой молодой душѣ. Подъ конецъ лѣта порядокъ занятій у насъ значительно измѣнился. Кончивъ русскую исторію, ученики повторяли священную исторію и ученіе о богослуженіи, а въ послѣднія двѣ недѣли заняли немало времени пробные уроки, которые давались учениками старшей группы ученикамъ младшей въ присутствіи всѣхъ остальныхъ. Уроки эти вызывали большой интересъ, но особенно удачными быть не могли, такъ какъ молоденькіе учителя и учительницы сильно стѣснялись присутствующихъ.

Помню, какъ робко и чисто формально давала одна изъ дѣвушекъ свой первый урокъ по объяснительному чтенію, и какъ она во второй урокъ оживилась, какъ овладѣла классомъ и какъ много извлекла изъ прочитанной басни, благодаря тому только, что присутствующихъ случилось гораздо меньше обыкновеннаго.

Кончая свое описаніе лѣтняго нашего ученія, хочу еще припомнить, какъ мы съ ребятами читали Евангеліе. По недостатку времени, намъ это довольно рѣдко удавалось, но зато уроки эти были любимыми моими уроками, и почти такъ же любило ихъ большинство учащихся. Когда-то мы по Евангелію учились читать, переводить и рассказывать и знакомились съ первыми живыми примѣрами подвижничества и человеколюбія. Теперь ребятамъ уже хорошо извѣстны всѣ евангельскія повѣствованія; имъ давно уже знакомъ и дорогъ образъ Христа. Но, перечитывая вновь несравненную книгу въ возрастѣ болѣе зрѣломъ, ученики наши находятъ въ ней все новыя и новыя сокровища. Вникая въ содержаніе книги, они впервые вступаютъ въ необъятный міръ идей, и въ нихъ незамѣтно и постепенно загорается огонь духовной жажды, тотъ огонь, который Христосъ пришелъ водворить на землѣ, и не среди избранныхъ только, но во всей массѣ человѣческихъ существъ, томясь желаніемъ, чтобы онъ скорѣе возгорѣлся. Ребята уже понимаютъ, что это за огонь и какое это томленіе. Они понимаютъ, что Богъ есть Духъ исти-

ны, которому и поклоняться можно лишь въ духѣ и истинѣ, они понимаютъ, что Богъ есть любовь и что имѣющій въ себѣ любовь имѣетъ въ себѣ Бога. И въ смутномъ еще сознаніи и предвкусеніи чего-то высшаго и лучшаго,—темный міръ предразсудковъ, невѣжества и лжи уже кажется имъ тѣснымъ, а порядки и обычаи, основанные на корысти и себялюбіи, недостойными, нечеловѣческими, неестественными. Еще слабо и неувѣренно дѣйствуютъ эти идеи въ молодыхъ и наивныхъ головахъ, но онѣ уже проникли въ нихъ, уже живутъ въ нихъ и требуютъ работы мысли, наблюденій и выводовъ. И все это находятъ читатели опять-таки въ Евангеліи; оно даетъ поразительно яркую картину того, какъ новыя идеи проникли въ глухой мірокъ еврейскаго народа и въ всеильномъ своемъ могуществѣ вызвали на бой всю еврейскую узкость ума и сухость сердца, и всю нравственную распушенность, всю безчеловѣчную жестокость, все безжизненное умствованіе дряхлѣющаго языческаго Рима. И радостно сознавая, что теперь христіанская идея духовной свободы и человѣческаго братства уже одержала побѣду въ сознаніи міра, ребята слѣдятъ съ громаднымъ интересомъ за всѣми перипетіями начавшейся 19 вѣковъ тому назадъ исполнской борьбы между свѣтомъ и тьмою. Мнѣ кажется, что инымъ и не можетъ быть впечатлѣніе, производимое на учащихся чтеніемъ Евангелія. Но посѣщавшіе насъ учителя разныхъ школъ нашей губерніи особенно заинтересовывались этими уроками,

и потому я опишу здѣсь одинъ изъ нихъ, сохранившійся случайно въ моей памяти.

Мы читали, какъ-то разъ, одинъ короткій эпизодъ въ Евангеліи отъ Іоанна. Одинъ изъ мальчиковъ, раскрывъ восьмую главу, читаетъ: «Услышавъ слова Іисуса, многіе говорили: Онъ точно пророкъ. Другіе говорили: это Христосъ. А еще другіе говорили: развѣ изъ Галилеи Христосъ придетъ?» И по поводу этихъ немногихъ словъ уже можно было напомнить ученикамъ предписаніе Христа: «не судите по наружности, но судите судомъ праведнымъ», и можно было выяснитъ имъ разницу между людьми поверхностнаго взгляда, предубѣжденія и рутины и людьми, вникающими въ суть вещей и искренно ищущими свѣта. Мы читаемъ затѣмъ: «Такъ произошла о немъ распря въ народѣ». И мы вспоминаемъ слова Христа: «не миръ принесъ Я на землю, но мечъ». Слова о мечѣ въ устахъ Учителя любви всегда вызывали въ ученикахъ нѣкоторое недоумѣніе, но тутъ они легко могутъ понять, что при появленіи истины и при усиленіи правды не могла не усилиться вражда и ненависть темныхъ силъ и не могла не возгорѣться ожесточенная война между ними. «Нѣкоторые изъ нихъ хотѣли схватить Его», читаемъ мы далѣе, «но никто не наложилъ на Него рукъ». «Не посмѣли, постыдились!» говорятъ ребята, радуясь обаятельной силѣ великаго Учителя. И мы разсуждаемъ о томъ, что даже въ самыхъ злыхъ и темныхъ людяхъ есть тайное благоговѣніе передъ добромъ и истиной и

смутное сознаніе своей неправоты, своей душевной нищеты и своего несчастья. «Для чего вы не привели Его?» читаемъ мы далѣе слова фарисеевъ, а затѣмъ читаемъ и отвѣтъ служителей: «Никогда человекъ не говорилъ такъ, какъ этотъ человекъ». И мы понимаемъ, что именно *такое* впечатлѣніе должны были производить на народъ слова Духа и Жизни, обращенныя Человѣкомъ, такъ высоко стоящимъ надъ толпой, къ этому бѣдному и невѣжественному, заброшенному и забытому всѣми сильными и умными міра сего народу. Но фарисеи этого не понимаютъ и, слясь объяснить посторонними причинами дѣйствіе могучей проповѣди Христа, спрашиваютъ слугъ: «Неужели и вы *прельстились*?» И еще: «Увѣровалъ-ли въ Него кто-нибудь изъ начальниковъ или изъ фарисеевъ?» Они, очевидно, не хотятъ допустить, чтобы народъ могъ доискиваться чего-нибудь самостоятельно, помимо начальниковъ и фарисеевъ; имъ даже совершенно неинтересно, какія именно идеи и вѣрованія манятъ къ себѣ эту грубую толпу; въ нихъ умерло все, кромѣ ихъ скептицизма и самомяѣнія, но они еще прикрываются давно отвергнутымъ и нарушеннымъ ими закономъ и, досадуя на свой пошатнувшійся авторитетъ, восклицаютъ: «Этотъ народъ, невѣжда въ законѣ,—проклятъ онъ!» И ребята наши горячо возмущаются пренебреженіемъ этихъ безжизненныхъ людей къ тому народу, за который принялъ муки и смерть Свѣтъ міра, Христосъ. «Развѣ виноватъ народъ, что не знаетъ закона?» го-

ворить одинъ ученикъ. «Имъ бы выучить людей, а не проклинать!» говоритъ другой. «Да чему имъ выучить? Они и сами-то настоящаго закона, чай, не знали!» добавляетъ третій. И мы читаемъ дальше, какъ Никодимъ, приходившій ко Христу ночью, говорилъ фарисеямъ: «Судить-ли законъ нашъ чело-вѣка, если прежде не выслушаютъ его и не узнаютъ, что онъ дѣлаетъ?» Мы узнаемъ тутъ, что фарисеи, очевидно, предпочитаютъ судить людей *не* выслушивая ихъ и *не* зная, что они дѣлаютъ. И вмѣстѣ съ тѣмъ мы знакомимся въ лицѣ Никодима съ новымъ типомъ и новымъ факторомъ борьбы. Вотъ онъ, благонамѣренный, но слабый, колеблющійся чело-вѣкъ, ищущій того, на что имѣетъ полное право, со страхомъ, тайно, ночью, какъ будто совершая преступленіе! Какъ живо представляютъ его себѣ ребята, какъ жаль имъ его, боящагося, какъ бы не отлучили его отъ синагоги! Какъ хочется имъ, чтобы онъ окрѣпъ и осмѣлился и сдѣлался искреннимъ, сильнымъ, свободнымъ чело-вѣкомъ! Они знаютъ, что время это придетъ, — придетъ тогда, когда всѣ покинутъ великаго Учителя и синадріонъ какъ будто восторжествуетъ, и когда Никодимъ найдетъ въ себѣ смѣлость пойти къ Пилату и попросить у него тѣло Іисуса. Но, дочитывая нашу главу, мы встрѣчаемъ еще только нерѣшительнаго и малодушнаго Никодима. Онъ не смѣетъ говорить о своемъ убѣжденіи, не смѣетъ открыто преклониться передъ своимъ идеаломъ; онъ опирается лишь на еврейскій законъ и пы-

тается, какъ будто, выиграть время. Фарисеи отлично угадываютъ тайную его мысль и насмѣшливо отвѣчаютъ: «И ты не изъ Галилеи-ли?» А затѣмъ всѣ, соскучившись, вѣроятно, расходятся по домамъ. И мы кончаемъ свой урокъ.

Скажу теперь нѣсколько словъ о томъ, какъ вели себя ребята въ теченіе пяти мѣсяцевъ лѣтняго нашего ученія. Представляя себѣ это множество крестьянскихъ дѣтей, подростковъ и взрослыхъ юношей и дѣвушекъ, сообща учащихся въ тѣсныхъ классныхъ комнатахъ и кое-какъ помѣстившихся въ томъ же школьномъ зданіи, мы невольно ожидаемъ всяческихъ затрудненій, недоразумѣній, споровъ, шалостей и проступковъ со стороны этой пришедшей изъ деревень разнообразной молодежи. Но вліяла-ли тутъ пройденная уже раньше школа, а отчасти и учительство, или вліяли самыя наши занятія, но ученики и ученицы наши вели себя настолько хорошо, что почти не приходилось дѣлать имъ замѣчаній. Дѣвушки держали себя нѣсколько отдѣльно и очень скромно, а ребята очень вѣжливо обращались съ ними и даже говорили имъ «вы». Ребята дружились между собою, рассказывали другъ другу о своихъ домашнихъ дѣлахъ и своемъ ученіи въ разныхъ школахъ и читали вдвоемъ и втроемъ любимыя свои книжки, при чемъ ихъ уже не удовлетворяли написанные специально для народа маленькіе рассказы и повѣсти, но хотѣлось книжекъ «настоящихъ», съ болѣе серьез-

нымъ содержаніемъ или болѣе художественной формой. Въ срединѣ лѣта интересъ къ ученію нѣсколько ослабъ. Жаркіе іюльскіе дни дали себя знать; многихъ вытребовали домой на жнитво, а остальные совершили пѣшеходную экскурсію въ находящуюся воста верстахъ отъ насъ Саровскую пустынь.

Затѣмъ опять собрались учащіеся, опять начались усиленные занятія и ревнстное учебное одушевленіе въ теченіе цѣлаго дня, и снова вечеромъ раздавалось дружное и звонкое пѣніе, и слышался говоръ и смѣхъ у крыльца, и на лодкѣ, и по дорогѣ, и въ саду, и въ березовой рошѣ возлѣ нашей усадьбы. Ученье продолжалось до начала октября, а затѣмъ учащіеся стали расходиться. Большею частью они принялись учительствовать въ различныхъ школахъ грамотности; но 20 человѣкъ отказались отъ поступленія на мѣсто и вернулись въ Яблонку, чтобы продолжать учиться. Съ ними занимается теперь одна изъ лѣтнихъ моихъ сотрудницъ, тоже рѣшившаяся остаться въ Яблонкѣ.

Мирный ходъ нашихъ лѣтнихъ занятій былъ, впрочемъ, нарушенъ однимъ инцидентомъ, въ сущности незначительнымъ, но который чуть не повлекъ за собою самыя прискорбныя и возмутительныя послѣдствія. Флигель, въ которомъ мы занимались, помѣщается въ яблочномъ саду, отданномъ въ аренду съемщикамъ. Одна дверь флигеля выходитъ на улицу, другая въ садъ. Ребята верѣдко прогуливались по саду, и случилось, что двое юно-

шей, 17-ти и 18-ти лѣтъ, соблазнились и сорвали себѣ по два яблока. Это увидѣлъ съемщикъ — большой охотникъ судиться и получать вознагражденія за «убытки». Онъ пожаловался въ волостной судъ, но затѣмъ согласился взять свою жалобу обратно, получивъ съ обвиненныхъ 5 руб. Дѣло казалось поконченнымъ. Но вскорѣ наши ребята получили повѣстку, по которой оказалось, что 23 августа ихъ вновь вызываютъ въ судъ по тому же дѣлу, обвиняя ихъ уже не по 146 ст., допускающей примиреніе, а по 169 ст., о кражѣ. Я имѣла основаніе не ждать ничего хорошаго отъ этого суда, и дѣйствительно, волостной судъ приговорилъ ребятъ за четыре сорванныхъ ими яблока къ наказанію розгами. Не стоитъ говорить о томъ, какое негодованіе охватывало меня при одной мысли объ этомъ бессмысленномъ и безчеловѣчномъ приговорѣ, на постановленіе котораго имѣлись совершенно спеціальныя и крайне неблагоприятныя причины, ни мало не касавшіяся самихъ несчастныхъ осужденныхъ. Не стану распространяться и о томъ, какія муки униженія въ настоящемъ и страха за будущее переносили наши ребята, изъ которыхъ одинъ, отличаясь натурой особенно нервной, гордой и стыдливой, мѣнялся въ лицѣ всякій разъ, когда при немъ произносили слова: судъ, приговоръ, наказаніе и т. под. Скажу, лишь, что весь этотъ случай произвелъ въ средѣ учащихся страшное волненіе, большое сочувствіе къ осужденнымъ и сильнѣйшее неудовольствіе противъ

лица, въ которомъ они видѣли тайнаго виновника происшедшаго. Къ счастью, на приговоръ волостного суда можно было пожаловаться въ сѣздъ, а изъ сѣзда дѣло перешло въ губернское присутствіе, которое наконецъ и отмѣнило приговоръ. И послѣ цѣлыхъ трехъ мѣсяцевъ всяческихъ волненій мы опять вздохнули свободно.—Многія земскія собранія ходатайствуютъ теперь передъ правительствомъ объ отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія,—если не для всѣхъ, то хотя бы для кончившихъ курсъ начальной школы. И вспоминая все пережитое нами и ясно представляя себѣ нравственный міръ нашихъ ребятъ и тысячъ подобныхъ имъ крестьянъ, я совершенно увѣрена, что тѣлесное наказаніе въ нашемъ законодательствѣ долго сохраниться не можетъ.

Подвергавшіе критикѣ лѣтнее наше ученіе говорили, что нельзя учить въ такомъ плохомъ помѣщеніи и съ такими плохими столами и скамейками, какими мы поневолѣ довольствовались, и что нельзя принимать учениковъ настолько различныхъ по познаніямъ и развитію, и нельзя морить ихъ за ученіемъ съ утра до вечера.

Я не вижу, какъ бы мы могли во-время избѣгнуть всѣхъ этихъ неудобствъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ я вполне сознаю, что устраненіе ихъ въ будущемъ крайне желательно. Насъ упрекали еще въ снѣжномъ и безпорядочномъ веденіи дѣла, и это обвиненіе тоже вполне справедливо; хотя опять-таки трудно было бы вести дѣло иначе. Въ будущемъ

мы, впрочемъ, обѣщаемъ исправиться. И какъ бы то ни было, первый нашъ опытъ лѣтнихъ занятій съ окончившими курсъ начальной школы учениками я считаю удачнымъ, такъ какъ вполне увѣрена, что наша молодежь не мало вынесла хорошаго изъ этихъ пяти мѣсяцевъ усерднаго ученія.

Поэтому я желала бы возобновить такого рода занятія будущимъ лѣтомъ, и не въ одной только Яблонкѣ, но и въ нѣкоторыхъ еще сосѣднихъ пунктахъ. Кромѣ того и еще болѣе того я желаю и надѣюсь открыть правильно организованное частное учебное заведеніе, которое имѣло бы опредѣленный 4-лѣтній курсъ и въ которомъ могли бы учиться бесплатно и при готовомъ содержаніи лучшіе ученики начальныхъ школъ. Меня укрѣпляетъ въ этомъ намѣреніи одно уже желаніе учиться въ тѣхъ, кого мы желаемъ учить, а кромѣ того—твердая моя увѣренность, что всякій проучившійся нѣсколько лишнихъ лѣтъ крестьянинъ будетъ во всѣхъ отношеніяхъ и во всѣхъ положеніяхъ полезенъ, такъ какъ онъ непременно внесетъ извѣстный излишекъ знанія и свѣта въ темную и бѣдную свою среду.

Выписка изъ журнальнаго опредѣленія Нижегородскаго Епархіальнаго Училищнаго Совѣта при Братствѣ св. Георгія отъ 18 мая 1895 года за № 18, утвержденаго Его Преосвященствомъ, Преосвященнѣйшимъ Владиміромъ, Епископомъ Нижегородскимъ и Арзамасскимъ *).

Изъ докладовъ Княгининскаго, Сергачскаго и Арзамасскаго Отдѣленій, изъ отношеній о.о. Наблюдателей Остроумова, Троицкаго, Никольскаго, священника Малицкаго и изъ ревизорскихъ отчетовъ о.о. Архимандритовъ Макарія и Евѣмїя видно, что г-жа Штевенъ не оправдала довѣрія, возложеннаго на нее духовнымъ начальствомъ по организаціи церковныхъ школъ епархіи въ духѣ Православной церкви; напротивъ, повсемѣстно, куда только проникала она въ качествѣ учредительницы названныхъ школъ, усмотрѣно и на дѣлѣ провѣрено, что: 1) г-жа Штевенъ при открытіи школъ грамоты не руководствовалась Высочайше утвержденными на сей предметъ правилами, а дѣйствовала большею частію самопроизвольно и вопреки онымъ правиламъ: такъ, безъ

*) Напечатано въ видѣ приложенія къ № 11-му «Нижегородскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей» 1895 г.

вѣдома мѣстныхъ священниковъ открывала въ ихъ приходахъ школы грамоты и даже по открытіи оныхъ не поставляла ихъ о томъ въ извѣстность; въ открытыя школы присылала совершенно неизвѣстныхъ имъ учителей, которые начинали свои учебныя дѣйствія, не подвергая себя, согласно правиламъ о школахъ грамоты, предварительному испытанію приходскихъ священниковъ и не заручась отъ нихъ письменнымъ на право учительства разрѣшеніемъ; 2) г-жа Штевенъ, не сносясь съ приходскими священниками при назначеніи учителей въ школы грамоты, и сама не обращала вниманія на ихъ религіозно-нравственное направленіе и политическую ихъ благонадежность; такъ, въ текущемъ учебномъ году четверо изъ назначенныхъ ею, безъ вѣдома приходскихъ священниковъ, учителей въ школы грамоты оказались по своей религіозно-нравственной неблагонадежности несоотвѣтствующими своему назначенію, за что и были уволены отъ занимаемыхъ ими должностей, а одна учительница, тѣмъ же незаконнымъ образомъ въ школѣ водворенная, уволена была даже по политической неблагонадежности; 3) г-жа Штевенъ не руководилась, какъ того требуютъ Высочайше утвержденныя правила о школахъ грамоты, и указаніями Училищнаго при Св. Синода Совѣтъ при снабженіи церковныхъ школъ учебниками, а равно и книгами для внѣкласснаго чтенія, книги Льва Толстого и Баранова предпочитала книгамъ Радонежскаго и Попова, хотя и имѣла полную возможность, при

существованіи у ней книжнаго склада учебниковъ Синодальнаго изданія, снабжать школы лишь только одобренными Училищнымъ Совѣтомъ при Св. Синодѣ учебниками. Для внѣкласснаго же чтенія учениковъ и въ цѣляхъ просвѣщенія простого народа г-жа Штевенъ снабжала учениковъ и учителей школъ грамоты вмѣстѣ съ одобренными книгами брошюрами Льва Толстого, частію запрещенными, а частію не одобренными и не рекомендованными Учебнымъ Комитетомъ при Св. Синодѣ; 4) г-жа Штевенъ безъ разрѣшенія епархіальнаго и гражданскаго начальства имѣла у себя въ усадьбѣ въ лѣтніе каникулы педагогическіе курсы для подготовки учителей въ школы грамоты, поручая вести эту подготовку лицамъ, совершенно неизвѣстнымъ по религіозно-нравственнымъ и политическимъ ихъ убѣжденіямъ ни Епархіальному Совѣту, ни Арзамаскому Отдѣленію, въ районѣ котораго находится усадьба г-жи Штевенъ,—какъ, напримѣръ, учитель земской школы М—гъ съ университетскимъ образованіемъ, М. С. З—ва (григоріанка съ Кавказа), удаленная нынѣ отъ учительства по политической неблагонадежности г. Д—ва, учитель земледѣльческой Обуховской школы, наградившій г-жу Штевенъ учителями—бывшими своими питомцами, которые оказались снабженными имъ сочиненіями Толстого и нынѣ отставлены отъ школъ по религіозно-нравственной ихъ неблагонадежности, и другіе,—между тѣмъ какъ приходскій священникъ почему-то

былъ устраненъ г-жею Штевенъ отъ всякаго участія въ этой учительской подготовкѣ и даже не былъ приглашенъ ею ни на одинъ урокъ въ теченіи всего лѣта, пока продолжались означенные курсы; 5) г-жа Штевенъ, избѣгая всякихъ сношеній съ приходскими священниками по школьному дѣлу и всѣми мѣрами стараясь отстранить ихъ отъ вліянія на школы, иногда даже путемъ настоящаго насилія надъ ними, какъ то было въ селѣ Шадринѣ, поручала надзоръ и наблюденіе за открытыми ею школами, а равно и руководство малоспособныхъ учителей, постороннимъ для школъ грамоты лицамъ, какъ, напримѣръ, г. М—гу, З—вой и другимъ преподавателямъ земскихъ школъ, прямо вопреки Высочайше утвержденнымъ правиламъ о школахъ грамоты; 6) г-жа Штевенъ, прикрываясь званіемъ учредительницы школъ грамоты, задалась цѣлію обратить учрежденныя ею церковныя школы въ земскія, о чемъ она даже публично заявила на Арзамасскомъ уѣздномъ земскомъ собраніи въ присутствіи депутата съ духовной стороны, а два, три мѣсяца спустя тоже самое подтвердила и въ печати на страницахъ «Вѣстника Европы». Чтобы достигнуть этой цѣли, она являлась на сельскіе сходы въ села: Рождественское, Васильевъ Врагъ, Кичандзино и другія, гдѣ говорила рѣчи о превосходствѣ земской школы предъ церковной, предлагала денежныя пособія отъ себя и отъ земствъ, если только крестьяне согласятся дать приговоръ на учрежденіе въ ихъ селахъ земскихъ школъ

взамѣнъ или существующихъ въ тѣхъ селеніяхъ школъ грамоты, или же только предполагаемыхъ тамъ къ открытію. Такимъ образомъ, г-жа Штевенъ явилась не поборницей церковной школы, каковой себя выдавала она предъ духовными властями на первыхъ порахъ, а напротивъ, агитаторомъ противъ нея. Въ виду всего изложеннаго Епархіальный Училищный Совѣтъ постановилъ: 1) Воспретить г-жѣ Штевенъ всякую дѣятельность по открытію и организаціи школъ грамоты въ Нижегородской епархіи, освободивъ ее отъ званія попечительницы тѣхъ школъ, при которыхъ она до сихъ поръ въ этомъ званіи состояла, о чемъ немедленно поставить въ извѣстность Уѣздныя Отдѣленія Епархіальнаго Училищнаго Совѣта, о.о. наблюдателей церковныхъ школъ и настоятелей приходовъ съ предупрежденіемъ относительно того, чтобы а) на будущее время они отнюдь не входили ни въ какіе переговоры съ г-жею Штевенъ по дѣламъ церковныхъ школъ; б) въ случаѣ ея дальнѣйшихъ самовольныхъ дѣйствій въ означенномъ направленіи по тѣмъ или другимъ селеніямъ, немедленно доносили бы о томъ мѣстнымъ законнымъ властямъ и рапортовали бы Епархіальному Училищному Совѣту. 2) Дѣйствія о. архимандрита Евѣмія по отношенію къ увольненію учителей школъ грамоты: Протопоповской—д. Левашевки, Васильскаго уѣзда, крестьянскаго сына Василя Бычкова, Вечкусовской—с. Яза, Лукояновскаго уѣзда, крестьянскаго сына Еремѣя Пыжикова, Языковской—

с. Ломакина, Семеновскаго уѣзда, крестьянскаго сына Степана Зыкова, признать правильными и впредь означенныхъ лицъ къ учительству въ церковныхъ школахъ не допускать, о чемъ и сообщить къ свѣдѣнію Отдѣленій. 3) Циркулярно предписать духовенству епархіи, чтобы оно въ дѣлѣ учрежденія школъ грамоты и завѣдыванія ими строго руководствовалось Высочайше утвержденными правилами о школахъ грамоты. 4) Предложить Отдѣленіямъ Арзамасскому, Лукояновскому, Сергачскому и Княгининскому принять мѣры къ поддержанію учрежденныхъ г-жею Штевенъ школъ грамоты, собрать для этого подробныя свѣдѣнія: а) какую помощь учрежденнымъ г-жею Штевенъ школамъ грамоты оказывало мѣстное населеніе прежде и что можетъ оное дать въ настоящее время; б) въ какомъ размѣрѣ можетъ оказать помощь къ поддержанію означенныхъ школъ грамоты мѣстное Отдѣленіе и в) какая помощь для этого потребуется отъ Училищнаго Совѣта.

(Подлинное подписали:) Предсѣдатель Совѣта Алексій, Епископъ Балахнинскій, и. д. секретаря священникъ Порфирій Лебедевъ.

ПИСЬМО ВЪ РЕДАКЦІЮ *).

Уже давно давали себя знать неудобства настоящаго положенія школъ грамотности съ ихъ полнымъ подчиненіемъ мѣстному духовенству, ихъ оторванностью отъ правильно организованныхъ земскихъ школъ и ограниченнымъ числомъ допускаемыхъ въ нихъ учебниковъ. Неудобства эти и желательность законодательныхъ мѣръ, въ силу которыхъ бы земству дозволено было открывать школы грамотности въ вѣдѣніи того же Училищнаго Совѣта, который завѣдываетъ земскими школами, и въ возможно тѣсной связи съ этими послѣдними,—были мною изложены въ статьѣ, появившейся въ мартовской книжкѣ «Вѣстника Европы» за 1895 г. Однако, не смотря на эти неудобства и всяческія затрудненія, школы грамотности продолжали размножаться и въ началѣ прошлаго учебнаго года мнѣ удалось открыть болѣе 20 новыхъ школъ этого типа. Но опредѣленіемъ своимъ отъ 18 мая 1895 г. Нижегородскій Епархіальный Училищный Совѣтъ при Братствѣ св. Георгія постановилъ воспретить мнѣ «всякую дѣятельность по открытію и организаціи—школъ грамотности въ Нижегородской епархіи», освободивъ меня отъ званія попечительницы тѣхъ школъ, при которыхъ я въ

*) Напечатано въ № 205 «Русскихъ Вѣдомостей» за 1895 г.

этомъ званіи состояла, и воспретивъ Уѣзднымъ Отдѣленіямъ, наблюдателямъ и настоятелямъ приходовъ входить въ переговоры со мной «по дѣламъ церковныхъ школъ».

Моя дѣятельность по учрежденію школъ грамотности и наблюденію за ними началась болѣе пяти лѣтъ тому назадъ и съ самаго начала хорошо была извѣстна наблюдателямъ и членамъ Отдѣленій и Совѣта. Еще въ 1892 году Арзамасское Отдѣленіе нашло возможнымъ поддержать меня въ столкновеніяхъ съ священниками с. Ново-Покровскаго о. Безводинскимъ и с. Шадрина о. Виноградовымъ; послѣ того, въ январѣ 1894 г. состоялось мое избраніе въ почетные члены Братства Св. Георгія, а въ маѣ того же года, я, по представленію Еп. Уч. Совѣта, награждена была Библіей за рвеніе въ «наставленіи дѣтей въ вѣрѣ и благочестіи по ученію Св. Православной Церкви». Въ маѣ же 1895 г. Совѣтъ нашелъ, что я «не оправдала довѣрія», возложеннаго на меня «духовнымъ начальствомъ».

Довѣріе было мнѣ оказано не однимъ только «духовнымъ начальствомъ», но и другими учрежденіями и лицами, передъ которыми я и чувствую себя до извѣстной степени отвѣтственной. Я поэтому считаю долгомъ высказать здѣсь свои возраженія на обвиненія, на которыхъ Еп. Уч. Совѣтъ основываетъ сдѣланное имъ постановленіе и которыя изложены по пунктамъ въ брошюркѣ, напечатанной и разосланной по всей Нижегородской губерніи въ

видѣ приложенія къ № 11 «Нижегородскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей».

Подъ пунктомъ 1 этихъ обвиненій говорится что я открывала школы «самовольно», вопреки существующимъ правиламъ. Всѣмъ извѣстно, что школы грамоты съ учителями изъ крестьянъ, солдатъ, мастеровыхъ и келейницъ постоянно открывались и открываются безъ чьего бы то ни было разрѣшенія, и изъ открытыхъ мною за послѣднія пять лѣтъ 50 слишкомъ школъ о двухъ или трехъ мною дѣйствительно никому заявлено не было. Одна изъ этихъ школъ по недостатку учениковъ скорѣе закрылась; другая, въ деревнѣ Крапивкѣ (Арзамасскаго уѣзда), существуетъ до сихъ поръ, и ее не разъ посѣщали наблюдатели и другія духовныя лица. О нѣкоторыхъ другихъ школахъ я поправу лица, не принадлежащаго къ приходу, заявляла прямо Отдѣленію, и Арзамасское Отдѣленіе признавало школы открытыми, хотя бы мѣстные священники и противились этому, какъ то было, на примѣръ, въ с. Шадринѣ и въ приходѣ с. Ново-Покровскаго. Въ большинствѣ же случаевъ я открывала школы, заручившись согласіемъ мѣстныхъ священниковъ и предоставивъ имъ подачу заявленій. Если же заявленія подано не было, въ этомъ, разумѣется, виновата не я.

Подъ п. 2 говорится, что я не слѣдила за направленіемъ опредѣляемыхъ мною учителей и что вслѣдствіе этого четверо изъ нихъ, назначенные, будто бы, безъ вѣдома мѣстныхъ священниковъ, уволены были по религіозно-нравственной неблагонадежности,

а одна учительница даже по политической неблагонадежности. Это обвиненіе объясняется развѣ только невѣрностью свѣдѣній, получаемыхъ Еп. Уч. Совѣтомъ. Всѣ уволенные незадолго до конца учебнаго года учителя учили всю зиму съ вѣдома и согласія мѣстныхъ священниковъ, и причина ихъ увольненія является для меня загадкой. Учившаго въ с. Протопоповкѣ (Арзам. уѣз.) Бычкова я лично представила священнику передъ началомъ занятій, при чемъ никакихъ возраженій онъ мнѣ не сдѣлалъ. Учитель с. Вечкусова-Пыжиковъ постоянно бывалъ у мѣстнаго священника и состоялъ съ нимъ въ дружескихъ отношеніяхъ. Учитель с. Языкова, Зыковъ, началъ учить въ то время, когда мѣсто священника не было занято; когда же пріѣхалъ новый священникъ, я сама была у него и гворила съ нимъ о школѣ и объ учителѣ, при чемъ тоже никакихъ возраженій отъ него не слыхала. А въ с. Рождественѣ священникъ при мнѣ былъ въ школѣ вмѣстѣ съ учительницей Д—вой, якобы тоже «незаконнымъ образомъ водворенной»; онъ часто принималъ ее у себя и постоянно участвовалъ въ преподаваніи. Еп. Уч. Совѣтъ имѣетъ, конечно, полнѣйшее право увольнять по своему усмотрѣнію учителей и учительницъ подвѣдомственныхъ ему школъ, но, если я не ошибаюсь, не ему предоставлено право опредѣлять «политическую неблагонадежность» того или другого лица, и можно только удивляться, что Совѣтъ на основаніи какого-то темнаго доноса нашелъ возможнымъ взвести столь тяжкое и опасное обвиненіе на беззащит-

ную молодую дѣвушку, заслужившую сочувствіе и уваженіе мѣстныхъ крестьянъ, между прочимъ, и особеннымъ своимъ усердіемъ къ церкви...

Подъ п. 3 мнѣ ставится въ укоръ то, что я предпочитала учебники Толстого и Баранова учебникамъ Радонежскаго и Попова. Дѣйствительно, считая эти послѣдніе учебники крайне неудовлетворительными, я наряду съ ними снабжала открытыя мною школы нѣкоторыми другими учебниками. Учебники эти одобрены Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія, и трудно предположить, чтобы въ нихъ могло заключаться что-нибудь вредное. Само духовное вѣдомство, вѣроятно, еще недавно раздѣляло такой на нихъ взглядъ, такъ какъ учебники эти употребляются не только въ земскихъ, но и во многихъ церковно-приходскихъ школахъ, какъ, напримѣръ въ Московской губерніи, гдѣ церковнымъ школамъ поневолѣ приходится конкурировать съ многочисленными земскими школами. Объ употребленіи этихъ книгъ упоминается, между прочимъ, въ напечатанной въ Синодальной типографіи брошюрѣ о Дровнинской церковно-приходской школѣ, и тамъ же говорится, что ученики читаютъ въ классѣ изданія «Посредника», «Общества распространенія полезныхъ книгъ» и другія. Эти же изданія разсылались мною во многія школы грамоты; о томъ же, что изъ числа книгъ, пропущенныхъ цензурою и высылаемыхъ мнѣ на комиссію Нижегородскимъ Обществомъ распространенія начальнаго образованія, нѣкоторыя одобрены, а другія не одобрены или даже запрещены

Учебнымъ Комитетомъ при Св. Синодѣ, мнѣ рѣшительно ничего неизвѣстно, и я могу только пожалѣть о томъ, что ни наблюдатели, ни Отдѣленія, ни Епархіальный Училищный Совѣтъ не сочли нужнымъ увѣдомить меня объ этомъ заблаговременно, при первомъ представившемся отдѣльномъ случаѣ.

Подъ п. 4 мнѣ ставятся въ вину тѣ лѣтнія занятія, которыя, какъ всѣмъ извѣстно, заведены у меня уже десятый годъ, и о которыхъ упоминается, между прочимъ, въ напечатанной *по распоряженію Оберъ-Прокурора Св. Синода* моей брошюркѣ, подъ заглавіемъ «Исторія одной школы». Я занималась въ свободное время со старшими своими учениками по праву домашняго преподаванія, и, разумѣется, не видѣла надобности въ испрашиваніи особаго на то разрѣшенія. Я не считала себя обязанной приглашать на уроки мѣстнаго священника, котораго хорошимъ преподавателемъ не считаю, но за послѣднее время мнѣ дѣйствительно помогали, по личному моему выбору, лица, также какъ и я, пользующіяся правомъ домашняго или частнаго преподаванія, и я, конечно, не думала, что одной изъ моихъ сотрудницъ будетъ поставлено въ укоръ то, что она «Григоріанка съ Кавказа», а готовившему нѣсколькихъ учениковъ къ учительскому экзамену г. М—гу—то, что онъ «университетскаго образованія»... Епархіальный Училищный Совѣтъ причисляетъ г. М—га къ лицамъ, «совершенно неизвѣстнымъ по религіозно-правственнымъ и политическимъ ихъ убѣжденіямъ», между тѣмъ какъ онъ состоитъ учителемъ Костянской

земской школы и о немъ, слѣдовательно, собраны были всѣ необходимыя справки. Наконецъ, въ числѣ моихъ сотрудниковъ Епархіальный Училищный Совѣтъ называетъ лицъ, никогда участія въ лѣтнихъ занятіяхъ не принимавшихъ, а именно—г-жу Д—ву и учителя Обуховской земледѣльческой школы, которые оба пробыли въ моей Яблонской усадьбѣ всего по нѣскольку дней.

Несмотря на изложенное подъ пунктомъ 5 обвиненіе, я смѣло могу утверждать, что никогда не «избѣгала сношеній съ священниками» и не старалась «устранить ихъ отъ вліянія на школы». Въ большинствѣ случаевъ священники не проявляли ни малѣйшаго желанія оказывать вліяніе на открываемыя мною въ ихъ приходахъ школы и почти никогда въ эти школы не заглядывали; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ они бывали въ школахъ изрѣдка, и только въ очень немногихъ, какъ, напримѣръ, въ деревняхъ Поляны и Селищи, Княгининскаго уѣзда; въ деревнѣ Лукояновкѣ, Сергачскаго уѣзда, и нѣкоторыхъ другихъ, священники посѣщали учрежденныя мною школы регулярно. Тамъ, гдѣ не было никакой возможности разсчитывать на помощь священника, я одно время поручала надзоръ за школами сосѣднимъ учителямъ и другимъ заслуживающимъ довѣріе лицамъ, но притомъ я никогда ни одному священнику въ посѣщеніи школы не препятствовала.

Въ с. Шадринѣ я въ 1892 г. предложила священнику Виноградову открыть у него въ приходѣ школу. Онъ сначала согласился, а затѣмъ, послѣ

разныхъ проволокъ, отказался совѣмъ отъ участія въ этомъ дѣлѣ. Такъ какъ крестьяне настойчиво просили меня устроить имъ школу, я рѣшила обратиться за содѣйствіемъ въ Отдѣленіе, подала заявленіе и открыла школу. Но священникъ сперва прислалъ мнѣ до сихъ поръ у меня хранящуюся крайне дерзкую бумагу, а затѣмъ, явившись въ нанятое мною для школы помѣщеніе, держалъ себя до такой степени грубо, что я вынуждена была потребовать, чтобы онъ удалился. Инцидентъ этотъ тогда же сталъ извѣстенъ предсѣдателю и членамъ Арзамасскаго Отдѣленія, которое и разрѣшило мнѣ открытіе школы, несмотря на несогласіе священника. Я, конечно, не ожидала, что три года спустя тотъ же самый инцидентъ будетъ мнѣ поставленъ въ вину.

Наконецъ, подъ пунктомъ 6 взведенныхъ на меня обвиненій говорится, что, «прикрываясь званіемъ учредительницы школъ грамоты» (какъ будто бы существуетъ такого рода званіе съ какими-то особыми обязательствами), я задалась цѣлью обратить учрежденныя мною школы грамоты въ земскія школы и «даже» (?) заявила объ этомъ публично, сперва на Арзамасскомъ уѣздномъ земскомъ собраніи «въ присутствіи депутата съ духовной стороны», а затѣмъ и на страницахъ «Вѣстника Европы»... Далѣе сказано, что я осмѣлилась говорить о превосходствѣ земской школы передъ школою «церковной» на сельскихъ сходахъ, и что я, такимъ образомъ, оказалась не «поборницей церковной школы», а «агитаторомъ противъ нея». Въ отвѣтъ на это, я

могу сказать лишь одно то, что я никогда рѣшительно не была и не прикидывалась «поборницей церковной школы». Я старалась открывать школы грамоты, когда не видѣла возможности открывать школы болѣе благоустроенныя. Когда же мнѣ представлялся случай содѣйствовать открытію правильно организованныхъ земскихъ школъ, я этимъ всегда и неизмѣнно пользовалась. А послѣднее постановленіе Епархіальнаго Училищнаго Совѣта по отношенію къ моей многолѣтней и ни въ чемъ существенномъ за все это время не измѣнившей школьной дѣятельности, разумѣется, еще болѣе убѣждаетъ меня въ правильности моихъ взглядовъ на преимущества положенія школъ, подвѣдомственныхъ Министерству Народнаго Просвѣщенія, передъ положеніемъ школъ духовнаго вѣдомства.

Мнѣ остается еще отъ глубины души поблагодарить за оказанное мнѣ довѣріе всѣхъ, такъ или иначе поддержавшихъ дорогое мнѣ дѣло. Несмотря на внезапное и насильственное прекращеніе начатаго, пять лѣтъ тому назадъ, съ открытіемъ первой школы грамоты, дѣла можно смѣло и радостно надѣяться, что потраченные на эти школы средства, время и трудъ не пропадутъ даромъ. и что каждый день ученья, и каждая прочитанная учениками хорошая книжка, и каждая запавшая въ молодыя души добрая мысль, — и усиленіе интереса въ школѣ среди населенія и тысяча слишкомъ грамотныхъ, вышедшихъ изъ 40 открывшихся за это время скромныхъ школокъ, принесутъ свою долю пользы.

Александра Штевень.

[Зр]

Теперь не в

